

**ГЕННАДИЙ
МАРЧЕНКО**

КУКЛОВОД

2016

Annotation

Дар или проклятие? Он хотел бы оставаться обычным человеком, но судьба распорядилась по-другому.

Марченко Геннадий Борисович

Кукловод

Кукловод

Геннадий Борисович Марченко

Пролог

Яна легкокрылой бабочкой впорхнула в полупустой салон троллейбуса, насквозь пронизанный солнечными лучами, словно золотыми копьями. Пылинки, подобно стайкам мелких, беззаботных рыбешек хаотично носились в воздухе. Не снимая ранца, она примостилась у окошка, поджидая кондуктора — толстую тетку с усиками над верхней губой, которая явно страдала от внезапно нахлынувшей майской духоты, то и дело промокая лоб и шею носовым платком, приобретшим из белого уже сероватый оттенок. Сунула кондукторше мелочь, быстро посчитала циферки на полученном билетике... Нет, несчастливый. Вздохнув, отвернулась к окну.

Домой ехать не хотелось. Мать, как обычно, будет зудеть, что она только на проезд в школу и обратно тратит половину ее зарплаты. А в стране очередной кризис, и отец-сволочь уже несколько лет как исчез, ни копейки алиментов от него не получила. Как и на сводного братишку Лешку от его отца — второй хахаль тоже не задержался в их семье.

Потом накормит жареной картошкой на прогорклом масле, и заставит зубрить домашнее задание. Вечером отправит на улицу выгуливать 3-летнего Лешку — непоседу с визгливым голосом, каких еще поискать.

А вот Лерку из их 4-го "Б" мамуля сама забирает из школы. Привозит и отвозит на красивой красной машине. Лерка хвалилась, что папуля ей недавно на день рождения подарил крутой iPad. А у них дома даже захудалого компьютера нет. Да что там говорить, она уже как три года ходит со стареньким мобильником, который и одноклассникам-то стыдно показать. О ноутбуке или планшете остается только мечтать. Мать вон плачется, что лучше бы вместо Лешки девчонка родилась, хоть было бы кому Янины платья донашивать. А так приходится покупать новое, ведь в сэконд-хэнде не всегда удастся найти приличную одежду. Но Яна любила братишку, несмотря на его отнюдь нелегкий характер.

В этот момент она поймала на себе взгляд сидевшего напротив розовощекого мужчины с родимым пятном на лбу, лет тридцати — тридцати пяти. Тот ехал спиной вперед, держа на коленях черную кожаную сумку-портфель. На его пухлых губах застыла легкая полуулыбка, а в мутных, серо-голубых глазах, ошупывавших ее с ног до головы, плескалось нечто непонятное, и оттого таившее в себе опасность, которую она ощутила каким-то шестым чувством, на уровне подсознания. Ее кожа покрылась мелкими пупырышками, и девочка непроизвольно вздрогнула.

Яна снова отвернулась к окну, но собрать воедино разбежавшиеся мысли уже не могла. Тем более что вскоре водитель объявил ее остановку. Домой она шла не торопясь, наслаждаясь кратковременной свободой между школой и зубрежкой уроков. Легкий ветерок игриво колыхал огромный розовый бант, вплетенный утром матерью в копну ее густых

волос. Она не любила банты, но еще меньше ей нравилось спорить из-за этого с матерью.

Вот и ее дом — стандартная панельная 9-этажка с мозаикой на торце в виде голубя с веточкой в клюве и надписью "СССР — оплот мира во всем мире". Яна только из рассказов матери знала, что такой Советский Союз, и как было хорошо до того, как к власти пришел Горбачев, разваливший такую сильную страну. А потом вместо СССР появилась Россия, которую возглавил Президент-алкоголик.

На полу подъезда, как обычно, засохшие плевки и окурки. Она нажала на прожженную сигаретными бычками кнопку вызова лифта. Где-то наверху натужно загудело, и через полминуты двери, ведущие в полусумрачную коробку, с грохотом разошлись в стороны.

Только перешагнув порог, Яна поняла, что находится в лифте не одна. Кто-то еще, бесшумный, шагнул за ней следом. Краем глаза увидела чей-то палец с аккуратно обработанным ногтем правильной овальной формы, нажимающий на кнопку девятого этажа и, стараясь придать голосу серьезность, сказала:

— Мне нужно только до шестого.

Однако в ответ промолчали, и она, посмотрев вверх, непроизвольно вздрогнула. Вплотную к ней стоял не кто иной, как тот дяденька из троллейбуса, обладатель черной кожаной сумки. Улыбнувшись своей попутчице, он снова потянулся к пульту, но на этот раз нажал на кнопку с надписью "Стоп". Лифт судорожно дернулся и остановился. В наступившей тишине она почувствовала, как ее горло моментально пересохло, а сердечко бешено заколотилось. Говорила же ей мать, чтобы она опасалась незнакомцев, не заговаривала с ними, не покупалась на приглашение куда-то пройти, где якобы ее могли ожидать игрушки или сладости... Она ничего этого и не делала. Просто какой-то дядя сам вошел в лифт, и что ей оставалось делать?

Между тем незнакомец свою сумку на ремне переместил себе за спину, и по-прежнему улыбаясь, мягко произнес:

— А ты хорошенькая. Я буду звать тебя Мальвиной.

Чувствуя надвигающуюся на нее волну темного ужаса, она хотела закричать, но потная ладонь крепко зажала ей рот, прижав затылком к стенке лифта. Вторую руку он запустил ей под юбку, нащупывая пальцами ее даже еще не тронутое легким пушком лоно. В последнем порыве, собрав все силы, она замолотила кулачками по улыбающемуся лицу.

— Давай, давай, Мальвина, я так люблю, когда девочки делают это...

Неожиданно он высвободил руку из-под юбки, и принялся стаскивать с ее головы бант. Ловко орудуя одной рукой, расправил шелковую ленту, обмотал вокруг худенькой шеи. Душил он девочку не торопясь, то затягивая, то слегка ослабляя узел. Она уже предчувствовала страшный финал, надвигавшийся с неотвратимостью Молоха. Душа ее смирилась с уготованной для нее участью, тогда как тело еще боролось, рвалось в бесплодных попытках вернуть тающую жизнь в оболочку из плоти и крови...

Когда изувер снова полез к ней в трусики, на этот раз решительно стягивая их на ее подгибающиеся колени, Яне это казалось уже не столь важным по сравнению с застилавшей глаза пеленой. С последним проблеском мысли она подумала о матери, как та будет недовольна, что дочь не выучит уроки.

"Я выучу, мамочка, обязательно выучу..., - билось ниточкой боли в гаснущем сознании. — Только позволь мне немного отдохнуть. Я так устала..."

Алексей Клест открыл глаза, возвращаясь в реальность холодной, мрачной утробы морга. Как обычно после сеанса, его бил озноб, а по лицу стекали крупные капли пота. Стараясь проглотить застрявший в горле ком, убрал ладонь с поседевшей головы девочки, и повернулся к замершему в напряженном ожидании следователю областной прокуратуры Виктору Леонченко:

— Это мужчина 30–35 лет, с небольшим родимым пятном на лбу, вот здесь, — он прикоснулся пальцем к левой стороне своего лба. — С собой он может носить черную сумку через плечо, кожаную или из кожзама. Сейчас поедem к криминалистам, там я нарисую его портрет.

— Я могу убирать тело? — робко вмешался молодой патологоанатом, закрывая лицо девочки простыней.

— Да, да, конечно...

Леонченко, пряча протокол осмотра в потертую кожаную папку, кивнул в сторону двери:

— Кстати, там, в коридоре сидит мать девочки. Привозили на опознание, мы ее уже допрашивали, может, и тебе стоит с ней поговорить?

Алексей на мгновение задумался, затем отрицательно покачал головой:

— Все, что она может сказать, не имеет к убийству ее дочери никакого отношения. Идем отсюда, мне здесь не нравится.

— Да уж, а кому здесь понравится, — грустно пошутил Леонченко.

И все же, увидев в холле сторбившуюся на лавочке женщину со стаканом воды в руках, Клест не выдержал и подошел. Выглядела она на все пятьдесят, хотя вряд ли ей было столько на самом деле. Он уже не раз сталкивался с подобными ситуациями и знал, как горе (тем более, когда теряешь очень близкого человека) старит людей. Женщина смотрела мимо него пустым, безучастным взглядом.

— Умирая, Яна боялась, что вы поругаете ее за невыученные уроки... Простите ее.

Поза ее оставалась прежней, но глаза обрели некое выражение, как бывает, когда человек просыпается от глубокого сна.

— Что... ЧТО вы сказали?

Но он уже уходил, твердым шагом направляясь в сторону двери. Она провожала его взглядом, в котором странным образом переплелись боль и надежда.

На рисунок много времени не ушло. Улыбающееся лицо убийцы все еще стояло перед его глазами. Довольно приличный набросок получился минут за десять.

— Типчик-то с виду приличный, — размножая портрет на ксероксе, отметил Валентин Степанович Совцов, слывший легендой приволжской криминалистики.

Это был абсолютно лысый человек худощавого телосложения, никогда не расстававшийся со своими выдавшими виды очками, хотя одно из стекол треснуло еще несколько лет назад. Тогда Совцов в очередной раз надрался до чертиков и элементарно упал физиономией в асфальт. Одно время криминалист пытался кодироваться, даже в санаторий ездил, где целый месяц жил без спиртного, но в итоге не выдержал, плюнул на

все виды лечения и снова принялся за старое.

— Вот такие приличные с виду и становятся серийными убийцами, — добавил дремавший до этого на стуле Леонченко. — Вспомните Чикатило, всегда в очочках, при костюме...

— Хм... Я попросил бы вас при мне не выражаться, товарищ следователь.

Все знали, что Совцов ненавидит, когда при нем упоминали имя Чикатило, потому что за глаза ему дали именно это прозвище, и он об этом прекрасно знал. Криминалист и в самом деле чем-то внешне напоминал знаменитого маньяка. Лысый и в очках, только что избегавший костюмов, и тем более никогда не одевавший галстуков, он не мог похвастаться тем, что женщины падали к его ногам, словно спелые груши. Впрочем, в отличие от знаменитого серийного убийцы, мальчики его совсем не привлекали, как и девушки, не достигшие совершеннолетия. Его всегда возмущало, если приходилось участвовать в расследовании дела об очередном педофиле. В том смысле, что эксперт предлагал таких моральных уродов сразу же кастрировать.

Но в целом характер Валентин Степанович имел добродушный, и если, что бывало крайне редко, он и выходил из себя, то через короткое время снова превращался в немного застенчивого, любящего повозиться с компьютером человека. Единственной его слабостью, как уже упоминалось, была 40-градусная злодейка, порой становившаяся причиной недельного запоя. Правда, начальство все же ценило Совцова и прощало ему этот грешок. Знали это и сотрудники угро с прокурорскими следаками, и частенько, чтобы подмазаться к местному Чикатило с какой-нибудь просьбой, приходили с поллитровкой в кармане.

— Ладно, Степаныч, мир, — поднял ладони вверх Леонченко. — С меня причитается. Ты мне, кстати, распечатай отдельно десятка два портретов этого изверга. Так, на всякий случай.

— Да на вас бумаги не напасешься, в самом деле! Привозите с собой что ли, а то ишь, взяли моду... Ладно, ладно, не кипятись, Витя, сейчас напечатаю я тебе твоего красавчика, как и просил, аж целых двадцать раз.

Пока ксерокс не торопясь выдавал на-гора портрет убийцы, Алексей вновь и вновь прокручивал в памяти увиденное несколько часов назад в холодном, мрачном морге. Улыбающееся лицо насильника так и стояло перед глазами.

— Ты мне все-таки объясни, Леха, как это у тебя получается? — вывел его из прострации голос Степаныча.

— Что получается?

— Ну, это... Видеть глазами мертвецов.

Как это у него получается... Дар это или кара божья — он и сам затруднялся определить. Сколько раз он уже вспоминал тот, первый случай, когда умер отец. Батьку по пьяни порезали собутыльники, прямо за сараем, где они и распивали бутылку купленной у шинкарки жидкости. Что стало причиной ссоры — никто из бывших дружков покойного так вспомнить и не смог. А повязали их всего через несколько часов, сладко спящих на какой-то зачуханной квартирке, где продолжалось веселье.

Поскольку их семья жила весьма скромно даже по советским меркам, отца хоронили в простом гробу. И вот тогда-то, у свежеврытой могилы, это и случилось с Лешкой впервые.

Склонившись над телом родителя, чтобы согласно придуманной кем-то православной традиции поцеловать его в лоб, он оперся о край домовины, стоявшей на двух шатких табуретах, и вдруг почувствовал, как вместе с гробом скользит куда-то вниз. В следующее

мгновение он уже летел в разверстую пасть могилы, перед глазами мелькнула красная обивка гроба, а затем последовал удар спиной о землю. Миг спустя онемевший от ужаса Леха увидел падающее на него тело отца, и интуитивно выставил перед собой руки. Правая ладонь уперлась точно в лоб покойнику, и тут же Лешка увидел словно киноленту, прокрученную задом наперед. Причем не только увидел, но даже почувствовал. Жуткая боль в районе печени, сверкнувший в руке нож, бездумно-пьяные глаза убийцы...

Потом он помнил, как его с причитаниями вытаскивали из ямы. Словно сквозь вату, слышал далекие голоса:

— Да как же он свалился-то, ну можно же было нормально гроб поставить!

— Дайте мальчишке нашатыря, он же сознание теряет...

— Господи, неужели, ему-то каково в двенадцать лет!

После этого мальчишка потерял сознание, и пришел в себя только на третьи сутки, в палате областной детской больницы. Сидевшая возле его постели мать беззвучно заплакала, когда он открыл глаза. Тут же появилась медсестра, затем материализовался старенький доктор с бородкой клинышком, словно сошедший с иллюстрации чеховский персонаж. Склонившись над юным пациентом, зачем-то оттянул ему нижнее веко, затем пощупал пульс и констатировал: "Так, так, замечательно. Организм молодой, еще бы не справился".

Уже на следующий день Лешку выписали. Повинуясь какому-то внутреннему табу, он даже матери не стал рассказывать о том, что видел. Единственный, кому он поведал о своем видении, был его самый близкий друг Пашка Яковенко, который поклялся обо всем молчать. Они дружили еще с садика, пошли в один класс, и были с ним не разлей вода.

Забыть увиденное он, конечно же, не смог. Пережитый ужас смерти, которую Лешка примерил на себя, изменил его. В школе стали замечать, что в поведении мальчика появилась рассеянность. От матери тоже не укрылись изменения, но она отнесла это на счет пережитого стресса в связи со смертью отца. И чтобы мальчик развеялся, отвела его в художественную школу, благо сын неплохо рисовал.

Но та история на кладбище не шла у него из головы. Теория требовала доказательства, и вскоре Лешка понял, что действительно обладает неким даром. Причем способен видеть не только глазами умершего, но и живого, правда, только если тот находится в бессознательном состоянии. Однажды вечером мать, уставшая после тяжелого рабочего дня на текстильной фабрике, просто уснула в кресле перед телевизором. Лешка, делавший уроки, посмотрел на нее, и ему стало так жалко мать, что в горле встал ком. Повинуясь непонятному чувству, он встал, подошел к матери, и ласково положил ладонь ей на лоб. И в то же мгновение перед его глазами, словно в ускоренной съемке, пронеслись последние минуты ее бодрствования. Вот тогда он и уверился, что способен на нечто, недоступное простому смертному.

Используя друга с его согласия в качестве подопытного кролика, он пробовал проделать эксперимент с бодрствующим человеком, однако успеха не добился. Из чего сделал вывод, что способен проникать в сознание только к мертвым и спящим.

Окончив художественное училище, Клест отправился отдавать долг Родине. К 18 годам он вымахал под метр девяносто, и его определили в ВДВ. В отличие от многих своих знакомых (в том числе и Пашки, кое-как переваливающего с курса на курс политеха), отлынивать от армии он не собирался, считая службу в рядах Вооруженных Сил хорошей школой жизни.

Проведя полгода в учебке, Алексей попал в горячую точку. Под Гудермесом принял свой первый бой. В этой мясорубке он потерял своего друга, Серегу Прыгунова, который, как

и он, призывался из Приволжска.

Они познакомились на призывном, и как-то сразу сдружились. Серега оказался разговорчивым малым, то и дело травил байки, якобы случившиеся с ним самим, хотя в это верилось с трудом. Сам он был родом из села, в Приволжске закончил техникум железнодорожного транспорта, и в будущем мечтал стать машинистом, зарабатывать много денег. У него было две сестры и брат, все младше него. Отец работал в котельной, мать — дояркой, так что семья, мягко говоря, не каталась, как сыр в масле. Вот он и мечтал зарабатывать столько, чтобы ни он, ни его родные ни в чем не нуждались.

В тот день рубка была жуткая, чеши всюю палили из минометов и гранатометов. Вместе с другом он прятался в развалинах двухэтажного дома без крыши, когда туда угодила мина. Прыгунову оторвало ногу, и как Клест ни бился, так и не смог остановить поток крови. Его и самого немного посекло осколками, но Лехины раны на фоне того, что случилось с Сергеем, казались легкими царапинами.

Минут через двадцать Сергей умер. За несколько мгновений до того, как покинуть этот грешный мир, он схватил липкую от крови ладонь товарища и, едва шевеля посиневшими губами, прохрипел:

— Леха, я думал, что умирать страшно. А сейчас понимаю, что нет. Ты видишь ангелов? Вон они, спускаются сюда.

Клест непроизвольно поднял голову, но увидел только легкие перистые облачка, плывущие высоко в прозрачной глубине. В этот момент он почувствовал, как хватка Сергея ослабла, и скосил взгляд вниз.

Тот лежал, глядя широко открытыми, еще не потерявшими яркости глазами в чужое небо. Алексей подумал, что надо бы закрыть товарищу глаза, так часто делали в фильмах про войну. Он протянул руку и, едва коснувшись пальцами лица Сергея, провалился в чужие воспоминания...

Примерно через полгода после демобилизации Алексей раскрыл первое в своей жизни убийство. Он тогда заночевал у знакомой в студенческом общежитии. До этой ночи Клест с ней встречался всего месяц, и после того не больше. В ту ночь они немного выпили, так что воспоминания о сексе у него остались мутные, словно все было в каком-то тумане.

Как бы там ни было, наутро в одной из соседних комнат обнаружили зверски избитую и задушенную девушку. Когда карета "скорой помощи" приехала на место, несчастная уже не дышала.

Что случилось ночью в комнате — неизвестно. Накануне здесь гуляла компания, но последние из гостей покинули хозяйку за полночь, после чего та заходила к соседке занять пару сотен. А утром одна из обитательниц общаги, проходя мимо квартиры загулявшей соседки, увидела приоткрытую дверь. Постучалась, не дождалась ответа и вошла внутрь. Где и обнаружила бездыханное тело задушенной девушки.

Капитан из РОВД, не теряя времени даром, расспрашивал соседей убитой по общежитию. Однако никто ничего не видел и не слышал, поэтому, как догадался Алексей, шансы найти убийцу по горячим следам равнялись практически нулю.

"Скорая" уехала восвояси, вместо нее прибыла "труповозка". Тело предстояло везти в морг, проводить судебно-медицинскую экспертизу. Толпа любопытных к тому времени почти рассосалась, и только Алексей в числе немногих зевак еще торчал во дворе общежития. Но когда на крыльце появились носилки, неожиданно для самого себя рванулся вперед:

— Можно, я посмотрю...

Присутствующие разом повернули головы к нему.

— Что посмотришь? — не понял капитан.

— Девушку посмотрю, если вы не против.

— Ты ее знал, что ли?

— Как вам сказать... Немного. Но подозреваю, что смогу быть вам полезным.

Капитан озадаченно почесал затылок, сдвинув фуражку на лоб, перевел взгляд с Алексея на убитую и обратно, после чего изрек, пожав плечами:

— Да гляди, мне не жалко.

Несмотря на скептицизм, написанный на лице представителя органов внутренних дел, конечный результат оказался ошеломляющим. Образ убийцы, его перекошенный ненавистью рот, настолько четко вырисовались в сознании Клеста, что тот даже покрылся липкой испариной.

Преступником оказался бывший хахаль девушки, которого она отвергла, и чего он так и не смог ей простить. Заявился тот к ней сразу после ухода теплой компании. Попытка примирения, новая ссора, и подвыпивший парень душит бывшую любовницу ее же колготками.

Убийца раскололся сразу, на первом же допросе. А через пару дней Клесту пришла повестка в милицию, тогда еще не перекинувшуюся в полицию, с просьбой явиться к майору Крутову к 9 часа утра. Наверное, все по тому же убийству, подумал Алексей, хотя ничего

нового он добавить не мог. Если только... если только следователя не заинтересовал способ, каким он определил, кто преступник. Впрочем, утро вечера мудренее. Размышляя таким образом, он лег спать, а утром отправился в УВД.

Майор при появлении визитера вышел из-за стола, одернул мундир и, что совсем уж смутило Алексея, протянул ему руку:

— Крутов Владимир Виленович. Отца называли в честь Владимира Ильича Ленина отсюда и такое отчество необычное.

Кивком указал на пачку лежавших на столе сигарет.

— Курите?

— Спасибо, не имею такой привычки, хотя в армии, был грех, баловался.

— Ну и правильно! Я вот тоже думаю, что надо бы бросить, легкие одни на всю жизнь даются, кашель по утрам мучает... Да силы воли не хватает.

А затем, без всякого перехода и с таким выражением, словно речь шла о чем-то вполне рядовом, сказал:

— Алексей Викторович, мне рассказали, как вы дотронулись до трупа Светиковой, и после этого выдали внешность ее убийцы. Я, чего греха таить, подумал было, что вы как-то причастны к этому делу, ну не может человек вот так, сразу. Но тогда тут терялся весь смысл, какой интерес вам был ввязываться в эту историю... Короче, как вам это удалось? Только честно, без шуточек.

Клест немного опешил. Он не ожидал такого вопроса в лоб, и теперь мялся, не зная, что ответить майору.

— Ну, Алексей, смелее. Просто расскажите и все...

Ой, да черт с ним, с этим его даром! Ну и расскажу, подумал он, так что в этом такого?! Чай, не убудет меня.

Клест и рассказал. О своих предыдущих откровениях с отцом и матерью, о том, что знает об этом только один человек, Пашка Яковенко... Майор слушал внимательно, он уже не выглядел этаким простачком. Когда повествование закончилось, задумчиво потер переносицу, глядя в хмурившееся за окном небо. Затем загасил в пепельнице бычок, и откинулся на спинку стула:

— Да, если все то, что вы мне рассказали, правда...

Алексей усмехнулся, поскольку и не надеялся, что майор ему поверит. А не поверил — оно и к лучшему, ни к чему ему лишние проблемы.

— Ладно, я помозгую на досуге над вашим рассказом, — вынес вердикт Крутов. — А вы, Алексей, отправляйтесь домой, и о нашем разговоре постарайтесь никому не рассказывать.

Майор выписал пропуск, с которым визитер и покинул его пропахший табаком кабинет.

Звонок с просьбой явиться в управление раздался уже на следующий день. Алексея встретил тот же майор, сразу перешедший на "ты":

— Короче, Клест, я поговорил с начальником УВД нашего родного Приволжска насчет твоих способностей. Он к этому делу относится с некоторой долей скепсиса, но если мы будем использовать тебя как внештатного сотрудника, без лишней афиши, то обещал препон не чинить, а напротив, даже согласился помогать по мере сил. Скажу по секрету, у нас тут имеется один внештатный экстрасенс, и он иногда даже чем-то помогает в расследованиях, хотя я в его способностях, признаться, сильно сомневаюсь. Надеюсь, что ты меня не разочаруешь. Ну как, по рукам?

— Что-то быстро вы как все за меня решили. Я вообще-то ни в какие такие дела ввязываться не планировал...

— Погоди, брат, не горячись.

Майор поднялся, подошел к Алексею и по-отечески положил руку ему на плечо:

— Понимаю, сейчас в молодежной среде, если можно так выразиться, не модно сотрудничать с органами правопорядка. Но ведь какое-то чувство долга перед Родиной должно у тебя быть! Представь, сколько пользы может принести твой дар, скольких подонков мы сможем отправить за решетку до того, как они еще кого-нибудь зарежут или забьют насмерть... А если завтра вечером один такой нелюдь встретит в подворотне твою мать и...

— Моя мать умерла два года назад...

— Ах, да, прости, я и забыл. Это же указано в твоём личном деле.

— Что, на меня уже и дело завели?

— Ну, у нас шустрые ребята работают, — не без нотки гордости произнес майор. — Так как насчет моего предложения?

— Можно мне хотя бы пару дней подумать?

— Конечно, я же понимаю, что такие вещи с кондачка не решаются. Ступай, и помни; о нашем разговоре — никому. И другу своему Пашке накажи помалкивать... Да, чуть не забыл. Если все же надумаешь сотрудничать, то сначала пройдешь полное медобследование. Это уж так в нашей системе заведено. Человек прежде всего должен быть здоровым физически, а о душе думает его начальство...

Через несколько дней Алексей Клест стал внештатным сотрудником уголовного розыска. Медицинский осмотр с применением новейших на тот момент приборов не обнаружил в нем никаких отклонений, могущих вызвать к жизни столь необычный дар. Алексея даже свозили в Москву, где его мозг исследовали светила нейрологии. Но и их вердикт был однозначным; никаких аномалий не обнаружено. На всякий случай Клест съездил в деревню к тетке, Клавдии Петровне, расспросил, не было ли у них в роду людей с необычными способностями? О причине своего интереса он предпочел умолчать. Тетка припомнила, что его прабабушка славилась в Кочетовке как прорицательница, но таких уникалов и тогда хватало, а сейчас и подавно пруд пруди. Поди разберись, кто действительно обладает даром, а кто просто дурачит народ. Впрочем, Клест взял себе на заметку историю с прабабушкой.

Уже спустя неделю после возвращения из белокаменной для Алексея нашлось задание, с которым тот справился блестяще. Нарисованный им портрет убийцы оказался настолько точным, что когда того поймали — сыщики просто ахнули.

Кстати, поначалу вычленишь из памяти покойника то, что представляет настоящую ценность, было весьма непросто. Обрывки чужих воспоминаний обычно проносились в его мозгу хаотично, и лишь со временем он научился отсеивать ненужное, отделяя, как говорится, зерна от плевел.

А еще он выяснил, что есть лимит времени, прошедшего с момента смерти, по истечении которого его дар оказывается бессильным. Однажды, когда его попросили просканировать найденный на окраине Приволжска труп десятидневной давности, он ничего не увидел, о чем честно сообщил следователю. Тот сделал соответствующую запись в протоколе, и в последующие несколько дней эксперты проводили с Клестом опыты в морге на предмет того, какой давности труп он способен просканировать. Выяснилось, что это

время измеряется примерно неделей. Примерно потому, что случилось, и на девятый день он видел картину смерти, хотя уже и смутно, но это были весьма редкие исключения, подтверждающие правило. Случалось — впрочем, гораздо реже — когда и на шестой день он не мог толком воспроизвести подробности убийства. В итоге эксперты сошлись на мнении, что мертвецы недельного срока давности — это предел для Клеста, и на более древние трупы его больше не вызывали.

Как бы там ни было, за последующие шесть лет с его помощью удалось раскрыть около трех десятков преступлений, которые могли бы кануть в Лету как висяки. А могли и вовсе пострадать невинные, обвиненные по ошибке или подставленные слишком ретивыми следками, для которых процент раскрываемости важнее человеческих судеб. И всегда он точно указывал на преступника.

Хотя об Алексее знали считанные единицы, вскоре в милицейской среде даже зародилась поговорка: "Нужно найти убийцу? Обращайся к "Сканеру". Именно такое прозвище Алексей за глаза получил у сыщиков. Впрочем, те, если им доводилось вдруг становиться свидетелями того, как Клест работает над телом, могли лишь догадываться, что тот делает на самом деле. А слухи среди ментов ходили один удивительнее другого. Порой, услышав о себе очередную байку, Алексей не знал, смеяться ему или огорчаться.

В последние пару лет его практически постоянным напарником стал следователь областной прокуратуры Виктор Леонченко. Сначала просто так выходило, что Алексея отправляли к нему на помощь, поскольку тот брался за расследование самых серьезных дел, по большей части убийств. А затем они как-то притерлись друг к другу, начальство это заметило, и дало негласную санкцию на то, чтобы Виктор и Алексей работали в паре. Характер у Клеста был немного сложноват, с незнакомыми людьми он обычно сходил с трудом. А с Леонченко почему-то сразу почувствовал себя комфортно, в чем вынужден был признаться даже самому себе.

Виктор одно время был женат, даже обзавелся дочкой Лизой, но брак просуществовал чуть больше года. Тем не менее, с бывшей женой он отношения поддерживал, а по выходным старался проводить время с семилетней дочерью. Правда, в то же время его видели в обществе то одной, то другой барышни. Неизвестно, питали ли они какие-то планы относительно замужества, однако больше обычно через пару месяцев Леонченко бросал очередную пассию, и отправлялся на поиски новой жертвы. И получал от этого несомненное удовольствие.

Алексей за свою внештатную деятельность получал премию по итогам года от лица руководства УВД. Но прожить на это, понятное дело, было невозможно, и он сочетал халтуру (как он это сам называл) в полиции с халтурой художественной. Обычно он подрабатывал оформителем, не гнушаясь братья за любую работу, а для души в свободное время дома рисовал картины. Его квартира давно превратилась в мастерскую, пропитанную запахом масляных красок, растворителя и холста. Впрочем, Алексей давно уже свыкся с этим запахом и, переступая порог квартиры, вдыхал его с таким наслаждением, словно аромат самых дорогих духов.

Картины Алексея отличались своеобразной манерой письма. Это было что-то среднее между сюрреализмом Дали и работами Андрея Рублева. Кто-то из его знакомых-художников назвал этот стиль неосимволизмом, так это название и прижилось.

Тем не менее, картин становилось все больше и больше, и вскоре в его карман стали капать деньги от их продажи. Реализацией холстов занимался некто Виктор Егоров,

исполнявший обязанности своего рода художественного дилера. В прошлом подававший надежды как живописец, он все же забросил это ремесло, и вот уже лет пятнадцать занимался исключительно перепродажей картин. Работал Егоров с несколькими самыми известными мастерами Приволжска, работы которых оседали не только в квартирах местных нуворишей, но и в коллекциях питерцев и москвичей. А некоторым полотнам даже посчастливилось оказаться за границей. Егоров же, понятно, занимался этил делом не ради любви к искусству; как посредник, он имел вполне реальный доход, иначе как можно было объяснить то, что за последние годы он обзавелся новой квартирой и автомобилем.

Как человек Алексею он особо не нравился, слишком уж был мелочным, и к тому же немного хамоватым. Хотя Клест и понимал, что работа тоже отложила отпечаток на характере Виктора. Однако деньги за картины тот приносил исправно, партнеров не кидал, и это немного нивелировало его антипатию к торгашу.

Во всяком случае, подобного рода заработок позволял Алексею не голодать. Он даже купил себе подержанную "шестерку", хотя, признаться честно, в технике не особенно разбирался. Хорошо еще, что "Жигули" за все это время серьезно ломались всего пару раз.

Однажды Клеста пригласили в региональное управление ФСБ. Его завели в кабинет у местного начальнику, которого Алексей видел впервые в жизни. Тот представил гостю полковника из столицы, приехавшего якобы специально, чтобы поговорить с человеком, получившим прозвище "сканер". Получилась весьма "задушевная" беседа. Мило улыбаясь, полковник сказал, что во времена КГБ с ним церемониться бы не стали, а просто увезли в столицу, и трудился бы Клест на благо Родины в каком-нибудь секретном институте, а то и вовсе в "почтовом ящике". А так он предлагает ему добровольно стать штатным сотрудником и, соответственно, неплохой оклад на уровне майора. Но Алексей к идее "золотой клетки" отнесся без особого энтузиазма. И напрочь отказался от предложенной негласной охраны, каким бы ценным кадром фээсбэшники его не считали.

— Понадобится моя помощь — со всем моим удовольствием, — сказал он полковнику. — А следить за мной не надо. Не думаю, что ЦРУ и Моссад заинтересуются моей персоной настолько, что посчитают своим долгом выкрасть меня и заставить на себя работать.

Расстались, тем не менее, по-доброму. На прощание полковник сунул ему бумажку со своими московскими номерами, включая мобильный. А присутствовавший при беседе начальник Приволжского УФСБ нацарапал на клочке бумаги свой телефон. Так, на всякий случай. В свою очередь Алексей дал подписку о неразглашении, поскольку его дар одномоментно определили как секрет государственной важности. И, несмотря на обещание полковника не приставлять к нему охрану, Клест первое время неоднократно замечал вроде бы неприметных личностей, висевших у него на хвосте.

Он не был уверен, что и дома у него не стоят подслушивающие устройства или скрытые камеры. С этих ребят станется. Если им так легче — Бога ради, он не в претензии. Лишь бы туалет не напичкали спецаппаратурой.

А со временем он просто перестал обращать на "хвосты" внимание. А потом как-то попробовал вычислить соглядатая, перескакивая с автобуса на маршрутку, ныряя в подворотни... Но вроде бы на этот раз никто за ним не увязался. Либо он так ловко ушел от слежки, что чекисты просто не сумели за ним уследить. Алексею хотелось верить, что что сотрудники ФСБ уверились в том, что ему ничего не угрожает, и перестали тратить на него время.

В личной жизни Алексею не очень везло. В двадцать три он женился, и как оказалось, поспешил. Лида быстро навела порядок, запретив ему дома доставать мольберт и краски. Мол, надоела эта вонь, даже в туалете красками несет. Можно подумать, лучше, когда там пахнет дерьмом... Алексей попробовал упереться, однако вскоре понял, что эту битву он проиграет. Пришлось в итоге арендовать помещение под мастерскую — комнатушку в полуразваленном двухэтажном доме постройки позапрошлого века.

О своем даре он жене не рассказывал. Как-то не тянуло откровенничать. Случавшиеся время от времени звонки (в том числе и среди ночи), и следовавшие за этим отлучки объяснял наличием в родне двоюродной бабушки, которой то и дело становилось плохо с сердцем. Вот он якобы и мотался к ней ночами. Естественно, в телефонных разговорах приходилось маскироваться, называя собеседника (обычно это был сам Леонченко) Валентиной Петровной. Леонченко к такому псевдониму долго не мог привыкнуть, тихо матерясь в трубку. Лида верила, или делала вид, что верит, но периодически устраивала ему сцены, обвиняя в измене.

А меньше чем через год он сам застукал жену в постели с любовником. Для бывшего десантника разобраться с каким-то длинноволосым мачо не составило особого труда. Впрочем, он особо и не марался, так, влепил пару оплеух. Досталось слегка и неверной супруге. Та орала, что подаст на мужа в суд за рукоприкладство, и Алексей в сердцах сказал, что тогда точно ее грохнет. Грохнуть он ее, конечно, негрохнул бы. Это в горячке, когда застукал с любовником, влепил ей пощечину, после чего самому стало стыдно за свою несдержанность. Но очень уж выиграло в нем уязвленное самолюбие.

В результате бракоразводного процесса Клест благородно разменял доставшуюся ему от родителей 3-комнатную квартиру на две однокомнатных, и одну из них подарил Лиде, пожелав ей на глаза ему больше не попадаться...

После этого случился длительный запой, из которого его не без труда вывел штатный психотерапевт местного управления ФСБ. И закодировал на всякий случай от употребления спиртных напитков. С тех пор вид вина и водки вызывал у него отвращение. Зато он мог пить пиво в сколь угодно больших количествах, это была своего рода поблажка от психотерапевта.

Сам начальник УВД вызывал Алексея к себе на ковер, по-отечески пожурил. Мол, у многих из его подчиненных случаются в жизни неприятности, но это еще не повод, чтобы срываться. На что Алексей ответил, что он не подчиненный, а внештатный сотрудник. И вообще берет отпуск на месяц, в течение которого просил бы его не тревожить.

Целый месяц он провел у тетки в деревне, наслаждаясь чистым воздухом и ежеутренним парным молочком из-под буренки. С утрачка отправлялся на пленер, рисовал сельские пейзажи, возвращался обедать, и вторую половину дня просто гулял по окрестностям, или купался в местной речушке со смешным названием Кутяйка. В общем, психику удалось более-менее привести в норму и, вернувшись, он с удвоенной энергией взялся за раскрытие новых преступлений.

— Ну, так ты расскажешь, как у тебя получается сканировать мертвых, или это твой профессиональный секрет?

Клест очнулся, стряхивая с себя груз воспоминаний, и посмотрел на Степаныча так, словно видел того в первый раз. Потом сильно сжал лицо ладонями, надавив пальцами на прикрытые веками яблоки глаз с такой силой, что в них запрыгали яркие, цветные пятна.

— Извини, дорогой, но я и сам бы не прочь получить ответ на этот вопрос. Это происходит само собой, я просто вижу глазами мертвеца то, что видел он сам в последние минуты своей жизни. И честно сказать, каждое такое сканирование изрядно действует на психику. Так что, Степаныч, если ты вдруг надумаешь мне завидовать — лучше не надо.

— Да я и не завидую, была охота, — пробурчал криминалист. Однако что-то подсказывало Алексею, что Степаныч как раз исходил черной завистью. И с удовольствием поменялся бы с ним местами.

Домой он вернулся в половине восьмого вечера. Кастрюлька шей, сваренная три дня назад, вчера неожиданно закончилась. Готовить что-то серьезное было неохота, и Алексей просто приготовил яичницу из четырех яиц, предварительно обжарив на сковороде несколько кружочков докторской колбасы. Колбаса была настоящая (даром что дорогая), и загнулась тонкими аппетитными ломтиками, поменяв цвет с розового на коричневатозолотистый. А когда к яичнице добавились свежие огурчики, помидоры и зеленый лук — ужин и вовсе показался царским.

Поевши, он бросил сидящему в аквариуме черному скорпиону парочку специально купленных в зоомагазине мадагаскарских тараканов. Членистоногое тут же выбралось из песка, где коротало большую часть времени, и накинулось на добычу. Скорпиона привез полтора года назад из Средней Азии Пашка. Он мотался туда по своим делам, вот и приглянулась ему местная диковинка. Привез в Приволжск в банке, умудрившись как-то миновать таможеню в аэропорту. А дома жена Наталья устроила ему разнос, заявив, что скорпионы навлекают беду. Якобы она где-то подобное то ли слышала, то ли прочитала когда-то в журнале...

Выбрасывать такую экзотику на помойку было жалко, вот Пашка и притащил скорпиона Алексею, благо тот к тому времени уже вернулся к холостяцкой жизни, и покуситься на членистоногое никакие жены не смогут. Новый хозяин не только приютил жителя пустынь, но и дал ему имя Курт. В честь Курта Кобейна, который свел счеты с жизнью при помощи охотничьего ружья. Скорпионы ведь тоже могут убить себя собственным жалом. Хотя такое имя больше подошло бы, наверное, каракурту.

Клест не стал смотреть, как Курт питается парализованными ядом тараканами. Он включил комп, и на экране медленно проявилось лицо длинноволосой девушки. Прообразом для этой своего рода Анапова, которую он называл по-домашнему Клавой (в том числе и по аналогии с клавиатурой) послужила фотография молодой Шарон Стоун, в которую Алексей влюбился после "Основного инстинкта". Программку сделал знакомый программист из отдела "Р", Петя Шапиро, в прошлом хакер и автор какого-то крутого вируса. После того, как менты его взяли за жабры, ему ничего не оставалось делать, как принять предложение

сотрудничать с органами правопорядка. С Петром Клест как-то сконтачился по одному делу, и теперь в случае нужды мог запросто обращаться к нему за помощью. А Клава была просто подарком, старой его разработкой, которой только оставалось приклеить лицо на выбор.

— Привет! — прожурчала девица, качнув бюстом. — Надеюсь, у тебя все в порядке? Хочешь посмотреть почту?

— Сейчас посмотрим, — пробормотал Алексей, — только музыку включу.

Он нажал кнопку дисковода, и на выдвинувшийся поддон Клест поставил лицензионный диск с полной дискографией "Led Zepplin". Любовь к старым рокерам у него началась с найденной в старом, готовящемся на слом доме виниловой пластинки группы "Deer Purple". Ему тогда было лет 11, а в доме имелся старенький проигрыватель, на котором Лешка загонял диск чуть ли не до дыр. После чего стал искать пластинки с альбомами зарубежных рокеров, что в те годы было огромной редкостью. И стоили они соответственно. Со временем в коллекции появились и CD-диски, но винил Клест хранил как память, даже купил новый японский проигрыватель. Не слишком чистый звук винила почему-то был ему милее.

Роберт Планта затянул про лестницу, ведущую в небеса, а Алексей тем временем просмотрел электронную почту. Опять накидали спама, рекламирующие курсы хатха-йоги, дешевые загрантуры и прочую хрень. Нет, пора обзавестись программой, которая автоматически удаляет этот мусор. Шапиро давно уже предлагал подогнуть, только у Клеста все как-то руки не доходили.

Что-то душновато, несмотря на открытую форточку. Капли пота стекали за шиворот майки, и продолжали свой бег вниз по спине, тормозя где-то в районе резинок шорт. Эх, накопить бы еще и на кондиционер, подумал он, а лучше на сплит-систему. Но пришлось по старинке воспользоваться вентилятором.

Расправившись со спамом, Клест шагнул в сторону мольберта, где его пожидала незаконченная работа под рабочим названием "Лето". Над одиноким, стоящим в поле раскидистым деревом, ветви которого украшали черепа, парили два ангела. Вместо лиц у них были белые пятна, и Алексей давно уже мучился, так и не находя нужного образа для этих ангелов. Он знал только то, что они не должны быть похожи друг на друга.

Может, сейчас наконец его посетит вдохновение? Он взял кисть, палитру, выдавил на нее краску, но так и застыл, слепо глядя в холст. Из головы не выходила та задушенная в лифте девочка. Ангельское личико, огромные синие глаза, тонкая, ну совсем лебединая шейка... Кто же тот сатана, что посмел надругаться и лишить жизни невинное дитя?!

Тут же он понял, что нужно делать. Отбросив кисть, схватил карандаш, и принялся рисовать лик ангела — лицо убитой насильником девчухи. Алексей не замечал, как летело время, потом уже накладывая на карандашный рисунок слой краски... Ангел получился настолько похожим на Яну, что ему стало не по себе.

Пока он корпел над холстом, прошло почти полтора часа. Совершенно вымотанный, Клест отправился в ванную, включил душ и с наслаждением подставил лицо прохладным струям воды. Минут десять он просто стоял, чувствуя, как в его тело возвращается жизнь.

Затем он улегся на старый, скрипящий пружинами диван, также доставшийся ему в наследство от родителей. Кто знает, вполне вероятно, что они и его зачали еще на этом диване. А уже они с Лидой — бывшей женой — опять же на нем пытались продолжить род Клестов. Но не судьба. Идти к врачу, выяснять, кто из них двоих не в состоянии иметь детей, Лидка отказалась наотрез. Силком не потащишь, пришлось втихую идти проверяться

самому. Анализы показали, что как мужчина он вполне здоров, следовательно, все претензии к супруге. Но он ничего говорить ей не стал, жаль было травмировать психику. Ее психику. Знал бы, что она окажется змеей подколодной...

А может, с другой-то стороны, и хорошо, что детей не сделали. А то потом как ее бросил бы, с ребенком на руках? Нет, помогать материально он стал бы, конечно, алименты бы платил, все как положено... Но все равно между ними осталось бы связующее звено в виде мальчика либо девочки. А он не хотел иметь с этой двуличной стервой ничего общего...

Примерно через неделю после случая с задушенной девочкой для Алексея вновь нашлась работа. Резкая трель телефона подняла его на ноги в половине шестого утра. Спросонья он не сразу сообразил, кто с ним говорит на другом конце провода. Оказалось, Леонченко.

— Алексей, извини, что в такую рань тебя разбудил... В общем, объяснять долго, и разговор, если честно, не телефонный. Может, подъедешь в одно не очень приличное местечко? Я уже и машину за тобой послал, чтобы ты свой бензин не тратил.

— Без вопросов, — с напускной бодростью ответил Алексей, хотя больше всего на свете сейчас ему хотелось послать следака куда подальше и завалиться спать.

— Ну и ладненько! Я ведь и прокурору области уже позвонил, случай тут очень уж... непростой. В общем, машину он свою выделил специально для этого дела.

В ожидании транспорта Алексей думал хотя бы умыться. А чтобы окончательно пробудить себя, решил поставить что-нибудь бодренькое, какой-нибудь рок-н-роллерчик. Правда, не успел, потому что Клава голосом с сексуальной хрипотцой сообщила:

— А тебе письмо, милый...

В папке "Входящие" помимо двух спам-сообщений лежало еще одно письмо. Адрес отправителя — kuklovod@mail.ru — Алексею ни о чем не говорил. Не исключено, что это тоже обычный спам.

Тем не менее, он навел курсор на письмо и щелкнул левой кнопкой мышки. Текст был не очень длинным, Алексей прочитал его за несколько секунд. А затем еще раз прочитал, потому что в первое мгновение не понял смысла послания, гласившего следующее:

"Первый в космосе, номер 8".

К письму была прикреплена фотография, открыв которую, Клест судорожно сглотнул, чувствуя, как все его существо заполняется холодом, словно в него, как в покойника в прозекторской, закачивали формалин. На экране монитора было лицо человека, кажется, мужчины, только назвать лицом это кровавое месиво вряд ли бы у кого повернулся бы язык. Вместо глаз у покойника были две наполненные засохшей кровью впадины, а изо рта у него торчало нечто, напоминающее сигарный окурочок, только подозрительного розоватого оттенка.

Алексей с минуту тупо пялился на экран, затем автоматически сохранил письмо на рабочий стол. Ничего себе посылочка! Если это чья-то шутка, то весьма дебильная. А фото было очень похоже на настоящее, хотя не исключено, что кто-то обработал его при помощи компьютерных примочек. И кто автор фотографии? Тот, кто ее прислал? Если так, то что он этим хотел сказать?

Ему не удалось до конца развить свою мысль, потому что раздался звонок мобильного. Звонил водитель присланной за ним машины: "Приветствую, машина подана!"

Отдернув шторы, Алексей увидел черный "Геленваген", возле которого топтался парень

в черной куртке. Выключив компьютер, и наскоро ополоснул лицо холодной водой, Клест оделся, а уже через пару минут плюхнулся на сиденье рядом со смутно знакомым водителем. Где-то он уже его видел, кажется, когда тот привозил своего шефа на двойное убийство. Клест тогда впервые увидел главного прокурора губернии, и тот запомнился ему как упитанный мужчина лет 50 с недовольно искривленными губами.

Они с водителем пожали друг другу руки, обменявшись парой ничего не значащих фраз. Всю дорогу Алексей просидел с полуопущенными веками. Спать уже не хотелось. В голове крутился только один вопрос: что могло значить странное письмо, и кто этот бедняга, над которым так "живописно" поработал какой-то извращенец?

— Приехали.

— Благодарю за доставку, — улыбнулся Клест.

Так, а теперь нужно от всего отвлечься, работа прежде всего. Машина стояла во дворе четырехэтажного дома красного кирпича, зиявшего темными глазницами окон. Дому, как отметил про себя Алексей, было лет сто, не меньше. Судя по всему, какая-то организация затеяла капитальный ремонт здания. Потолки тут наверняка высокие, комнаты просторные, и вполне вероятно, что после евроремонта стоимость квартир по сравнению с их прежней ценой возрастет в десятки раз. Да, в таких хоромах ему с его относительно скромной зарплатой жить вряд ли придется.

— Привет!

Рукопожатие Леонченко было крепким, а сам он, в отличие от большинства своих разленившихся коллег, чем-то походил на борзую собаку. Такой же поджарый, готовый в любой момент сорваться в любом направлении.

— Извини еще раз за ранний звонок, — сказал он на ходу, пока они поднимались по лестнице. — Меня самого подняли из постели, а я там пребывал с такой фифой... Мы часа в три с ней только любиться закончили, а тут знакомый капитан из РОВД звонит, говорит, дело нашлось для Леши Клеста, а поскольку вы, мол, с ним в паре, то и расхлебывайте вместе.

— Сказал капитану спасибо? Ладно, Бог с ним... В чем суть дела?

— Объясняю в двух словах... Дом, как ты успел заметить, на капремонте. Будет на этом месте элитный жилой дом, торговый центр или банк — про то мне неизвестно, да и к делу, собственно говоря, не относится. Короче, здесь повадились ночевать бомжи, благо охраны почему-то как таковой нет. Хотя, собственно, что здесь воровать...

Так вот, бродяги обычно весь день на заработках, а сюда приходят отсыпаться ближе к полуночи. Вот один из них, который вернулся пораньше остальных, и обнаружил кое-что интересное.

Дверь старой квартиры держалась на одной петле. Толкнув ее, следовательно вместе с Алексеем миновали длинный коридор, и они оказались в просторной комнате. Из всей мебели в ней был только допотопный диван, сквозь драную обивку которого в паре мест торчали пружины. Почти точно на середине комнаты лежало накрытое простыней тело. Возле него топтался капитан из РОВД, которому пытался что-то втолковать криминалист. В правой руке тот держал целлофановый пакетик, в котором лежало что-то небольшое, продолговатое, розового цвета.

— Ну что, Быстров, ничего нового не накопили, пока я отлучался коллегу встречать?

— Да откуда копать-то... Процесс может затянуться, сами видели, убийца вроде особых улик не оставил. Может наш экстрасенс чем поможет?

Алексей ухмыльнулся про себя, расслышав в голосе капитана едва уловимый сарказм. Леонченко между тем откинул пропитанную кровью простыню, и в первый миг Клест непроизвольно зажмурился. Это не было чувство дежа-вю, перед ним на грязном полу лежал самый несчастный, фото которого он рассматривал каких-то полчаса назад. В этом не было никаких сомнений. Разве что сейчас рот убитого оказался закрыт, и из него уже ничего не торчало.

Алексей не выдержал и отвернулся, поблагодарив себя за то, что не успел позавтракать.

— Что, пробирает?

Виктор подошел и по-отечески похлопал его по спине.

— Мне тоже поначалу не по себе стало. Это не просто убийство, а убийство с особой жестокостью. Надо же, сука, глаза вырезал... Мало того, извращенец связал мужика, потом отрезал несчастному... половой орган и засунул ему в рот. А затем лицо содрал! Бедняга скончался от большой кровопотери. Страшно представить, каково ему пришлось...

Алексей непроизвольно обернулся в сторону эксперта. Пакетик с непонятным предметом тот уже спрятал в чемоданчик, но Клест уже догадался, что находилось в полиэтиленовом мешочке.

— Так вот, — продолжал Леонченко, — на простые дела, как ты знаешь, мы тебя не вызываем. Ну а здесь просто нонсенс, вся прокуратура и УВД уже, наверное, на ушах стоят. Странно, что мой босс не приехал, не иначе, в такую рань не смог себя пересилить, — чуть тише добавил следователь. — Кстати, я за тобой не только поэтому послал. Видишь надпись?

Виктор подошел к стене, и Алексей увидел то, на что поначалу даже не обратил внимания. На уцелевшем куске штукатурки неровным почерком было начертано одно только слово: "Клест".

От темных букв вниз тянулись бурые потеки.

— Между прочим, написано это, если эксперт не ошибается, не чем иным, как кровушкой, — сказал Леонченко, оборачиваясь к Алексею.

Тот почувствовал, как по коже вновь побежали угомонившиеся вроде мурашки.

— Что ты думаешь по этому поводу?

Алексей перевел взгляд на растерзанный труп, затем снова на надпись. Да, это была его фамилия, написанная самой настоящей кровью, и вряд ли писавший имел в виду безобидную птичку.

— Вить, сегодня утром я получил одну забавную фотографию... На ней был он, — Клест кивнул в сторону покойника, — точь-в-точь, как сейчас. Только с членом во рту. Думаю, что надпись на стене и фото как-то связаны между собой. Убийца — а что надпись и письмо его рук работа, я уверен почти на все сто — сделал все, чтобы я оказался здесь.

У Леонченко был такой вид, будто его только что огрели обухом по голове.

— Постой-постой... Ты что, хочешь сказать, что некто прислал тебе фотографию убитого? А...

— Не знаю кто, адрес отправителя мне незнаком. Но, судя по всему, снимок делал тот, чьих это рук работа.

Алексей вновь кивнул на обездвиженный труп, а следователь яростно поскреб вчерашнюю щетину. Затем схватил зубами сигарету, и чиркнул зажигалкой.

— Слушай, фотография у тебя при себе?

— Смеешься? Она пришла в электронном виде. При желании ее, конечно, можно

распечатать, но пока я сохранил ее у себя в компьютере. Хотя, признаться, сначала я подумал, что это чья-то глупая шутка, и хотел ее уничтожить вместе с письмом.

— С письмом? А что было в письме?

— Какая-то бредятина... Буквально звучит следующим образом: "Первый в космосе, номер восемь", — процитировал он. — Что это может значить?

Виктор пожал плечами:

— Может, это работа рехнувшегося маньяка, который каким-то образом прознал о твоих способностях? Во всяком случае, это первое, что приходит в голову. Слушай, как дома появишься, скинь мне на электронку фото, мы над ним поработаем. А пока, может, просканируешь бедолагу?

А ведь и правда, зачем он здесь, по большому счету? Ясное дело, чтобы сканировать лежавшего перед ним покойника. Этого же, судя по всему, хотел и автор кровавой надписи на стене, он же отправитель страшного письма с загадочным текстом.

— Хотя бы известно, кем был убитый?

Леонченко отошел к оконному проему и вновь закурил. Дым безмятежно растворялся в свежем, еще не загаженном выхлопными газами утреннем воздухе. В такое спокойное, прохладное утро не хотелось думать ни о чем плохом.

— В кармане убитого мы нашли паспорт на имя некоего Рогозина Виталия Сергеевича, 33 лет от роду. Будем надеяться, это действительно паспорт погибшего. Редко кто с собой сейчас паспорт носит, а этот словно специально подготовился... В общем, по базе уже пробили. Он бизнесмен средней руки, живет — вернее, жил — с молодой любовницей, в разводе, есть сын семи лет. Как здесь оказался — все это еще предстоит выяснить. Родным мы еще не сообщили. Сейчас мне пробьют телефон его любовницы и экс-супруги, я ими сам займусь. Но честно говоря, вряд ли они прольют свет на случившееся. В общем, надежда в первую очередь на тебя. Тем более и надпись, и твоя фотография задают нам загадки.

Да уж, в конце концов, непросто же так он сюда прибыл ни свет, ни заря. Немало покойников он сканировал, попадались экземпляры и похлеще, когда пальцы приходилось прикладывать к кровавому месиву. Так что чистоплюйство здесь просто неуместно.

Вздыхнув, Алексей собрал волю в кулак, постаравшись отрешиться от посторонних мыслей, и склонился над трупом, касаясь кончиками пальцев к затылку покойника.

Как обычно, сначала его пронзила легкая судорога, спустя мгновение взорвавшаяся в мозгу ослепительной молнией, а затем в сознании возникла смутная тень, которая несколько секунд спустя обрела более четкие очертания...

...Он подцепил ее на выходе из клуба. Она назвалась Элеонорой, хотя, наверное, на самом деле ее звали просто Ленкой, или еще как-то незамысловато. Невысокая шатенка с волосами длиной до середины лопаток одиноко маячила у входа и, судя по взглядам, которые она бросала на проходившие мимо парочки, у нее самой не хватало денег на входной билет. Но она пыталась выглядеть независимо, при этом неумело затягиваясь тонкой сигаретой. А ему сейчас ох как хотелось женской ласки, тем более что Вика уже вторую неделю путешествовала в бизнес-круизе, якобы осваивала профессию менеджера. Зная кошачью любвеобильность этой сучки, наверняка можно было предположить, что Вика если что и осваивала, так это новые техники в искусстве секса.

— Ну и чего уставился?! — покосилась на него девица, отбрасывая в сторону недокуренную сигарету.

Виталий усмехнулся, поигрывая ключами от машины, кивнул в сторону

припаркованной недалеко от входа "Мазды":

— Скучаешь? Не хочешь прокатиться?

Показалось, что девчонка сомневается.

— Что, вот так просто?

— А почему бы и нет? Я покажу тебе рассвет над рекой, с Петровского холма увидишь, как просыпается город...

— Романтик, — усмехнулась она. — Ладно, уболтал. Только учти — лапать себя не дам!

Ага, конечно, так он ей и поверил. Зачем тогда вообще садилась? И вот он уже задирает ее майку на заднем сиденье "Мазды", нащупывая ладонью налитую молодостью грудь и затвердевший сосок, расстегивает джинсы... Она для виду покуражилась, конечно, что-то про месячные начала бухтеть. Но вскоре уже весьма охотно стала отвечать на его поцелуи, и сама принялась расстегивать на нем брюки, нащупывая набухший член...

Оттрахать себя в машине все же не дала. Предложила сделать это не здесь, а в ее якобы уютной квартирке.

— Ладно, показывай, куда ехать, — сказал он, сдерживая рвущийся наружу орган любви. Ничего, сейчас он отомстит Вике тем же способом. Возможно, что именно в это время она кувыркается в каюте с каким-нибудь корабельным мачо.

— Пока прямо, я скажу, где сворачивать.

Они петляли по каким-то закоулкам минут двадцать, пока, наконец, не остановились у ветхого с виду четырехэтажного дома, ни одно из окон которого не горело, что показалось Рогозину более чем подозрительным.

— Тормози, это здесь.

— Странное у тебя место жительства, — пробормотал он.

Они вошли в темный подъезд, перешагивая через строительный мусор.

— У вас тут что, олигарх заселился, и ремонт под себя затеял?

— Не обращай внимания. Осталось немного, — подбодрила его Элеонора. — Открывай эту дверь, входи...

— Это что? Ты здесь живешь?! Знаешь, что-то мне не хочется заниматься любовью в таком месте.

— Теперь, дружок, давать задний ход поздно...

— Ой!..

Схватившись за ужаленную ягодицу, он увидел в руке своей новой подружки небольшой шприц, наполовину наполненный темной жидкостью. Она ничего не ответила, лишь только как-то странно на него посмотрела. Виталий хотел вырвать у нее шприц, отвесить этой шлюхе пощечину... Но понял, что не может двинуть не то что рукой, а даже повернуть голову. Он моментально превратился в самое настоящее бревно, которое принялось медленно оседать на грязный, покрытый кирпичной крошкой пол.

В следующее мгновение он увидел над собой лицо Элеоноры. Вернее, контур ее лица, освещенный пробивавшейся сквозь оконный проем луной.

— Ну что, страшно?

Ему и вправду было страшно. Если бы он мог кричать, то заорал бы что есть мочи. Но он мог только смотреть в глаза той, что нависала над ним. Самое жуткое было в том, что эти глаза не принадлежали больному, свихнувшемуся существу, а глядели на него совершенно бесстрастно, может быть, лишь с малой толикой интереса, как, наверное, глядел Павлов на своих подопытных собак, вставляя им в желудок очередную фистулу.

Она извлекла из недр своей сумочки сотовый, включила мини-камеру, и навела объектив на застывшее лицо жертвы. От разорвавшей темноту вспышки Виталий на несколько секунд ослеп.

— Эту фоточку я оставлю себе, — прокомментировала девица. — А следующую сделаю, когда ты уже отправишься в мир иной, и отправлю ее по одному адресочку.

В следующее мгновение похолодевший от ужаса бизнесмен узрел перед собой блестящее в лунном свете лезвие ножа.

— Прежде чем я сделаю операцию, мне нужно, чтобы твой дружок был в боевом состоянии, — сказала Элеонора, кинув взгляд куда-то, ниже пояса мужчины. — Отсекать этот скукоженный стручок мне не то что неприятно, а просто неудобно — боюсь промахнуться.

Виталий похолодел от ужаса, а она взяла его фаллос в ладонь и принялась мять, приводя "орудие труда" в боевое состояние. И, как ни странно, спустя какое-то время тот подчинился, набух и отвердел.

— А сейчас тебе будет немного больно, — сказала девица, плотоядно усмехнувшись и обнажив жемчужно-белые зубки. — Но боль принесет тебе освобождение, ты просто этого пока не понимаешь. Впрочем, и потом ты не сможешь этого понять, если только не существует загробной жизни. Заодно и проверишь.

С этими словами Элеонора сделала неувловимое движение, и ниже пояса его пронзила такая жуткая боль, что он задохнулся, едва не потеряв сознание. А спустя несколько секунд, когда ему силой раздвинули челюсти, и засунули между ними что-то еще теплое, влажное и мягкое, несчастный коммерсант пожалел, что не впал в беспамятство. У него не было даже сил выплюнуть этот сочащийся кровью комочек мяса.

— Я тут решил (или решила, как тебе больше нравится) поиграть в одну интересную игру, — между тем продолжила девушка, вновь склоняясь над полуживым Рогозиным. В лунном свете ее волосы отливали серебром, и она выглядела чудо как хорошо. Странно, подумалось бизнесмену, как он еще может думать об этом в его положении.

- Эта игра, — продолжила девица, — что-то вроде шахмат, только вместо фигур в ней люди. Так-то вот, Лешенька. И этот любвеобильный дурачок, посредством которого я с тобой общаюсь, стал первой жертвой в игре, первой съеденной мною пешкой. Попробуй сделать ответный ход, если тебе это удастся. Наводка, где меня искать, будет в тексте письма. Можешь попробовать предотвратить следующий труп, если, конечно, уложишься по времени. Желаю удачи.

А затем ее пальцы опустились на его глаза, вдавливая их внутрь глазниц, и наступила тьма...

Он поднял веки, еще некоторое время невидяще глядел перед собой, затем перевел взгляд на свои пальцы ладонь, и принялся лихорадочно тереть их носовым платком, словно они были все в крови.

Спустя пятнадцать минут, вдыхая легкими свежий утренний воздух, они вышли во двор, где полицейский из оцепления сдерживал падких до свежей сенсации телевизионщиков. Еще бы, такое жестокое убийство! Показать в прайм-тайм, в вечерних новостях, а следом рекламу по повышенным расценкам. Интересно, кто им проболтался? Хотя наверняка у них имеются приборы для перехвата переговоров на полицейской волне.

— Молодая девушка по имени Элеонора, — задумчиво твердил тот, разминая пальцами сигарету. — Ты уверен, что не ошибся?

— Я был бы только рад, если бы ошибался. Но мне кажется, тут дело куда интереснее, чем может показаться на первый взгляд.

— Ты имеешь в виду монолог убийцы? Она точно говорила от лица мужчины? Слушай, а если это трансвестит? Или... или ты хочешь сказать, это как в "Изгоняющем дьявола", сатана вселился в несчастную девушку?

— Бес его знает, Вить... Кто-то решил поиграть со мной в игру, где люди вместо шахматных фигур, и мне предстоит сделать ответный ход. Вот только я не знаю, куда двигать свою пешку... Мне не дает покоя это загадочное письмо с фотографией, надо выяснить, что значит эта страшная месь...

— Ладно, вечер утра мудренее, — сказал он, посмотрев на разгорающийся день. — Поехали-ка лучше к нашему общему другу Чикатило, размножить портрет. Если он, конечно, уже на работе.

Девушку задержали уже на следующий день. Она оказалась третьекурсницей МАИ Ольгой Раевской, дочерью известного летчика-испытателя, чьим именем даже была названа одна из улочек города. Учась в Москве, она приехала к родителям на каникулы, и редкий раз выходила из дому, разве что, навещаясь к подругам. Ольга решительно отказывалась вспоминать, где провела вторую половину того дня, вечером которого лишился жизни Виталий Рогозин. При обыске у нее дома нашли платье с небольшим бурым пятном. Анализ ДНК показал, что это кровь погибшего бизнесмена. Шприц найти не удалось. Так же как и бесследно исчезнувшее лицо Рогозина.

— Не помню, говорит, где была ночью со среды на четверг, и все тут, — жаловался еще спустя сутки Алексею Леонченко, когда тот позвонил узнать, как идет следствие. — Родители в один голос утверждают, что дочь вернулась за полночь. На обращения к ней практически не реагировала, сразу улеглась спать. Они и не стали ее допытывать, мол, пусть отдохнет, а утром, если захочет, расскажет. На девочку никогда не давили, так уж в семье повелось. Но наутро Ольга сказала, что ничего из того, что происходило с ней накануне, совершенно не помнит.

— Да? Интересно...

— Отец уже обзвонился прокурору области, но куда деваться, если улики налицо? Кстати, прошлым вечером Раевская была отправлена в областную психиатрическую больницу. После повторного допроса с предъявлением фото, которое ты мне перебросил, с ней случился эпилептический припадок. Оказывается, это у нее наследственное, правда, последний приступ был три года назад. Ну понятно, тут такие события, и нормальный человек психанет. Вроде бы актерской игрой не пахнет.

В общем, мы по ходу дела проверили все ниточки, которые могли связывать ее с убитым. Все чисто! Никогда и нигде не пересекались. Про первого в космосе и номер восемь тоже ничего не знает... Только спросила, при чем здесь Гагарин. А Рогозина, между прочим, она парализовала каким-то необычным ядом. Наши эксперты до сих пор пытаются разложить его на составляющие.

На минуту Алексей задумался. Что-то внутри него подсказывало, что неплохо бы ему самому взглянуть на ту, кто, возможно, стал марионеткой в руках настоящего убийцы. Кто знает, может быть, это поможет следствию.

На просьбу встретиться с подозреваемой Виктор удивился:

— Лещ, ты что это? Вроде наоборот всегда чурался бандитских рож...

— А что, у нее бандитская рожа?

— Ну... Это я так, к слову. Вообще-то она, конечно, ничего девчонка, даже, можно сказать, симпатичная. Но бизнесмена-то она убила! Затем исписала стену, и отправила тебе картинку. Не дьявол же в нее вселился, верно? Мы ведь с тобой материалисты, в чертовщину не верим.

— Может быть, и не верим. Только вот мой дар — это что, по-твоему? Молчишь? Вот и я не знаю.

Все-таки ему удалось уговорить Леонченко. Тот согласился при условии, что будет

лично сопровождать Алексея.

— Только сначала звякну главному врачу "психушки", узнаю, можно ли навестить нашу симпатичную маньячку. Будь на связи, я скоро перезвоню.

Выяснилось, что состояние Раевской в данный момент вполне допускает встречу с представителями закона. Через полтора часа они встретились у входа в лечебницу. Погода напоминала пекло, но если Алексей явился в футболке с коротким рукавом и джинсах, то Виктор предпочел темный, консервативный костюм, который носил в любую погоду. Алексей подозревал, что у следователя несколько одинаковых костюмов, но спрашивать следователя на эту тему почему-то не решался.

— Ну, как, готов морально?

— Ты же говорил, она обычная с виду девчонка, — лукаво прищурился Алексей.

— Ладно, похоже, тебя не переубедить, — вздохнул следователь.

Главный врач медучреждения, которому Леонченко предъявил свою "корочку", перепоручил их старшей медсестре и санитару, габаритами смахивающего на борца греко-римского стиля. Они миновали сеть коридоров и несколько лестничных пролетов, по бокам прикрытых металлической сеткой, дабы суицидально настроенные пациенты не пытались сигануть вниз. Наконец, оказались перед дверью с маленьким окошком, снабженного, вероятно, ударопрочным стеклом.

— Пожалуйста, — санитар сделал приглашающий жест, пропуская в палату посетителей. — Я вас подожду за дверью.

Обстановка здесь была настолько убогой, что Алексею невольно стало жалко единственную обитательницу этой маленькой комнатухи, куда скупой свет проникал из маленького, зарешеченного оконца, находящегося под самым потолком помещения. В углу, на разобранной постели, поджав под себя ноги, сидела худенькая девушка, та самая, которую видел в своем видении Алексей. На вид ей можно было дать лет 16. На изможденном лице выделялись огромные карие глаза, сейчас они были покрасневшими и припухлыми, и одновременно в них плескались страх и недоумение.

— Ты как себя чувствуешь? — поинтересовалась у девушки старшая медсестра. — К тебе следователь из прокуратуры пришел с коллегой, хотят с тобой пообщаться.

— Теперь вы и здесь меня будете допрашивать? Вряд ли я скажу вам что-то новое. Вечером отключилась, очнулась утром следующего дня в своей постели...

— Это я уже слышал, — сказал Леонченко, по-хозяйски расположившись на единственном табурете. Ввиду отсутствия другой мебели Алексею пришлось просто прислониться к стене.

— Тут вот один товарищ — Виктор едва заметно кивнул в сторону Клеста — хотел на тебя посмотреть. Не знаю уж, что в тебе такого интересного, но отказать я ему не мог; как ни крути, а Алексею принадлежат все лавры в раскрытия жестокого убийства бизнесмена Рогозина. Которого, как ты утверждаешь, в глаза никогда не видела.

Девушка поморщилась, а затем с пробудившейся смесью любопытства и иронии посмотрела на ясновидящего, робко спросив:

— Как же это вам удалось выяснить то, чего не помню даже я?

— Что делать, у меня такой то ли дар, то ли проклятие... Долго объяснять, и вы, думаю, не в том настроении, чтобы выслушать мою исповедь. Поверьте, я хочу вам помочь от чистого сердца, иначе вряд ли пришел бы сюда... Виктор, будь добр, позови медсестру и санитару.

Изобразив озадаченность легким движением бровей, Леонченко направился к двери, и спустя несколько секунд в дверном проеме появилась "сладкая парочка" — миниатюрная, немолодая медсестра и санитар-громилла.

— Что-то случилось?

— У меня к вам просьба... Я хочу провести небольшой эксперимент, и для этого мне нужно ввести пациентку в состояние транса. Гипнозом, увы, я не владею. А у вас, наверняка, есть такие препараты, которые отключают сознание человека. Хотя лучше будет, если все же кто-то из ваших врачей владеет гипнозом.

— Я не позволю!.. Не трогайте меня, не смейте меня колотить!

Ольга уперлась спиной в стену с такой силой, словно хотела выдавить ее наружу. Алексею пришлось подойти к девушке, и по-отечески положить ладонь на дрожавшее в ужасе плечо, хотя он был старше ее от силы лет на десять:

— Пойми, я хочу тебе помочь. Иначе тебе светит большой срок, либо на зоне, либо в спецпсихушке, что еще хуже. Отключить твое сознание — это единственный способ выяснить, что ты делала в промежутки времени, когда убили Рогозина.

Между тем старшая медсестра задумчиво потрогала кончик носа, переводя задумчивый взгляд с Клеста на Раевскую.

— Я думаю, нам нужен заведующий отделением Эдуард Валерьевич, — сказала она. — Он у нас любитель пациентов вводить в состояние гипнотического сна. Ну а если его нет на месте, то придется пользоваться медикаментами.

— Хорошо, давайте вашего Эдуарда Валерьевича... Это нужно для тебя, — вновь с нажимом повторил Алексей, сверля девушку взглядом. — Пойми, мы пытаемся найти причину, по которой ты убила человека. И все, что мы делаем — в твоих интересах тоже.

Ольга посмотрела ему в глаза и, ничего не отвечая, обреченно кивнула.

Эдуард Валерьевич оказался у себя, в его кабинет и препроводили выглядевшую безвольной девушку. Завотделением оказался настоящим мастером своего дела. Не прошло и пяти минут, а пациентка уже погрузилась в состояние гипнотического сна. После чего настал черед Клеста продемонстрировать свои способности, за чем не без интереса наблюдали присутствующие. Если для Леонченко подобное было не в диковинку, то для остальных манипуляции Алексея выглядели загадочно.

Сам же ясновидящий полностью отрешился от окружающего мира. И только спустя семь с половиной минут открыл глаза и убрал руки с головы девушки.

— Все, можете ее будить.

Он подозревал, что Раевская действительно не помнит ничего из того, что с ней произошло несколько дней назад. И его эксперимент подтвердил слова девушки. Промокнув вспотевший лоб платком, он обратился к напарнику:

— Конечно, мои слова мало что решат в дальнейшей судьбе подозреваемой, но она и в самом деле ничего не помнит. Девушка отключилась примерно в половине пятого вечера, на лавочке в сквере, когда ела мороженое. А пришла в себя лишь на следующее утро, проснувшись в собственной постели. Для меня ее провал в памяти видится просто как один темный кадр, промелькнувший за какую-то долю секунды. Но этот кадр, к сожалению, вместил в себя знакомство с Рогозиным и его жестокое убийство. Помутнение рассудка это было, или какая-то форма одержимости — не знаю, это уже, скорее, забота психиатров.

— Может, ты мало покопался? — с надеждой поинтересовался следователь. — Ведь твои слова значат, что мы так и не раскололи преступника.

— А ты уверен, что она преступник?! Да посмотри ты на нее, не верю, чтобы эта девчонка могла хладнокровно расправиться с мужчиной! Говорю тебе, отгадка лежит где-то в области подсознания, куда не могу добраться даже я...

— Эх, молодой человек, мало вы с душевнобольными общались, — заметил прислушивавшийся к разговору эскулап. — Моей пациенткой однажды было прелестное юное создание, в одночасье вырезавшее всю свою семью. А ведь кто бы мог подумать — отличница в школе, дома с нее пылинки сдували, ни в чем не отказывали. Лишь однажды запретили посидеть лишний час в Интернете, с кем-то она там чатилась, или как это у них называется... И поверьте, таких с виду ангелов в наши заведения попадает немало.

— Все равно не верю, — стоял на своем Алексей. Как он мог еще объяснить, что был внутри подозреваемой, был ЕЮ несколько минут, и если бы даже она убила кого-то в состоянии аффекта — он бы это знал, понял. Но убийство было совершено хладнокровно, с особой жестокостью, и находившаяся перед ним девушка никак не могла этого сделать. Ольга тем временем полностью пришла в себя, с интересом и надеждой прислушиваясь к разговору.

— Ладно, пошел я отсюда, — сказал Алексей, чувствуя себя совершенно разбитым и, попрощавшись, направился к выходу. Услышал, как задержавшийся Леонченко говорил врачу:

— Вы, Эдуард Валерьевич, о том, что видели и слышали, никому ни гу-гу. Это дело

особой важности...

— Как можно?! Это не только врачебная, но и, наверное, государственная тайна!

Миновав ворота спецучреждения, Алексей поплелся куда глаза глядят, вдыхая пропитанный выхлопными газами воздух. Он казался ему все же намного приятнее того запаха медикаментов и несвежего белья, который витал в больничных коридорах.

Некоторое время он бездумно шагал по тротуару, стараясь ни о чем не думать, отрешившись от всего, что заставляло его напрягать мозговые извилины. Как хорошо идти вот так, зная, что ты никому ничего не должен, что никто тебя не ищет, не трезвонит на сотовый телефон... Хотя, может, кто-то и трезвонит, но он в очередной раз забыл мобильник дома, и сейчас нисколько об этом не жалел...

Неприятный холодок между лопаток Алексей почувствовал, прошагав добрых два квартала. Обернувшись, не увидел ничего такого, что могло бы таить в себе угрозу его жизни или здоровью. Люди спешили после трудового дня кто домой, кто в магазины, что бы на ужин затариться продуктами. Влюбленная парочка, которую он обогнал минутой ранее, медленно фланировала в том же направлении, что и он. До какого-то прохожего молодым не было никакого дела, они наслаждались обществом друг друга.

Алексей немного позавидовал им, вспомнив себя 18-летним парнем, когда он пытался ухаживать за понравившейся ему девушкой. Ее благосклонности он так и не добился, зато приобрел печальный опыт, когда однажды увидел, как его пассия забирается в иномарку какого-то носатого юноши. Как он потом выяснил, то был сынок фруктового короля Тофика Байрамова. И он понял, что в этом мире многое, если не все, решают деньги.

Алексей попытался забыть о неприятном чувстве, посетившем его минуту назад, и направился к ларьку, шаря по карманам в поисках денег. Купив прохладную бутылочку светлого пива, присел на скамейку в располагавшемся неподалеку скверике, центром которого служил бюст Дениса Давыдова, и принялся неторопливо дегустировать чуть горьковатую жидкость. Когда на дне оставалось совсем немного пива, услышал над самым ухом:

— Земель, ты бутылочку-то не выбрасывай, как допьешь...

Некая, судя по запаху, давно не мывшаяся личность, с жадностью глядела на стеклотару. Несмотря на теплую погоду, сидевший рядом на лавке незнакомец был одет в распахнутый длиннополый плащ, а на ноги натянул демисезонные ботинки. На светлой безволосой груди виднелся небольшой, медного отлива крестик. Лица под длинными, нечесаными патлами толком было не разглядеть, но Алексей сумел заметить, как жадно сверкнули глаза незнакомца.

— Да забирай, не жалко...

Он протянул недопитую бутылку, из которой бродяга тут же жадно высосал остатки жидкости.

— Царский подарок! Ну, спасибо, брат, удружил.

Спустя мгновение Алексей почувствовал, что его голову сжало будто железным обручем, и с такой силой, что в глазах на миг потемнело. Однако тут же и отпустило. Он встряхнул головой, приходя в себя. Стало полегче. Что это было? Повернулся к бродяге, но тот уже уходил прочь, заметно припадая на правую ногу.

Странное ощущение он сейчас испытал. Словно что-то пыталось вползти ему под черепную коробку. С чего бы это? Не от бутылки же пива, в конце концов...

Ладно, было и прошло. Алексей решительно поднялся и направился домой. Сегодня

обязательно нужно заняться стиркой, а то он последние чистые трусы и носки донашивает.

Дома у него стояла допотопная "Сибирь". Настоящий раритет! В застойные времена эта марка, снабженная центрифугой, считалась престижной. Он и сейчас не жаловался на работу машинки, у которой за все время лишь однажды меняли двигатель. Но когда, хоть и изредка, в гости к нему забредали Пашка с женой, последняя непременно начинала ворчать по поводу архаичного агрегата, "скромно" занимающего едва ли не половину совмещенного санузла. И тут же бесплатно давались советы, какую лучше машинку приобрести, и что нужно брать ни в коем случае не в кредит, поскольку банки дерут бешеные проценты. Лучше уж он занял бы у Пашки, тот ведь даст денег другу, правда? Пашка только хмыкал, непонятно было, соглашался он с женой или нет, а Алексей каждый раз отвечал, что подумает над предложением. И думал уже не первый год.

— Письмо с приложенной фотографией было отправлено с мобильного телефона Раевской, — рассказывал Алексею в своем кабинете на следующий день Леонченко. — Кстати, мэйловская папка девушки в браузере телефона без пароля. Если это вообще что-то значит... А что думаешь на счет первого в космосе под восьмым порядковым номером? Если мне память не изменяет, этой строчкой убийца дает что-то типа наводки, как его найти.

— На чай он дает, — грустно пошутил Клест. — Текст письма является либо ересью, либо, действительно, зашифрованным посланием от настоящего убийцы. И, знаешь, я почему-то склоняюсь к последнему.

— Гляди-ка, прямо Дэн Браун какой-то, "Код да Винчи", — пробормотал следователь, раздавливая в пепельнице очередной "бычок". — И что, предлагаешь искать во всем этом скрытый смысл? Ну первая часть послания, скорее всего, касалась Гагарина, других вариантов у меня нет. И вообще мне кажется, что ты себе напридумывал, а убийца — Раевская. И пусть с ее провалами в памяти разбираются психиатры. Отправим в институт Сербского, там спецы собаку на этом съели.

— Да отправляйте хоть к черту на кулички, хотя я сильно не уверен, что они скажут что-то новое... Не знаю, как еще тебя убедить, но в том, что некто затеял со мной смертельную игру — я не сомневаюсь. Как бы там ни было, я считаю Раевскую жертвой. Да, ее руки обогреты кровью бизнесмена, но она ни в чем не виновата. Ее руками двигал настоящий убийца, скорее всего, сильный гипнотизер, которого нам придется искать. Пока, не дай бог, он еще кого-нибудь не использовал подобным образом.

— О-хо-хо, Алексей, Алексей... Хотел бы я, чтобы твои слова были бредом. Но мнится мне, что ты, чертяка, говоришь правду. Хотя, признаться, поверить в это очень, очень трудно. С другой стороны, сам факт наличия твоих паранормальных способностей может убедить в чем угодно...

— Может, пока все-таки попробуем покумекать над загадочным посланием?

— Для меня пока эта фраза представляется полной бессмыслицей.

— Для меня тоже, Витя. Но ты же сыщик, у тебя должен быть аналитический склад ума. Ну, напряги извилины...

— Напряги... И так уже который день напрягаю.

Леонченко бросил в давно невытую чашку ложечку растворимого кофе, залил все это кипятком и помешал.

— Первым в космос полетел Юрий Гагарин, это даже школьнику известно, — сказал следователь, осторожно плотнув обжигающего кофе. — А что значит номер восемь? Вообще какая-то белиберда получается.

В это мгновение мысль Клеста сделала некий пируэт, который выдал на гора свежую идею.

— Витя, а если это адрес?! Скажем, улица Гагарина, дом номер восемь! Есть же ведь такая улица. Только с номером квартиры остается вопрос. Хотя, не исключено, что это частный дом с одной-единственной квартирой. Как тебе такой вариант?

— А что, в этом что-то есть. Вдруг и вправду настоящий преступник дал

зашифрованный адрес, где его искать. Думал, у нас не хватит соображалки... Ну что, поедем проверим?

По указанному адресу они прибыли через тридцать минут. Вышли из "Рено" следователя и разочарованно замерли перед зданием станции техобслуживания. Пара угрюмых мужиков в промасленных спецовках копались в помещении, меняя колеса на старенькой иномарке. Наконец один из них заметил гостей.

— Что у вас? Если что-то серьезное, то можете оставить машину, мы через час закрываемся. Займемся вами завтра с утра.

— С машиной все в порядке, — сказал Леонченко, доставая "корочки". — Можно посмотреть ваши документы и вашего товарища?

— А что случилось, где мы накосячили?..

Не успел он договорить, как оставшийся в ангаре напарник сорвался с места и кинулся вглубь помещения. Леонченко на глазах второго, замершего в изумлении механика, метнулся за ним с места, словно разжавшаяся пружина. С опозданием в секунду стартанул и Клест.

Впрочем, его помощь не понадобилась. Виктор догнал беглеца на заднем дворе станции, когда тот собирался форсировать двухметровой высоты забор. Подсечка, заломленные назад руки, щелчок "браслетов" — и вот уже следователь гордо возвышается над распластавшимся на земле задержанным, вызывая по телефону наряд полиции. Для полного сходства с голливудским боевиком не хватало коронной фразы: "Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете — может быть использовано против вас!"

Беглец, которого, как выяснилось, звали Григорием Першем, раскололся через три минуты после начал допроса. 35-летний автомеханик признался, что обворовал клиента. Тот оставил машину на техосмотр, и в бардачке забыл барсетку. В сумочке лежали документы и пять сотен американских баксов. Барсетку с документами Григорий вернул на место, а вот наличность попросту прикарманил. Естественно, не известив об этом даже напарника. Целую неделю воришка трясся от страха, ожидая, что заявится владелец барсетки и устроит им допрос. Однако вместо ограбленного автолюбителя появился следователь из прокуратуры, и тут-то нервы у Перша и не выдержали...

— И это все, в чем ты хочешь признаться? — с плохо скрываемым разочарованием в голосе спросил Леонченко.

— В-в-все..., - заикаясь, пролепетал перепуганный насмерть мужчина, жалкий вид которого никак не вязался с его недавней брутальностью.

— А убийство бизнесмена Рогозина? Кто руководил несчастной девчонкой?

— Какого бизнесмена? Какой девчонкой? Вы че мне лепите-то?! У меня был привод по малолетке за хулиганку, и больше ничего такого...

— Так ты еще и рецидивист! Придется тобой заняться вплотную...

Спустя сорок минут, когда задержанного увели в КПЗ, Алексей и взмокший после допроса Леонченко наконец остались наедине и смогли привести свои мысли в порядок.

— Не сходится что-то, — сказал ясновидящий. — Мнится мне, что мы не того взяли. Ну не похож он на человека, способного на жестокое убийство и тем более на изощенный гипноз. Чует мое сердце, не того...

— Мне тоже так показалось. Может, его напарником заняться? Он сейчас как раз дает показания как свидетель.

— Там тоже, скорее всего, пустой номер... Слушай, устал я что-то, поеду домой. Нужно

еще работу дописывать, я обещал заказчику на этой неделе управиться.

— Ну езжай, рисуй, а я тут еще посижу.

За работой у мольберта незаметно пролетел вечер. Приняв прохладный душ, Алексей прилег на диван с томиком Ремарка. Все никак не мог дочитать "Трех товарищей". Вот и на этот раз его незаметно сморил сон. А среди ночи он вскочил и уставился в сумрак комнаты, который безуспешно пытался разогнать желтоватый свет уличного фонаря.

Затем включил компьютер, и войдя в почту, открыл письмо от убийцы. Несколько минут глядел на короткий текст, после чего схватил мобильный и набрал номер Леонченко.

— Леха, че ж тебе не спится? Я час назад только домой пришел, думал, отлежусь малость, а тут ты со своим звонком. Что случилось-то?

— Озарило меня среди ночи, извини, не смог удержаться от звонка тебе. В общем, я подумал, что может быть, мы не так поняли первую часть послания? "Первый в космосе" — понятно, сразу в голову приходит имя Гагарина. А может быть имелся в виду человек, первым вышедший в открытый космос? Может, нам надо было искать на улице Леонова?

Секунд десять на том конце провода царила тишина, после чего раздался взволнованный голос Леонченко:

— А ведь вполне может быть, что ты и прав! И как же я сам не догадался... Короче, сейчас нет смысла дергаться. Если эта гнида там, то пара-тройка часов ничего не решают. Давай-ка доспим эту ночь, а в девять утра я за тобой заеду.

На том и порешили. Ровно в девять под окнами квартиры Алексея раздался гудок клаксона. Сначала заехали в райотдел полиции, где Леонченко выцыганил наряд ОМОН для задержания особо опасного преступника. После чего процессия из "Рено" и "ГАЗели" отправилась на улицу имени космонавта Алексея Леонова — 8.

Это и впрямь оказался частный дом, неизвестно каким образом сохранившийся в окружении пятиэтажек. К дому примыкал огород в пять соток, обнесенный редким частоколом.

Четверо омовцев выгрузились из оперативной "ГАЗели" во дворе соседней пятиэтажки. Леонченко и Клест подъехали вплотную к ограде. Сначала просмотрели все подходы к дому. Вроде бы ничего подозрительного. Затем Виктор вразвалочку направился к калитке и нажал на звонок.

В течение последующих нескольких минут ничего не происходило. Следователь уже вознамерился давать команду на штурм хлипкого забора, когда неожиданно дверь наконец распахнулась, и на крыльце появилась похожая на колобок бабка в застиранном переднике.

— Что ж вам, иродам, все нейметя! — завопила она, размахивая зажатой в руке половой тряпкой. — Третий раз приходите, ну никак я вас не отважу. Не продам я дом, так и передайте этому татарину, который вас послал...

— Простите, — вежливо перебил расходившуюся пенсионерку Леонченко, — вы, наверное, меня не за того принимаете. Я всего-навсего хотел поинтересоваться, нельзя ли снять у вас комнату? Сам я из Саратова, а устроился на работу здесь неподалеку, на частную фирму, и стал искать, где можно снять жилье. Вот добрые люди и подсказали, что можно к вам обратиться.

К счастью, заранее заготовленная версия прокатила. Бабка мигом утратила воинственный вид, и на ее круглом, смахивающим на печеное яблоко лице расплылась добродушная улыбка.

— Ой, а я думала, опять от этого, как уж там его... от Ахметова пришли. Ему, паразиту.

этот участок приглянулся. Хочет тут какой-то торговый центр строить, а мне предлагает переехать в однокомнатную со всеми удобствами. Только я лучше по нужде, как и всю жизнь, буду на улицу ходить, но свой дом не отдам. Тут я сорок лет живу, детей вырастила, старика своего схоронила... А вам повезло. У меня жилец как раз вчера вечером съехал, хотя оплатил жилье до конца месяца, и комната освободилась. И беру я недорого, всего пятьсот рубликов.

— А что за жилец-то? — вроде бы равнодушно поинтересовался Леонченко.

— Да обычный жилец, тихий, целыми днями где-то пропадал, бывало, что и ночью тоже не приходил. Но пьяным никогда я его не видела. И девок он не водил... Вы-то сами холостой? Вижу, кольца нет на пальце. А ведь годков-то не двадцать уже, пора бы остепениться. Хотите, познакомлю вас с племянницей, она у меня...

— Спасибо, с личной жизнью я уж сам как-нибудь разберусь, — вежливо остановил раздухарившуюся бабулю следователь. — Вы мне лучше скажите, жилец точно от вас съехал?

— Да точно, говорю, точно. Собрал вещички, сказал, спасибо, мать, за то, что приютила, бывай здорова... Да, вот еще что!

Старушка подняла взгляд вверх и пожевала нижнюю губу, вспоминая.

— Ванька — жилец то бишь — велел передать кое-что, — она назидательно подняла палец. — Мол, если придут и будут про него спрашивать, передать следующее: "Первый ход я сделал, ждите второй. На очереди еще один ребус". Я, сынок, не поняла, к чему это он, но передать пообещала. Вы спросили про него — я и сказала.

Леонченко многозначительно глянул на стоявшего поодаль Алексея и достал удостоверение:

— Спасибо, мамаша, все правильно сделали. А теперь давайте я пройду, и мы поподробнее побеседуем о вашем жилье.

— Ну что, можно делать предварительные выводы? Валентина Петровна много о нем сказать не смогла, ее постоялец вел довольно закрытый образ жизни. Правда, по ее словам, иногда он так на нее смотрел, что у несчастной мурашки по коже бежали... Знаешь, я постепенно склоняюсь к тому, что ты прав.

— Еще бы! Чего только стоит его послание, переданное через бабуку. Лично у меня отпали последние сомнения.

Алексей отхлебнул глоток холодного пива из жестяной, серебристо-красной банки. Леонченко в ответ промолчал, с аппетитом уплетая мороженое. Они сидели на скамеечке в сквере, обсуждая визит в дом номер восемь на улице Ленина.

Допрос продолжался больше часа. Выйдя от бабули, решили посидеть где-нибудь в тихом местечке, переварить услышанное. Виктор купил себе мороженого, а Алексей предпочел баночку пива из ближайшего мини-маркета.

— Да, как обидно-то, упустили! И ведь не успели совсем чуть-чуть... Где теперь его искать — одному богу (вернее, черту) известно. А он, я уверен, не остановится на одном трупе. Потому что ясно выразился, что это только первый ход.

— Да ты не переживай так сильно, — спокойно ответил Леонченко, выбрасывая обертку от мороженого в стоявшую рядом урну. — Эмоциями делу не поможешь. В действиях нашего любителя ребусов должна быть какая-то логика, если он, конечно, не совсем больной на голову. Хотя, по-моему, сильно ударившийся. Вот и надо эту логику найти, и опередить его на шаг. Пусть он из охотника станет дичью.

Клест промолчал, мыслив его голове путались, никак не желая выстраиваться в стройную цепочку. Да, логика должна быть, но пока, после одного трупа, он ее не видел. Вот если будет еще одно тело — тогда другой разговор, уже обрисуется какая-то система. Но в том-то и дело, что сидеть и ждать, ничего не предпринимая, пока маньяк расправится с ничего не подозревающим, беззащитным человеком — это, по меньшей мере, низко. Так уж Алексей был воспитан, хотя нередко страдал из-за своего характера.

Но что делать, что предпринять, — он не имел ни малейшего представления. Да и, в конце концов, на что нужны следственные органы, тот же Витька? Вот пускай и думает, предлагает планы по поимке убийцы.

Однако ничего придумать так и не удалось. Более того, на следующий день, уже на ночь глядя, позвонил Леонченко:

— Привет! Ничем тебя порадовать не могу. Вина Раевской налицо, прокурор велел дело заканчивать, так что суд не за горами. Остается только надеяться на снисходительность судьи и мягкий приговор.

— Да ты что!..

— Да вот тебе и что... Понятно, хорошего мало, но что поделаешь? Наши догадки к делу не пришьешь, им факты подавай, а они, фактики, просто вопят — вот она, преступница, хватай ее! К тому же, как выяснилось, были свидетели, которые видели нашего бизнесмена у входа в клуб в компании с Ольгой. Так что тут полный абзац, и помочь нашей девочке сможет только чудо. А мы с тобой пока не волшебники, мы еще учимся.

— Я все понимаю, но могу повторить только одно: Раевская невинна! Со мной общалась не она, а совершенно другой человек, который меня, к тому же, неплохо знает...

— Ну что ты мне-то рассказываешь?! Я-то верю, что девчонка стала марионеткой в чужих руках. Но прокурору хрен чего докажешь. Он Стивена Кинга не читает, он реалист до мозга костей... Ладно, чего зря воздух сотрясать, утро вечера мудренее. Отдыхай, а я еще у себя поработаю, поразгребаю кое-какие дела.

Алексей тяжело вздохнул, обхватив голову руками. И чего же он достиг благодаря своему дару? Невинный человек отправится на скамью подсудимых, и он не смог доказать, что Ольга не убивала бизнесмена. Вернее, не контролировала свое тело в тот момент, когда Rogozin принимал мученическую смерть. Скорее всего, как минимум несколько лет несчастная проведет в психушке, в окружении серийных убийц и маньяков, получая регулярно инъекции витаминов и транквилизаторов. Или в местах не столь отдаленных, что, впрочем, как он слышал, не намного страшнее спецпсихушки.

Возникает естественный вопрос: кто тот человек, что контролировал девушку в момент убийства Rogozina? И откуда он знает его, Клеста? Ведь неспроста письмо было отправлено именно ему, а его фамилия была написана кровью на месте преступления. Еще одна загадка, на которую пока нет ответа.

Алексей яростно потер виски, и направился на кухню к холодильнику, где у него была припасено несколько бутылочек холодного пива. Что-то он часто стал в последнее время к пивным емкостям прикладываться. Нервы стали ни к черту, хотя и так уже, с такой жизнью, казалось бы...

Усевшись перед телевизором, поставил на журнальный столик вазочку с солеными орешками, и под разглагольствование вечного молодого Андрея Малахова принялся накачивать себя пенным напитком...

Из полудремотного состояния Алексея вывел телефонный звонок. Дернувшись, он нечаянно выплеснул из бутылки на тапочки некоторую часть пива, и сокрушенно подумал, что теперь они станут липкими, придется отмачивать их в тазике. Телефон меж тем не умолкал, настойчиво требуя хозяина.

— Да иду я, иду... Ну, кто там еще?

Он ожидал, что это опять Леонченко, вспомнивший о чем-то задним числом. Но это оказался не следователь.

— Как жизнь, Алексей!

— Кто это?

Голос говорившего показался ему смутно знакомым, однако при этом однозначно не принадлежал никому из его знакомых.

— Кто я? Действительно, вопрос не из легких. Порой я и сам затрудняюсь дать на него ответ. Иногда я спрашиваю себя, а человек ли я вообще? И, признаться, не всегда могу ответить на этот вопрос утвердительно.

— Постойте, что за чушь вы несете?! Кто вы, в конце концов? Как ваше имя?

На том конце провода вздохнули с явно выраженным прискорбием:

— Похоже, мы сейчас пойдем по второму кругу... Алексей, да ты падаешь в моих глазах! Я столько лет мечтал увидеть тебя, поговорить, думал, найду достойного собеседника...

— Слушай, ты... — в Алексее разыгралась ярость. — Я не знаю, кто ты и что, но учти; еще раз позвонишь — я тебя из-под земли достану, урод! Ты понял?

Незнакомец залился искренним смехом, на несколько секунд обескуражив Алексея.

— Просто замечательная фраза про урода. Как говорится, кашу маслом не испортишь, верно? Впрочем, пока я не собираюсь раскрывать свои карты. Мне хочется поиграть с тобой в одну игру. Помнишь того дяденьку с чреслами во рту? Ты приехал, как я и хотел, ввязался с эту историю. И это был мой первый ход. Ответный ты сделал, но промазал. Вы ведь немного не успели, всего-то нескольких часов вам не хватило, чтобы взять меня. Обидно, верно? Итак, следующий ход за мной. Так что прощай... Вернее, до свидания, жди новостей.

В трубке раздались короткие гудки. Клэст тупо посмотрел на гудящее изделие из темной пластмассы, и взерошил на голове волосы. Черт возьми, а ведь, похоже, это и вправду был тот, кто прикончил Рогозина. Вернее, человек (или не человек, как он сам выразился), который руководил действиями Раевской. Говоривший явно был в курсе того дела, над расследованием которого он трудился вместе с Леонченко. И он прекрасно знал, что Раевская невиновна. И пообещал сделать второй ход. А люди для него, как пешки. Вот черт...

Он принялся лихорадочно тыкать в кнопки стационарного аппарата, набирая рабочий номер Леонченко. Виктор, помнится, сказал, что еще поработает, так что он точно должен быть на месте. В крайнем случае придется звонить на мобильный.

— Леонченко слушает.

— Это я... Извини, что отрываю от дел, у меня кое-какие новости.

Он подробно пересказал свой разговор с незнакомцем. Виктор слушал не перебивая, изредка вставляя междометия. Наконец, когда Алексей закончил, следовательно протянул:

— Да-а-а, интересно получается... Похоже, наш любитель головоломок решил проявиться. Не выдержал, так сказать... Значит, у тебя нет никаких догадок по поводу того, кто бы это мог быть?

— Знаешь, в данный момент меня куда больше волнует, что он имел в виду, когда говорил про второй ход. Бабка тоже передавала эти слова. Похоже, нужно ждать еще одно убийство.

— Слушай, ты в этом точно уверен?

— Уверен на все сто... Кстати, ты не мог бы задействовать свои связи, чтобы вычислить номер, откуда мне звонили?

— Конечно, прямо сейчас и позвоню. Но что-то мне подсказывает, что звонивший отнюдь не дурак, и палиться на телефоне не стал бы. Ведь он не знает, может, у тебя установлен определитель номера? Скорее всего, звонок сделан с уличного таксофона... Если они, правда, еще где-то остались. Либо с одноразовой сим-карты, купленной с рук. Ладно, ты голову особо не забивай, ложись спать, а я пока займусь этим делом.

Как и предполагал Леонченко, звонили с "паленой" сим-карты, которая уже оказалась заблокирована. Скорее всего, маньяк после звонка просто сломал ее и выкинул в урну. Так то в этом направлении копать уже было бессмысленно.

Ночью Алексей никак не мог уснуть. То и дело вставал, чтобы выкурить очередную сигарету, пока, наконец, пачка не опустела. Спускаться в круглосуточный магазин не хотелось, и он улегся в постель, надеясь все же уснуть. Но вопросы так и роились в его голове, словно пчелы в улье, не давая провалиться в объятия Морфея. Кто он, тот человек, который знает его, но которого не знает он, Алексей Клэст? На кого падет в следующий раз его выбор? Есть ли в его действиях какая-то система?..

На следующий день он проснулся ближе к обеду. За окном накрапывал мелкий дождик,

под который вставать совсем не хотелось. Но сон больше не шел, и через десять минут Клест понял, что больше не может бесцельно лежать и пялиться в окно на затянутое серой пеленой небо. Вчерашний звонок по-прежнему не шел у него из головы.

Надо вставать, надо что-то делать! Хоть что-нибудь, иначе так недолго и свихнуться.

Алексей резким движением отбросил в сторону одеяло, прыжком вскочил с кровати, успев нанести в воздухе серию ударов невидимому противнику. Затем потягал 25-килограммовую гирию, отжался сто раз от пола, посидел на продольном и поперечном шпагатах.

До армии он не мог похвалиться растяжкой, и до сих пор не мог забыть сержанта, который в учебке тянул ему связки. Куда там киношным мучениям Ван Дамма до того, что пришлось Алексею испытать в реальной жизни. Несмотря ни на что, усердие выпускника художественного училища (в армии ему сразу дали прозвище Художник) вкупе с настырностью сержанта дали свои плоды, и в итоге он все же стал садиться на шпагат. Дембельнувшись, Клест продолжал следить за своей формой, стараясь по возможности после подъема делать зарядку.

Закончив с физическими упражнениями, отправился в ванную, принял контрастный душ. Обтираясь полотенцем, глянул на свое отражение в зеркале. Надо же, в шевелюре появился седой волос. Вот он, призрак надвигающейся старости. Хотя, казалось бы, в его возрасте глупо думать о закате жизни, но именно эти мысли почему-то давили на него в последнее время. А он ведь до сих пор не позаботился о продолжении рода.

Алексей чуть ли не в подростковом возрасте решил, что у него будут как минимум сын и дочь. А если больше получится — вообще отлично! Но с прежней пассией не сложилось, вторая свадьба пока на горизонте не вырисовывалась. Впору хоть объявление давать на сайт знакомств: "Здоровый молодой человек без вредных привычек ищет порядочную девушку для создания семьи. Исполнение супружеских обязанностей гарантирую". Эх...

Запив под вещание диктора на канале "Вести-24" пару бутербродов стаканом зеленого чая с лимоном, Клест переместился к компьютеру. Открыл папку с полным собранием картин Дали — своего любимого мастера. Больше всего ему нравилась "Тайная вечеря", репродукция этого полотна 1x1,5 метра даже висела у него на стене. Правда, по стилю она не была характерна для творчества Дали, который не гнушался смелых экспериментов. Но не в этот раз. Не исключено, что художник просто не рискнул покуситься на святое — кому охота иметь проблемы с церковью? Тем не менее, от картины веяло чем-то ирреальным, загадкой, ответ на которую знал если только сам Дали. Интересно, удастся ли когда-нибудь увидеть оригинал, хранящийся в Национальной галерее искусств в Вашингтоне....

Алексей добрался до середины альбома, когда раздался звонок в дверь. Пришел Егоров.

— Привет работникам палитры!

— Привет торгашам! — парировал Клест, пожимая протянутую руку.

Егоров проглотил обиду, и бодро продолжил:

— Принес тебе бабло за "Вечернее озеро", десять штук крупными купюрами. Проценты я уже взял.

Алексей, не считая купюры и не проверяя их подлинность, сунул их в ящик письменного стола. Егорову он доверял, да и какой смысл тому был обманывать Клеста? Раз нагреешь руки, зато потом потеряешь куда больше. Не только клиента, но и репутацию честного бизнесмена. А деньги оказались кстати — запасы наличности как-то незаметно истаяли, теперь же о деньгах на какое-то время можно было не думать.

Гость между тем по-хозяйски прошел на кухню, налил себе в стакан простой фильтрованной воды из графина. Выпив жидкость залпом, Виктор повернулся к Клесту:

— Кстати, ты "Лето" еще не закончил? Все еще пыхтишь над холстом?

— А что, покупателя нашел?

— Скорее, покупатель меня нашел. Вчера вечером позвонил какой-то хрен, и сказал, что хочет купить картину Алексея Клеста. Я спросил, какую именно, а он говорит, что хочет ту, над которой ты сейчас работаешь. И готов заплатить за нее хорошие бабки — три штуки зеленыю. Естественно, за вычетом моей скромной доли, но и без того тебе неплохая сумма набежит.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А откуда он знает, над чем я работаю?

— Вот и я у него спросил то же самое. А он говорит, что неважно, над чем ты работаешь, просто он хочет, чтобы картина была завершена как можно скорее.

— Ну а дальше что?

— Да ничего, сказал, что завтра перезвонит, и положил трубку. Я даже не успел спросить, кто ему мой номер дал.

— А сам-то он представился?

— В том-то и дело, что нет. Знаешь, разговаривал он вроде со мной вежливо, но мне почему-то показалось, что перечить ему себе дороже выйдет. Наверняка нуворищ, и возможно, из бывших бандитов. Причем хорошо, если из бывших.

— С каких это пор бандиты стали искусством увлекаться?

— Да кто их разберет, этих крутых... Был я тут как-то у одного на пати, на юбилей его жены народ собирался. И меня до кучи взяли, как ценителя прекрасного. Мол, супруга экс-бандюгана когда-то библиотечный колледж закончила, и всю жизнь посвятила коллекционированию. Так в особняке книжные полки уставлены раритетными изданиями, а на стене в гостиной висит оригинал Гогена... Так как, когда свое "Лето" добьешь? Или может подсунуть что-нибудь из твоих готовых работ? Выждать недельку, а потом предъявить... Что у тебя там в загишке хорошего?

— Да ничего стоящего. Лучше уж я "Лето" допишу, — задумчиво пробормотал Клест.

Однако... Мало ему загадок в последнее время, так еще объявился таинственный поклонник его творчества. Вообще-то, он не думал о том, чтобы продать "Лето", писал вроде как в стол, для души, и был уверен, что этот холст займет место в его домашней коллекции. И вдруг такое предложение... По меркам провинциального городка очень даже неплохие деньги.

— Если этот незнакомец и впрямь еще позвонит, передай ему, что я закончу работу в течение этой недели.

— Отлично, договорились!

Попрощавшись с Егоровым, он снова вернулся к компьютеру. Хотя была мысль взяться за картину, чтобы не откладывать дело в долгий ящик. Однако писал он, дожидаясь вдохновения. Это за халтуру можно было браться, не дожидаясь, пока на тебя снизойдет муза.

Но насладиться картинами великого испанца в полной мере не удалось. Через несколько минут у соседей снизу заработала дрель. Натужно визжа, сверло вгрызалось в кирпичную стену, и Алексей живо представил неестественно огромную бормашину дантиста. Бормашина из страны лилипутов, сделанная специально для Гулливера.

Ремонтом сосед занимался, находясь в отпуске. Для остальных обитателей подъезда это было напротив, плюсом, потому что работал тот днем. А вот Алексею с его ненормированным рабочим днем, доносящиеся снизу звуки доставляли дискомфорт. Он любил тишину, и когда сосед начинал сверлить или долбить стену, обычно уходил из дому.

Выждав минут десять, Клест выругался и выключил компьютер. Надо бы сходить в Художественный Фонд, может, еще какая-нибудь халтура подвернется. Кресло директора Фонда занимал его бывший преподаватель по художественному училищу Яков Петрович Стебельков, и по старой дружбе тот, бывало, подбрасывал Клесту работенку в той или иной конторе. Да, в последнее время у Алексея пошли заказы, и он всерьез подумывал, чтобы отказаться от халтур. Но, с другой стороны, деньги никогда лишними не бывают.

Впрочем, ему предлагали трудоустройство в милиции, однако Алексей просто не мог представить себя работником органов внутренних дел, вытягивающимся в струнку при появлении начальства и бодро рапортующем о ходе продвижения очередного расследования. К тому же пришлось бы остричь курчавую шевелюру, а к ней Клест относился с пиететом, даже Лида не смогла заставить постричься его коротко на свадьбу.

Стебельков встретил своего ученика с распростертыми объятиями:

— Приветствую, Алексей! Сколько лет, сколько зим! Ниночка, чайку нам организуй, пожалуйста... Ну ты как, ни заходишь, ни звонишь... С полгода тебя уже не видел.

— Да вот, решил дальних родственников навестить. Они тоже обижаются, говорят, забыл их совсем. А одни в Харькове живут, другие в Чите... Вот и приходится месяцами в поездах трястись.

В этих городах у Алексея и впрямь жила дальняя родня, чуть ли не на седьмом киселе. И Клест не был у них действительно давным-давно. Те, наверное, и забыли о его существовании. Но сейчас Алексей про них вспомнил, чтобы как-то оправдаться в глазах бывшего преподавателя.

— Ну, родственники — дело святое. Хорошо, что и меня, старика, не забываешь.

Отпив ароматного чаю с лимоном, Клест перешел к сути дела. Выслушав гостя, Стебельков хитро прищурился:

— Есть у меня в загашнике вариант. Тут на днях из одной конторы приходили, просили помочь с художником, оформить стенды. Как назло, все сейчас с заказами, но я обещал подумать. Заказ выгодный. Я уж грешным делом подумал, может, и самому по старой памяти взяться, а то зарплата здесь не ахти... А тут ты подвернулся, неужели я своему лучшему ученику не помогу?!

Художник требовался в ЧОП "Гюрза". Частному охранному предприятию понадобилось оформить наглядные стенды для спортивного зала. Если верить Стебелькову, деньги и впрямь предлагали неплохие, десять тысяч, охранники заключали договор на выполнение работ, так что все проводилось законным путем.

— Вот телефон, можешь звонить прямо от меня.

Вопрос уладился быстро. В тот же день Алексей съездил в "Гюрзу", где его ждал руководитель ЧОПа — серьезный бритоголовый мужик, больше смахивающий на криминального авторитета, чем на секьюрити. Назвавшись Семеном Викторовичем, он объяснил Клесту, что от него требуется, и тот заверил, что вполне уложится в недельный срок. Хозяин предприятия предложил авансом три тысячи рублей, но Алексей отказался, заявив, что привык получать деньги по факту выполненных работ.

Вечером позвонил Пашка Яковенко:

— Привет! Как у тебя дела?

— Как тебе сказать... Ни шатко ни валко, есть свои заморочки, но это не телефонный разговор. А что это ты вдруг заинтересовался? Ты же просто так обычно не звонишь.

— Это точно... Слушай, мы тут задумали всем семейством на дачу смотаться, отдохнуть.

Не хочешь присоединиться? Кстати, ты ж у нас парень холостой, верно? А Натаха свою подружку на дачу пригласила, Оксаной зовут, фамилия Лихолетова. Они учились с ней на филологическом, в одной группе. Симпатичная дивчина, это я тебе как знаток женского пола говорю, к тому же свободная. Правда, есть одна закавыка...

— Что еще за закавыка?

— В общем, у нее сын шести лет от первого брака, и со здоровьем у него не все в порядке. Но тебя же никто жениться на ней не заставляет, верно?! Моя утверждает, что Оксана в принципе не прочь провести время с порядочным молодым человеком, правда, это конфиденциальная информация, Оксанка проболталась только моей в подпитии, когда они присели в баре и завели разговор по душам. Знаешь, наверное, как иногда у них, баб-то, порой чешется... Я сразу про тебя подумал. Короче, завтра мы все едем на нашу дачу в Антоновку.

Алексей подумал, что с какой-нибудь девушкой ему, по идее, уже пора бы познакомиться. Другое дело, если вдруг отношения с этой Оксаной перерастут в серьезные, и воспитывай тогда чужого ребенка, да еще и инвалида. Да он не настолько стар, чтобы хвататься за последнюю возможность устроить свою личную жизнь.

— Пашка, что-то нет у меня настроения никуда ехать...

— Да ладно, что ты как крот сидишь в своей норе целыми сутками! Давай, развеешься немного, шашлычка пожарим. Расскажешь про свои дела, что там тебя гложет? Да и девочка опять же... А не понравится Оксана — ну и Бог с ней. Чисто отдохнуть едем. Ну что заезжать за тобой утречком?

Пашка умел уговаривать. Ведь, с другой стороны, почему бы и не поехать? Когда он последний раз позволял себе отдых на природе, те же шашлычки? Наверное, год назад, опять же на даче у Пашки. А хороший отдых, чтобы хоть немного привести в порядок поистрепавшиеся нервишки, ему и в самом деле необходим.

Яковенко между тем продолжал атаку на старого друга, причем с таким упорством, что Клест невольно подумал, будто тот как-то заинтересован в его обязательном присутствии в грядущие выходные на даче. Тем не менее, в итоге пришлось сдаться.

— Ладно, подъезжай, только не раньше девяти. Хотелось бы все же выспаться.

Пашка был товарищем не из бедных. Он сумел подняться в начале 90-х. В студенте политеха внезапно открылись способности коммерсанта. Под залог подаренной родителями квартиры занял денег, купил партию паленой водки где-то в Осетии, удачно толкнул, и заработал стартовый капитал. В те времена еще можно было замутить собственное дело, не то что сейчас, когда весь рынок давно поделен. Теперь у Пашки имелся небольшой

ресторанчик, приносящий стабильный доход, и десяток ларьков по городу, торгующих разного рода мелочью.

Жена сидела дома, занималась воспитанием детей, а между делом увлекалась всякого рода мистикой. То и дело раскладывала карты Таро, гадая на будущее, или глядела в стеклянный шар. Супруг на ее забавы смотрел сквозь пальцы, лишь бы это не зашло слишком далеко. Как он однажды сказал Алексею по секрету, ни одно из предсказаний его женушки не сбылось, но он делает вид, что верит всему, что она ему рассказывает о грядущем.

Несмотря на расхождения в статусе, Павел никогда не кичился перед другом тем, что сумел выбиться в люди. Одно время предлагал даже пойти к нему в компаньоны, обещая помочь потом раскрутиться. Но Алексей понял, что коммерция — не его стезя, и предложение друга с благодарностью отклонил. Встречаться часто им не удавалось, но каждое лето Яковенко неизменно вытаскивал товарища на свою дачу, где они жарили шашлыки и пили пиво.

Пашка подъехал без десяти девять, с небольшим запасом. Звякнул на мобильный, когда Алексей всюду занимался в ванной гигиеническими процедурами. Наскоро закончив, Клест оделся и побежал вниз.

Яковенко сидел за рулем джипа "Мицубиси" темно-вишневого цвета. Рядом с ним примостилась его супруга Наталья, сзади пристроились их двое отпрысков — 5-летний Сашка и 3-летняя Катя.

— Здравствуйте, дядя Леша!

— Привет! Вот вам, угощайтесь.

Сунул каждому по маленькой шоколадке, за которыми сбегал в ларек накануне вечером. Что-что, а детям обязательно нужно дарить либо сладости, либо игрушки.

— Ну что, трогаем?

— А где же эта ваша Оксана?

— Что, заинтересовался? — усмехнулся Пашка. — Мы захватим ее на выезде из города.

Она живет на окраине.

Тут к разговору присоединилась и Наталья. Из ее болтовни Алексей выяснил, что Оксана воспитывалась в детдоме, после выпуска ей выделили однокомнатную квартиру, а в прошлом году она разменяла ее на 2-комнатную в новом районе, естественно с доплатой. Сейчас она работает в рекламном агентстве "Три семерки", уже выбилась в замы главного. Зарабатывает в принципе неплохо, и вроде бы собирается прикупить городскую малолитражку типа Daewoo Matiz.

Что же касается ребенка, страдавшего аутизмом, то с ним обычно остается сиделка с медицинским образованием. От кого передались больные гены — неизвестно, вроде бы и в роду матери, и в роду покинувшего семью отца никого с таким диагнозом не значилось. Несмотря на недуг, 6-летний Митя уже умел читать по складам, а его логические измышления порой ставили в тупик даже взрослых. Большую часть времени Митя собирал пазлы, или возился с конструктором "Лего". Возводимые им дома, парки, мосты восхищали тех, кто оказывался у Оксаны в гостях. Правда, таких было немного, но Наташа была в их числе. Если бы не диагноз, мальчик вполне мог бы в будущем стать неплохим архитектором.

Оксана действительно поджидала их на выезде из города. Стройная брюнетка с немного восточным разрезом глаз, она была одета в простенький, но очень шедший ей облегающий сарафан.

— Всем привет! — звонко приветствовала она участников поездки, усаживаясь на

заднее сиденье рядом с Клестом.

От нее исходил едва уловимый запах легких, щекочущих ноздри духов. Косметики на ее лице практически не было, или она была наложена столь умело, что подчеркивала все достоинства девушки, которой на вид нельзя было дать больше 20 лет. Хотя, если она была сокурсницей Натальи, ей должно было быть уже 28. В таком случае Алексей старше ее всего на год.

"А она и в самом деле неплоха собой", — подумал он, когда Оксана, втиснувшись на заднее сиденье, прижалась своим бедром к его ноге и, непроизвольно устыдясь собственных мыслей, покрылся румянцем. Однако новенькая пассажирка, похоже, не заметила его смущения. Перекинувшись несколькими малозначащими фразами с Натальей и Павлом, она принялась смотреть в окно, на мелькавшие мимо поля и пригородные дачные поселки.

До Антоновки добрались за полчаса. Пашкина дача представляла собой 2-этажный коттедж, возведенный три года назад на месте покосившейся хибары. Перед домом располагалась небольшая лужайка, для детишек были поставлены качели. Внутри все выглядело уютно, отделанные деревом стены создавали ощущение деревенской избы.

Но и приметы цивилизации присутствовали. В зале стояла "плазма", на кухне — навороченная плита и микроволновка, там же приткнулась стиральная машинка, ранее стоявшая у Пашки дома, а теперь ввиду приобретения еще более навороченной отправившаяся в ссылку на дачу. Когда хозяев не было, за домом приглядывал отставной подполковник, круглогодично живший по соседству. За это Павел ежемесячно приплачивал старику настоящую зарплату, чему тот был несказанно рад.

Джип остановился у металлических ворот. Павел пошел их открывать, а навстречу от соседней дачи уже бежал отставной подполковник.

— Докладываю, Павел Григорьевич! За время вашего отсутствия никаких происшествий не произошло, за периметр дачи никто пролезть не пытался.

— Вольно, Кузьмич, — с серьезной миной изрек Пашка. — Спасибо за верную службу. Видал, Лех, какие люди на пенсии пропадают? Кузьмич мог бы десяток нынешних вояк за пояс заткнуть. Как там у Лермонтова... "Не то, что нынешнее племя". Кстати, Кузьмич, держи жалованье.

Получив несколько купюр, довольный старикан отправился на свой участок, продолжать поливку огорода. А Павел и Алексей через несколько минут уже готовили мангал для шашлыка. Пока Клест разжигал уголь, Яковенко нанизывал на шампуры вымоченные в уксусе куски мяса.

— У меня в ресторане повар-грузин работает, — говорил Пашка, нанизывая очередной кусок. — Так тот такой шашлык готовит — пальчики оближешь. Он мясо даже в вине умудряется вымачивать, оно такое кисловатое получается. Но я приверженец классического шашлыка. Мы студентами, помню, на практике в деревне жарили. Вот такой я и люблю, без всяких наворотов... Так что у тебя стряслось?

— Так, проблемы кое-какие...

— В связи с этим? — Павел неопределенно покрутил пятерней в районе головы, намекая на внештатную работу Алексея.

— Ага.

Подумав, стоит ли посвящать друга в подробности, Клест все же решил рассказать о странном убийце, затеявшем против него смертельную игру. Может, если выговорится, то и в самом деле полегчает. А Пашка, тот иногда дельные советы дает. Был бы дураком, не снимал бы сейчас навар со своего ресторана.

Яковенко слушал внимательно, не перебивая. Когда Алексей закончил, тот задумчиво поскреб щетинистый подбородок, затем прокрутил шампур, переворачивая мясо прожаренной стороной вверх.

— Даже не придумаю, что можно в такой ситуации посоветовать. Если бы знать, с кем имеешь дело, тогда куда проще. Вот как у меня... Приехали в прошлом месяце

распальцованные ребята с кавказскими физиономиями, мол, мы тебя крышевать теперь будем. Я Костяну позвонил — так и так, нужно разобраться. А Костик, он пацан реальный, чуть что — сразу ствол достает. Ну, собрал он своих орлов, забили они стрелку с кавказцами. Те, видно, струхнули в последний момент, на стрелку так и не приехали. И вообще больше никак не проявились. Вот это я понимаю, так дела и решаются. А с твоим неизвестным "доброжелателем" ситуация какая-то невнятная. Прямо мистикой пахнет.

— Да, только и остается, что обратиться за помощью к потусторонним силам, — пробормотал Алексей, пробуя первый кусочек. Вроде прожарился.

— Слушай, а вдруг и впрямь тебе стоит обратиться к людям, которые общаются с потусторонними силами? — неожиданно выпалил Павел после минутного молчания.

— Да ладно, глупости все это... — отмахнулся было Алексей. Но друг оказался на редкость упорным.

— Я ведь тебе это серьезно говорю. Я и сам до недавнего времени всех этих гадалок и целителей недолюбливал. Над Натахой, конечно, не подшучивал, оно ведь чревато... Но она недавно рассказала мне про одну ворожею, Линдой ее зовут, кажется. Мол, все может про человека сказать, только посмотрит на него. И прошлое расскажет, и будущее, и про врагов, и про друзей. А потом передала мне слова Линды, к которым я сначала отнесся с иронией. Но сейчас я переменяю свое мнение.

— И что же заставило тебя его изменить?

— Я тебе рассказывал про обезьян, которые на меня не так давно наехали. Так вот, буквально за неделю до этого моя моталась к этой Линде, и та сказала Натахе, что скоро у меня будет неприятная встреча с людьми с Кавказа. А когда эти абреки накатили, я сразу вспомнил про Линду. Подумал еще, может, она с ними в сговоре... Но потом отбросил эту мысль, уж больно дикой она мне показалась. Эдак никому вообще нельзя верить, даже собственной жене. Ну, так что, дать тебе координаты этой бабенки?

— Ладно, чиркани на всякий случай, — пожал плечами Алексей. — Честно говоря, не уверен, что выберусь к ней, но мало ли что...

Пашка ушел в дом, и спустя пару минут вернулся, сжимая в ладони кусочек цветного картона.

— Вот, у Натки даже ее визитка была. Держи, пользуйся на здоровье.

Клест повертел в пальцах визитку, на которой был изображен белый единорог, а витиеватая надпись гласила: "Салон магии "Карма". Мы поможем решить ваши проблемы. Тел: 59-13-01" На обратной стороне уже ручкой было написано "Линда" и номер мобильного. Алексей про себя усмехнулся, но визитку с единорогом спрятал в карман.

Последние порции шашлыка еще прожаривались, а все уже собрались во дворе вокруг небольшого деревянного столика, на котором горкой громоздились шампуры с готовым мясом. Детям положили отдельно, предварительно порезав куски на более мелкие, и те с аппетитом уминали шашлык, тут же перемазавшись в жире. Павел шутливо поддел супругу, сказав, что если она буддистка, то ей как бы положена вегетарианская диета. На что Наталья показала мужу на красную ниточку на запястье:

— Между прочим, я не буддистка, а каббалистка. А буддизм, насколько я помню, разрешает употребление мяса.

Алексей как бы невзначай бросал взгляды на Оксану. Та ела неторопясь, периодически протирая пальцы и губы салфеткой. Однажды она тоже посмотрела в его сторону, и как ему показалось, уголок ее рта приподнялся в чуть заметной улыбке. После этого Клест стал

ощущать себя не в своей тарелке, и старательно прятал глаза, когда девушка бросала как бы случайный взгляд в его сторону.

Вечером, когда пламенеющий закат разлился по небосводу, отправились обратно в город. Оксана снова сидела рядом с Алексеем, а тот клял себя последними словами, что так и не решился заговорить с ней на даче. В свое время, когда знакомился с бывшей супругой, у него был настоящий словесный понос. Этим-то, наверное, и взял Лиду, слушавшую его раскрыв рот. Куда это все пропало?

Впрочем, была возможность остаться с Оксаной наедине и познакомиться поближе, но он малодушно ее упустил. Пашка с Натахой взяли детей, канистры, и отправились на родник за водой. Алексею с Оксаной предложили дожидаться их на даче, тем самым намекая, что пора брать быка за рога. Но, даже оставшись с Оксаной наедине, Алексей не смог перебороть свое смущение. Впрочем, новая знакомая и сама не спешила форсировать события, видимо, решив, что девушку украшает скромность.

— Паша, тормозни за следующим поворотом, я там выйду, — попросила девушка, когда они неслись мимо высоток спального района.

— Как скажешь, — бодро ответил Павел. — Не боишься одна в такое время ходить? Говорят, в вашем районе столько нарकोшей развелось...

Клест понял, что это недвусмысленный намек на то, чтобы он предложил Оксане проводить ее до дома. Пересилив робость, Алексей выдал из себя:

— А чтобы ничего с девушкой не случилось, я ее, пожалуй, провожу. Да и мне отсюда не так далеко до дома.

Насчет того, что живет рядом, он, конечно, приврал. Впрочем, в это время ходит полно маршруток, так что домой он должен добраться без проблем.

— Если вы не боитесь наших наркошей, как не скажет Павел, тогда я не против, — улыбнулась Оксана, и Алексей почувствовал, как с его плеч словно гора свалилась...

До ее дома шли не торопясь. Оксана взяла инициативу в свои руки, спросив, кем Алексей работает.

— Как сказать... — почему-то смутился Клест. — Вообще-то я вольный художник. Рисую на продажу, иногда халтуру. А вы, если Павел не приврал, в рекламном агентстве трудитесь?

— Не приврал... А что он еще про меня рассказывал?

Алексей еще больше смутился, но теперь уже от воспоминаний о том, как Павел и Наталья рассказывали ему по пути о диагнозе сына Оксаны. Это было еще до того, как они забрали девушку на окраине Приволжска.

— Да так, ничего особенного. Сказал, если девушка захочет, она сама о себе все расскажет.

Она заливисто рассмеялась, словно зазвенели колокольчики, и будто бы случайно, коснулась его руки. Сердце у Клеста замерло, а потом сорвалось с места в карьер. Черт возьми, эта Оксана просо колдунья, он уже готов лечь с ней в постель! Тут бы и обнять ее, поцеловать...

— Кстати, мы уже пришли, — огорошила она кавалера, останавливаясь у подъезда 9-этажки. — Спасибо, что проводили.

— Да не за что.

— Может, зайдете в гости, у меня есть хороший кофе...

Клест увидел в ее глазах, как ему показалось, одновременно и желание провести с ним

время (не исключено, что просто как с самцом, приглянувшемся самке, как бы это ни пошло звучало), и боязнь, что он увидит ее больного сына. Выбор решения зависел от него. Но Алексей понял, что в глубине души Оксана все же предложила зайти к ней из элементарного приличия. И если он сейчас примет это предложение — это на самом деле может ее глубоко ранить.

— Ой, совсем забыл...

Он достал сотовый, и сделал вид, что смотрит на время.

— Через сорок минут ко мне придет заказчик, а я тут с симпатичной девушкой лясы точу.

Оксана улыбнулась:

— Ну бегите к своему заказчику. И, знаете что... Алексей, наберите-ка мой номер, — она продиктовала длинный "Билайновский" номер. — А теперь позвоните. Я ваш сохраню, а вы мой. Мало ли что, вдруг мне хороший художник понадобится, портрет, например, написать. И давай перейдем с вы на ты, если... если ты не против.

— Я обеими руками за! А насчет портрета подумай, тебя я нарисую бесплатно.

— Все, ловлю на слове, — засмеялась она. — С тебя портрет, в полный рост.

А через два дня с Алексеем произошло неприятное событие. Все это время у него из головы не шла новая знакомая. Однако набрать номер Оксаны он не решался, и за свою нерешительность клял себя последними словами.

В тот день он повез в ЧОП "Гюрза" готовый заказ — несколько больших картонных листов. Сидел на заднем сиденье такси, думая о своем. На одном из перекрестков ехавшая перед ними "Ауди" не проехала на мигающий зеленый, встав чуть ли не на переходе, что стало для немолодого таксиста своего рода неожиданностью. Ему пришлось столь же резко дать по тормозам.

Мгновением позже раздался смачный удар и звук лопнувшего заднего бампера "десятки". Таксист негромко выругался, а когда в зеркало заднего обзора увидел навороченный "Лексус", выругался еще витиеватее. Из джипа неторопясь вылезли трое вполне реальных пацанов. Один принялся осматривать повреждение, двое вразвалочку, с видом явного превосходства и уверенности в своей правоте двинулись в сторону вышедшего им навстречу хозяина "десятки".

"Несоблюдение дистанции, — подумал Алексей, — то есть правила нарушили они. Только эти ребята, похоже, так не думают".

Действительно, осмотрев водителя "десятки" с ног до головы, один из них вроде бы равнодушно произнес:

— Ну что, мужик, попал ты на бабло.

— Штуку баксов с тебя, фраер, — добавил подошедший водитель "Лексуса".

— Простите, ребята, но, во-первых, мне пришлось экстренно тормозить, а во-вторых, согласно правилам дорожного движения вы сами не соблюдали должную дистанцию. И в третьих, не знаю как у вас, а у меня и КАСКО, и ОСАГО. Все претензии через суд, Бога ради! Мне вызвать гайцов или сами позвоните?

— Ты гляди, Серый, умник какой нашелся! — повернулся к самому здоровому из троицы один из братков. — Бля, на твое счастье, народ собрался, а то мы бы тебя прямо тут в асфальт закатали. Короче, гони документы и номер мобилы, мы потом тебя найдем.

"Ну борзота, — подумал Алексей, все слышавший в приоткрытое окно. — Похоже, ребят давно на место не ставили".

— Документы я вам отдавать не буду, ишь чего удумали. А вот гаишников вызову, — между тем упирался таксист.

Он вытащил сотовый, собираясь набрать номер ГИБДД, и в то же мгновение Серый с рычанием вырвал у него телефон. А второй рукой прижал водителя к машине.

— Да ты бля, падла, я ж тебя урою...

Клест больше не мог находиться в роли стороннего наблюдателя. Не прошло и двух секунд, как Алексей оказался снаружи. Бычара задумчиво повернул голову в его сторону, оценивая потенциальную опасность. Но слишком долго соображал. Клест неуловимым движением вывернул руку здоровяка, сделал подсечку, и Серый спиной плашмя грохнулся на расчерченный шинами асфальт.

Двое остальных братков вышли из оцепенения и тут же с матюгами кинулись на

борзого, по их мнению, пассажира. Алексей хладнокровно заехал носком кроссовки под коленную чашечку самому мелкому и гоношистому из них. Тот со стоном запрыгал на одной ноге. С третьим пришлось повозиться. Парень решил продемонстрировать навыки владения боевыми искусствами, встав в какую-то невообразимую стойку. В армии Клеста учили действовать коротко и ясно, без излишних телодвижений, которые порой могут стоить жизни. Отбив замысловатую атаку соперника, он провел свою, состоявшую из серии коротких, но действенных ударов по болевым точкам, в том числе и локтями. Противник охнул и сполз вниз по борту "Лексуса".

Между тем Серый наконец поднялся с асфальта. Глаза его налились кровью, и стало ясно, что он не остановится, пока не порвет неугомонного фраера на мелкие кусочки. Вдобавок его волосатая ладонь нацелилась заползти под пиджак, где, как подозревал Клест, хранился ствол.

Алексей вспомнил еще одно правил: если в поединке ты позволишь эмоциям взять над тобой верх — можно считать, что схватку ты проиграл. Если, конечно, соперник у тебя достойный. А он считал себя вполне боеспособным. И поэтому, предупреждая роковое движение здоровяка, ткнул собранными щепоткой пальцами тому в горло. Теперь бык еще долго не сможет выказать признаков агрессивности.

В толпе собравшихся зевак раздали жидкие аплодисменты, какая-то бабка задорно крикнула:

— Так им и надо! Ишь ты, хозяева жизни выискались...

Между тем таксист оклемался и шустро прыгнул за руль. Затем крикнул Лехе:

— Чего стоишь, садись быстрее. Не нужны нам лишние проблемы, валим отсюда.

Садясь в машину, Клест подумал, что братки вряд ли простят ему позорное избиение на глазах у кучи народа. К тому же и в своей среде их могут поднять на смех, что наверняка не прибавит ребятишкам авторитета. А вычислить его им не составит особого труда, в этом Алексей был почему-то уверен.

Сдав плакаты начальнику ЧОПа, который остался доволен его работой и заплатил всю причитающуюся сумму, Алексей задумался, что делать дальше. Наверняка эти дебилы из "Лексуса" уже рыщут в поисках резкого парнишки из такси. Интересно, что они будут делать, когда найдут? Отметелят для начала, поставив затем на счетчик, или попробуют решить вопрос каким-то другим, более цивилизованным путем? Впрочем, как этот путь должен выглядеть, он себе представлял весьма смутно.

В крайнем случае вполне можно было бы подключить к решению проблемы своих знакомых из органов. И даже звякнуть тому полковнику из ФСБ, если у него телефон не изменился. Но пока, пожалуй, истерить еще рано.

Тут он вспомнил, что еще неделю назад обещался заехать к знакомому художнику, Кольке Сидоркину, на именины. Тогда у Алексея просто не было денег на хороший подарок, да еще появились неожиданные дела. Сейчас в его кармане лежали десять тысяч, чем не повод, чтобы заявиться с подарком?

Он набрал номер, и на том конце провода кто-то натужно захрипел, а затем, гулко прокашлявшись, спросил:

— Кто это?

— Привет, Николай, это Алексей...

— А-а, Клест, тудыть тебя в пекло! Ты куда пропал-то?

— Да все дела... Я тут подумал, может, задним числом к тебе в гости нагрнуть,

подарок вот думаю, какой прикупить.

— Срать на подарок, ты мне лучше пузырь привези. Вчера так набухались — башка совсем не варит. Полдня лежу никакой, до магазина дойти не могу, а организм опохмелиться требует...

В итоге Алексей купил бутылку "Бульбаша", а в придачу все же приобрел трубку из вишневого дерева. Товарищ курил исключительно трубки, это знали все его знакомые, и при случае всегда дарили именно курительный прибор. У Сидоркина уже скопилась неплохая коллекция, и поэтому Клест не стал ломать голову над тем, что подарить товарищу.

Домой он вернулся только поздно вечером. У Николая пришлось немного выпить ради приличия, остальное тот вылакал сам. По пути домой Алексей заехал в круглосуточный магазин, где прикупил продуктов на часть гонорара. Проходя по своему двору, посмотрел, не стоят ли по соседству незнакомые машины. Вроде все было чисто. Внимание Клеста привлек только пьяный бомж, дремавший возле подъезда. Лица его было не видно, а рядом лежала пустая бутылка из-под дешевой, и скорее всего паленой водки.

Сюрприз его ждал, когда он поднялся на свой этаж. Не успел достать ключ, как вдруг словно из-под земли выросли пятеро парней в тренировочных костюмах и кожаных куртках — в "лучших" традициях 90-х. Среди них он определил и тех троих, которых отделал сегодня днем. Клест увидел нацеленный в лицо черный зрачок пистолетного ствола, еще двое при этом сделали характерное движение и понял, что повторить фокус с эффектным разбрасыванием в стороны негодяев вряд ли удастся.

— Ну что, поговорим? — перекатывая во рту жвачку, просипел один из новеньких.

— О чем мне с вами говорить?

Алексей старался сохранять самообладание, хотя сделать это было нелегко. Все пути к отступлению были перекрыты, так что о том, чтобы ретироваться, он даже не думал.

— Чего встал-то? Приглашай гостей, у тебя и побазарим.

— Незванный гость — он ведь хуже татарина, — попробовал сострить Клест, старясь встать спиной к стене, чтобы сзади никто не оказался. Биться — так уж с умом, с максимальным уроном для противника. Рассчитывать на помощь соседей не приходилось. Даже если кто-то увидит через глазок потасовку и вызовет полицию — пройдет минут десять как минимум. Столько он все равно не продержится. Если вообще его не пристрелят через пару секунд.

Первым ударил обиженный им днем Серый. Алексей сделал легкий шаг в сторону, и кулак верзилы смачно вошел в стену, разбрызгивая штукатурную пыль. Спустя мгновение раздался вопль боли и ярости, а широкоплечий бедняга скрючился, зажав коленями искалеченную ладонь.

Тут же на Клеста обрушился целый град ударов. Пакет с продуктами выпал из разжавшихся пальцев, и яблоки наперегонки покатались вниз по лестнице. Алексей уже не отбивался, просто закрывал голову руками, согнувшись в три погибели.

Когда он уже прикидывал, как прорваться из кольца беснующихся отморожков, пока из него не сделали отбивную, вдруг произошло то, чего не ожидал ни он, ни остальные из действующих лиц этой мизансцены. Раздался оглушительный выстрел, и избиение в то же мгновение прекратилось. Он осторожно поднял голову...

Один из бивших его парней лежал на полу с простреленным затылком, из-под головы растекалась бура лужица, а стена напротив была забрызгана ошметками мозгового вещества. Оставшиеся тупо переводили взгляды с трупа убитого товарища на того, кто это сделал.

Среднего телосложения бычок, только что участвовавший в избиении Клеста, задумчиво смотрел на зажатый в своей руке пистолет.

— Витек, ты че? Ты ж Босса грохнул! — изрек один из братков, и спустя мгновение согнулся пополам, получив пулю в живот. Не дав остальным опомниться, Витек принялся палить направо и налево, и уже через несколько секунд находился в окружении агонизирующих трупов. Это была настоящая бойня. Алексей в растерянности стоял, открыв рот, не зная, что ему предпринять в такой неоднозначной ситуации.

Между тем Витек широко ухмыльнулся, и панибратски положил Клесту руку на плечо:

— Ну, здравствуй, что ли... Ты не рад нашей встрече? Но, как ни крути, без меня тебе вряд ли удалось бы выпутаться из столь щекотливой ситуации. Разве я мог позволить этим отморожкам тебя обидеть, и уж тем более лишить тебя жизни? Мы же не закончили с тобой нашу игру, верно?

К сожалению, у нас не остается времени на беседу, наверняка кто-нибудь из соседей уже позвонил в полицию. Но я с тобой не прощаюсь. А вот обладатель этой телесной оболочки, скорее всего, прощается не только с тобой, но с этим миром. Впрочем, туда ему и дорога, пользы от него все одно больше никакой.

С этими словами он подмигнул Алексею, затем засунул ствол "Стечкина" себе в рот и на глазах у изумленного зрителя нажал на спусковой крючок.

— Ну и дел ты тут натворил, — качал головой прибывший на место бойни Леонченко. — А кровищи-то, кровищи...

— Ага, я натворил, — кисло ухмыльнулся Алексей, отступая в сторону, чтобы не мешать экспертам делать свою работу. Его все еще колотила мелкая дрожь. — Я ж не виноват, что у них в банде псих завелся. Хотя я догадываюсь, кто это мог быть на самом деле.

— И кто же? — напрягся Леонченко.

— Тот самый тип, что руководил действиями Раевской, а потом звонил мне по телефону. Может, и слишком фантастическое предположение, но другого у меня пока нет.

— А что, я в принципе готов в это поверить. Наверное, созрел даже для таких бредовых идей. Только к делу их не пришьешь. Что прикажешь писать в докладной прокурору области? Это же такое ЧП, до Москвы дойдет...

— А ты ничего и не выдумывай. Пиши то, что случилось. Укажи, что один из бандитов рехнулся, перестрелял всех, а потом себя кончил. В общем, почти как у Шекспира. А что касается нашего общего друга, обладающего паранормальными способностями... Нужно его искать. Причем так, чтобы не привлекать лишнего внимания, шумиха здесь не нужна. Его игры заходят слишком далеко.

— Хотя, признайся, он ведь спас тебе жизнь, уложив при этом пятерых подонков, включая того, в чей мозг залез, — после паузы заметил Леонченко. — Нам бы в каждую банду внедрить по такому человечку... Вот веселуха бы началась, начни они мочить друг друга.

— Нет в тебе жалости к людям, — притворно вздохнул Алексей.

— Это кто, это они-то люди?! Да таких к стенке ставить надо еще при рождении! Ничего, когда-нибудь изобретут такой аппарат, который еще в утробе матери сможет определять, хороший человек вырастет или дерьмо...

— И что же, если плохой — делать принудительный аборт?

— Ну почему же. Наверняка к тому времени изобретут методику психокоррекции. На Западе, да и у нас кое-где, я слышал, ее уже применяют на практике.

— Да, с тобой лучше в полемику не ввязываться. Пойду-ка я домой, а то время позднее, — сказал он, всовывая ключ в замочную скважину.

— Погоди, а кто показания давать будет? Точно, идем к тебе, кофейку сварить, а между делом я буду конспектировать твой рассказ... Слушай, — понизив голос, продолжил следователь, когда они переступили порог квартиры Клеста, — только честно, ты их точно не мочил?

Алексей мысленно попросил у Всевышнего терпения.

— Я что, похож на безжалостного супермена?! Вить, ты меня удивляешь...

— Ладно, ладно, это я так, для проформы спросил. Ну, где тут у тебя кофе?

На следующий день Алексей проснулся около одиннадцати утра. Голова трещала, словно накануне по ней лупили чем-то тяжелым, или после "пузыря" паленой водки. Хотя водку накануне он пил, вместе с Сидоркиным, но в ее качестве не сомневался.

Клест перевернулся, уткнувшись носом в подушку. Однако повалиться не дал проклятый телефон. Эх, не додумался вечером отключить. Кое-как доплелся до базы, снял трубку и прижал ее к небритой щеке:

— Слушаю.

— Привет, спишь, что ли?

Ох уж этот Леонченко, ни днем, ни ночью покоя нет.

— Что, опять кого-то грохнули?

— Тьфу-тьфу-тьфу, типун тебе на язык. Мне и вчерашнего хватило. Я тебя, наоборот, порадовать хотел. Помнишь задушенную в лифте девочку? Поймали вчера убийцу.

В душе Алексея что-то шевельнулось. Впрочем, тут же и улеглось, снова вернулась апатия.

— Мужичок работает менеджером в строительной компании, квартирами в новостройках торгует. Говорит, бес попутал, сидит в "предварилровке", плачет, весь в соплях... Чего молчишь-то, или не рад?

— Почему, рад, — тускло ответил Клест, с тоской понимая, что в постель уже не вернется. Даже если ляжет, то не уснет.

— Ну ладно, гляжу, ты не в духе. Оно и понятно, после такого, что с тобой вчера произошло, надо месяц лечить нервишки где-нибудь на курорте или в санатории. В общем, тревожить тебя больше не буду, отдыхай, набирайся сил для будущих подвигов.

От завтрака Алексей решил отказаться. При мысли о еде желудок тут же предательски сжался, едва не вырвало. Дома сидеть без дела тоже не хотелось. Прогуляться что ли... Когда одевался, из кармана джинсов выпал картонный прямоугольник, на котором был изображен белый единорог. Только сейчас он вспомнил про совет Пашки Яковенко сходить к какой-то там Линде. Мол, она-то все про всех знает, к ней можно с любыми проблемами обращаться.

Клест в раздумье поскреб однодневную щетину, еще раз перечитал написанное на визитке. На 99 процентов он был уверен, что салон "Карма" — обычная контора по обдушиванию простаков. Тем не менее, Алексей взял телефонную трубку и набрал номер.

— Салон магии "Карма", — произнес бархатистый женский голос.

— Здравствуйте, я тут объявление прочитал...

— ... и хотели бы прийти к нам, чтобы решить свою проблему, — закончила за него собеседница. — Я правильно угадала?

— Н-ну, в принципе, правильно.

— Сегодня до девятнадцати часов у нас все занято. Если вас устроит после семи вечера — милости просим.

— Отлично, давайте на семь. Только адресочек подскажите, а то на визитке он не указан.

— Улица Героев Октября, дом 16. Там увидите нашу вывеску. А вы подскажите вашу фамилию, чтобы я вас на девятнадцать часов записала... Как? Клест? Какая необычная фамилия... Хорошо, подъезжайте к семи вечера, Линда будет вас ждать.

Положив трубку, Алексей почувствовал, что за время короткого разговора его щеки покрылись румянцем. В принципе, ничего постыдного в том, что он собирается посетить салон магии, не было. Сейчас все, кому ни лень, пользуются услугами экстрасенсов. Но все же чувствовал он себя не в своей тарелке, и до самого вечера провалялся на диване, бездумно уставившись в потолок.

Не успел отойти от телефона, как тот затрезвонил. На том конце провода снова была женщина, только на этот раз с более задорным голосом, говорившая быстро и напористо:

— Доброе утро, Алексей Викторович! Это Ольга Кочарян вас беспокоит, журналист газеты "Приволжские вести". Мы могли бы с вами встретиться?

— Простите, на предмет чего?

— Ну как же, вы обладаете паранормальными способностями, массу дел помогли раскрыть нашим доблестным органам. А я как раз специализируюсь на экстрасенсах, целителях, всяких необычных явлениях... Мы просто обязаны про вас написать.

Твою мать, час от часу не легче! Как бы ее отшить покультурнее...

— Ольга, кто вам рассказал обо мне такую чушь?

— То есть вы хотите сказать, что никакими паранормальными способностями не обладаете? — вопросом на вопрос ответила собеседница. — Или просто не хотите это афишировать?

Алексей уже начал терять терпение:

— Слушайте, что вы ко мне пристали? Я обычный художник, и этим зарабатываю на жизнь. Пожалуйста, не звоните сюда больше. Всего доброго!

Он с размаху грохнул трубку на базу. Нет, ну у кого в конторе слишком длинный язык? Утечка информации могла произойти либо из милиции, либо из прокуратуры, больше неоткуда. ФСБ исключалось сразу, там болтунов не держат... Кстати, вот повод напрямч орлов Тришина.

Клест набрал номер генерала, и вкратце объяснил ситуацию. Тот в ответ побряхтел, затем буркнул:

— Да, нужно узнать, как произошла утечка информации, виновных наказать. А эту журналистку мы предупредим, чтобы не совала свой нос, куда не надо. Так что ни о чем не волнуйтесь.

Ну вот и славненько. А то он уже представил свою физиономию на первой полосе "Приволжских вестей" и соответствующий заголовок:

"Экстрасенс ищет педофилов и серийных убийц!"

Знакомые просто засмеют.

Дом номер 16 на улице Героев Октября он нашел без особых проблем. Это оказалось монументальное здание красного кирпича, возведенное в конце XIX или начале XX века. Здесь размещалось несколько контор, но вывеска салона магии "Карма" выделялась среди прочих своей неординарностью. На голубом фоне с золотыми звездами был нарисован ослепительно белый единорог. Что он символизировал — для Алексея осталось загадкой, но внимание он привлекал.

Посетителей приветствовал мелодичный звон висящего над дверью колокольчика и миловидное создание за конторкой в образе миниатюрной блондинки. Ее ярко накрашенный рот при виде вошедшего расплылся в ослепительной улыбке. Алексей прикинул, сколько она денег оставила в стоматологическом кабинете. Если хочешь узнать о доходах человека — посмотри ему в рот. Интересно, она к стоматологу каждую неделю ходит? И наверняка в не самую дешевую клинику. А может, тоже открыть какой-нибудь салон, типа "Последний привет с того света"? Будет пересказывать родственникам предсмертные видения покойников.

— Здравствуйте, вы записаны?

Клест вернулся в реальный мир.

— Да, на девятнадцать часов.

— Вы Клест, верно? Присаживайтесь, я сообщу провидице о вас.

Она исчезла за дверью с витражной позолоченной ручкой, а Алексей примостился на краешке кожаного кресла. Прямо напротив него стоял аквариум литров на пятьдесят, в котором плавала одинокая золотая рыбка. Она замерла, вперившись в посетителя выпученными глазами, словно собралась устроить с ним сеанс телепатической связи. Алексей показал рыбке язык, и в этот момент в дверном проеме показалась секретарша.

— Проходите, Линда готова вас принять.

Чувствуя легкий озноб, он перешагнул порог, и оказался в сумрачном помещении, наполненным шедшей словно отовсюду тихой, успокаивающей музыкой. Единственным источником света здесь был странного вида светильник в виде перекрученных канатов, установленный в центре небольшого круглого стола. Помимо светильника, на нем покоился также хрустальный шар размером с голову младенца. Остальная часть комнаты была погружена во мрак. Людей видно не было.

— Здравствуйте, — на всякий случай поздоровался Алексей.

В дальнем углу комнаты обозначилось легкое движение, и навстречу ему выплыло нечто огромное и бесформенное. При ближайшем рассмотрении это нечто оказалось женщиной неопределенного возраста, скрывавшегося за густо наложенной косметикой. В ее ушах мерно покачивались тяжелые серьги, шею обвивали несколько рядов бус, запястья и пальцы также скрывались под массивными украшениями. Похоже, это и была пресловутая провидица Линда.

— Вижу, над вами нависла страшная опасность, — без захода произнесла хозяйка салона низким, грудным голосом, должным, наверное, вводить посетителей в священный трепет. — Кто-то очень сильный хочет причинить вам зло.

— И кто же это? — сипло спросил Алексей. Ему захотелось прокашляться, но он почему-то не рискнул сделать этого в присутствии Линды.

— Образ его неясен. Я вижу туман, а в нем чье-то лицо. Оно искажено то ли улыбкой, то ли гримасой ярости.

— А поточнее нельзя?

Алексей поневоле поддался чарам провидицы, вперившей в него темные, как ночь, глаза. В глубине души он понимал, что все происходящее просится на полотно, подпись под которым должна гласить "Развод лоха". Наверное, сидящая перед ужом загнипнотизированная им лягушка также понимает, что она сейчас станет обедом, но не может пошевелиться.

— Попробуем посмотреть через магический шар, — сказала Линда. — Садитесь за стол, кладите на шар руки...

Она села напротив, и тоже вцепилась в хрустальную сферу. Ее длинные ярко-красные ногти коснулись пальцев Алексея. Линда закрыла глаза и стала мерно раскачиваться из стороны в сторону, издавая мычащие звуки. Все это напомнило Алексею шаманские ритуалы, виденные им в какой-то научно-популярной программе. Смешно, со скептицизмом подумал он. Тем не менее, ее раскачивания постепенно ввели Клеста в состояние легкого транса. Происходящее стало казаться ему частью чьего-то сна, в котором он оказался по чистой случайности...

— Что-то вижу! — Линда замерла, ее дыхание стало прерывистым, а ногти судорожно царапнули сферу. — Вас и того человека что-то связывает. Вижу тонкую красную линию, очень похоже на родственные узы. Но точнее не могу сказать, что-то не дает мне увидеть

дальше. И этот человек... Он близко, очень близко. Он смотрит на меня, его глаза... его глаза становятся моими глазами. Нет, только не это!..

Линда резко выпрямилась, словно в нее вогнали стальной лом. Кривая усмешка перекосила лицо, превратив его в гримасу, в которой одновременно сквозили превосходство и ненависть. Перед Алексеем теперь был совершенно другой человек, лишь отдаленно напоминающий эпатажную прорицательницу.

— Вот мы и снова свиделись. А что так испуган? Вижу, ты не очень-то и рад встрече...

Голос Линды тоже претерпел изменения, став более грубым, мужеподобным. Алексей невольно подобрался, словно сидевшее напротив существо (другое определение не шло ему на ум) могло внезапно наброситься на него. Между тем пальцы провидицы вновь коснулись его пальцев, по телу Клеста пробежала судорога, и он невольно отдернул руки.

— Не пугайся, это всего лишь пальцы старухи, они не причинят тебе вреда. Хотя этими коготками вполне можно не только оставить шрамы на коже, но и выколоть твои замечательные, карие глаза. Ах, как долго я мечтал заглянуть в них, увидеть, что там прячется, в глубине этих глаз. Ты напряжен... Но я не причиню тебе зла. Ведь наша игра еще не окончена, правда?

Провидица снова сделал попытку коснуться своими пальцами его руки, но Алексей отпрянул еще дальше. Линда, казалось, удовлетворенно кивнула.

— Признайся, эта напыщенная гадалка не так уж и проста, верно? Она ведь сумела увидеть нечто. Может, поделишься со мной откровениями? Не хочешь... Что ж, это твое право.

В это момент лицо Линды неуловимым образом изменилось, глаза вспыхнули дьявольским огнем, верхняя губа приподнялась, обнажив крепкие, белые зубы.

— Знал бы ты, Клест, как долго я вынашивал планы мести. Хотя, признаться, многим я уже отомстил. Но не всем. Как ты догадываешься, к тебе я также равнодушен. Но знаешь, чувства мои в отношении тебя неоднозначны. Я бы с удовольствием убил тебя, убивал бы медленно, наслаждаясь твоими муками. И в то же время я бы рыдал. Так же, как рыдал, когда мать шагнула из окна, и лежала на грязном асфальте в растекающейся луже крови...

В голове Алексея что-то перемкнуло, и в памяти явственно всплыла картина похорон матери, на которые его отпустили из части. Замполит, помнится, вызвал его к себе и, печально глядя куда-то поверх его головы, с казарменной прямоотой сказал:

"Мужайся, Клест. С родины твоей позвонили, сказали, что ты теперь сирота".

Тогда до него не сразу дошел смысл фразы. Какая родина, какой сирота, почему?.. И только через несколько секунд он осознал, ЧТО именно хотел сказать этим замполит.

Два дня пути до дома из расположенной под Челябинском части промелькнули словно в тумане. Переступив порог родной квартиры, он увидел расступившихся при его появлении соседей и родных. Обитый красным гроб стоял на столе в зале. Одна из соседок в этот момент как раз живописала, как мать на ее глазах выбросилась из окна седьмого этажа. Она умерла мгновенно, ее череп раскололся едва ли не пополам при ударе об асфальт.

Кое-как, сунув солидную взятку, уговорили священника отпеть грешницу. После похорон родственники быстренько помянули покойницу и разъехались по домам. С ним осталась только тетка, которая гладила его, пьяного и плачущего, по голове, и уверяла, что теперь мать счастлива, встретившись на небесах с отцом. Тогда он, помнится, так и уснул у нее в объятиях.

— Возможно, я и по сей день пребывал бы в одном, не очень приятном заведении, —

между тем вещала Линда. — Но я сделал все, что бы сбежать оттуда, и посмотреть на женщину, предавшую меня. И наказать... Я смотрел на траурную процессию, и по щекам моим текли слезы.

Алексею почудилось, что глаза ведуньи и впрямь увлажнились, но если это и случилось, то всего лишь на мгновение.

— Я был рад оттого, что все-таки расплатился, и в то же время печаль рвала мое сердце... А еще я глядел на тебя, и решал, достаточно ли твое страдание, чтобы утешить мое самолюбие, но никак не покореженную судьбу, ибо время нельзя повернуть вспять. Позже, когда я узнал, что ты обладаешь даром, то понял, что мы с тобой все-таки одной крови. К сожалению, меня успели отловить и упрятать в такое заведение, из которого нормальному человеку выбраться было бы не под силу. Но я-то ведь ненормальный... Я порвал с жизнью отшельника, и вернулся, чтобы сыграть с тобой в одну очень занимательную игру. Что-то вроде шахмат. Но на кону стоит жизнь. Мат будет означать твою смерть. Потому что двое таких, как ты — для города и даже мира слишком много.

— А помнишь ту невинную девушку в психушке? — продолжала Линда. — Я тогда тебе уже кое-что через нее сообщил. Кстати, мне тут пришлось разобраться с одной красавицей, ты ее вскоре увидишь, буквально через несколько минут. Признаться, не хотел ее трогать, но по-другому не мог к тебе подступиться достаточно близко, чтобы объяснить, какие цели я преследую. К сожалению, дальность нахождения от реципиента исключает мощность воздействия на его мозг.

Монолог провидицы вдруг прервался, на несколько долгих мгновений она вдруг замерла с открытым ртом, а затем оглушительно чихнула. Алексей вздрогнул, ощутив на лице капельки влаги, и автоматически сказал:

— Будьте здоровы.

А Линда тем временем удивленно таращилась на него, словно видела клиента впервые.

— Что это со мной было, а? Такое чувство, будто в меня залез глист, а потом его вынули...

Сейчас от ее загадочного вида остались одни воспоминания. Провидица походила на самую обычную товарку с рынка в момент, когда после очередного обвеса простоватая с виду покупательница оказалась инспектором общества по защите прав потребителей.

— Вот именно, глист, — поднимаясь, устало вздохнул Алексей. — И думается мне, что извести этого паразита будет очень непросто...

— Куда же вы? Мы ведь только начали...

— Да нет, мы с вами провели достаточно времени. Думаю, вряд ли вы мне сообщите больше того, что я узнал.

Уже в дверях его настиг окрик Линды:

— Триста рублей заплатите секретарше. Она вам выпишет квитанцию...

— Хорошо...

Однако с оплатой сеанса возникла непредвиденная проблема. Во всяком случае, блондинка не могла принять деньги и выписать квитанцию по той простой причине, что она не подавала никаких признаков жизни. Она сидела в кресле, ее белокурая головка была неестественно вывернута, а руки безвольно свешивались вниз. Казалось, девушка спала. Однако когда Алексей потрогал ее за плечо, то понял, что она мертва.

Прежде чем звать Линду и звонить Леонченко, он положил ладонь на ее холодный лоб и приготовился смотреть.

— Говорю тебе, это он, тот самый тип, что клянчил у меня пустую бутылку, — уверял Клест напарника примерно два часа спустя, когда они закрылись у него в кабинете. — Только на этот раз он был не в лохмотьях, а в цивильном прикиде... Ну, пиджак там, брюки, даже галстук. Но волосы остались такие же длинные. И сальные. И это его прихрамывание...

Следователь затушил в пепельнице окурок и внимательно посмотрел на расхаживающего по кабинету Алексея.

— Он вошел в приемную Линды примерно через десять минут после того, как я встретился с провидицей. Спросил, не заходил ли сюда молодой человек со странной фамилией Клест. Когда девушка подтвердила этот факт, он довольно улыбнулся и, болтая какую-то чепуху, приблизился к секретарше. Потом просто свернул ей шею. У него сильные, очень сильные руки.

— Выходит, что именно этот человек тебя преследует? Он же убил Рогозина, теперь несчастную секретаршу, только ради того, чтобы поболтать с тобой...

— Да так оно и получается!.. И звонил тогда наверняка он, я уверен на все сто.

О том, что неизвестный наверняка виноват и в гибели его матери, Клест решил не говорить. Что-то удержало его от излишних откровений.

— Значит, нужно его просто-напросто поймать и как следует потрясти, — сказал Леонченко, задумчиво рассматривая сделанный карандашом портрет загадочного убийцы. — Размножим рисунок, разошлем ориентировку, и будем ждать. Авось, вдруг и повезет.

— Только я не уверен, что убийца будет ждать. Он наверняка предполагал, что я просканирую девушку, и с большой долей вероятности смогу его узнать. Кстати, зачем тогда он подходил ко мне в сквере? К чему было так рядиться в лохмотья бомжа?.. Впрочем, это второстепенный вопрос. А первостепенный — кого он наметил в качестве следующей жертвы?

— Я, Алексей, между прочим, тоже не дурак, и все это время только и делаю, что думаю над этим. Но пока, если честно, придумать ничего не могу. Ясно только одно — твоего почитателя нужно поймать, и как следует разобраться, что это за тип. Слушай, а может, он все-таки твой какой-то дальний родственник, а? Ведь, по твоим словам, выходит, что у него тоже какие-то, — Леонченко покрутил пятерней над головой, — способности. Вдруг это наследственное?

— Нас, Клестов, не так уж и много, — задумчиво произнес Алексей. — Я уже размышлял над этим. На всякий случай, конечно, не мешало бы заняться своим генеалогическим древом, но вряд ли мы найдем ответы в его сучьях... Как сказал-то! Хотя, если верить гадалке, между нами действительно какая-то связь вроде родственной. Увидела же она какую-то красную линию.

— Я бы в жизни к гадалкам ходить не стал. Впрочем, это дело лично каждого, как и свобода вероисповедания. Короче, пока нам все равно ничего придумать не удастся. Будем искать преступника дедовскими способами, по ориентировке. Ладно, ты ступай, наверное, нормальные люди спят уже, это мы все с тобой ребусы решаем.

— А ты домой не собираешься?

— Посижу над делами. У меня кроме твоего маньяка еще непечатый край работы. Куда нам, холостым, торопиться? — сказал Леонченко, и с сознанием выполненного долга откинулся на спинку своего знаменитого крутящегося кресла.

С этим самым креслом была связана одна забавная история. Когда в прокуратуре затеяли менять мебель, и завезли новые кресла, выяснилось, что на всех их не хватит. Прокурору области, само собой, досталось самое лучшее кресло, больше похожее на оббитый кожей трон. Его заместителей тоже не обделили. А вот рядовые следователи задумались, как поделить восемь кресел на двенадцать человек. В итоге решили кинуть жребий.

Надо сказать, что Леонченко ужасно хотел заполучить новое кресло, на котором можно было крутиться вокруг своей оси. Чуть ли не во сне им бредил. Увы, Виктору не повезло. Он оказался в числе тех четырех неудачников, кому выпал жребий и дальше сидеть на потертых стульях. Казалось бы, смирись и работай дальше, жди следующего завоза. Если он, конечно, случится в ближайшее десятилетие.

Однако Леонченко оказался на редкость упрямым. Он прекрасно знал, что один из новоиспеченных обладателей вертящегося кресла, ветеран прокуратуры Семен Моисеевич Вахштайн просто помешан на почтовых марках, посвященных Земле обетованной. В свое время у Семена Моисеевича была заветная мечта уехать в Израиль на ПМЖ, однако супруга его отговорила. Мол, здесь ты уважаемый человек, до пенсии не так уж много осталось, а там ты кем будешь? Ладно бы хоть язык знал, мог бы найти приличную работу. А без языка куда, пойдешь возделывать поля в кибуцах?

Тогда Вахштайн нашел себе утешение в коллекционировании марок с видами Израиля. На тот момент в его кляссере было порядка полусотни марок. А Леонченко как раз недавно отправлял запрос по одному делу не куда-нибудь, а в Тель-Авив. В ответ ему пришел толстенный пакет с документами, весь обклеенный еврейскими марками. Когда Вахштайн зашел к Леонченко по какому-то вопросу и увидел на его столе пакет, щедро усыпанный цветными прямоугольничками, то чуть на колени не упал. Мол, отдай пакет, будь человеком, там такие марки, которых у меня еще нет.

В тот раз Виктор уже убежал, и сказал, что отдаст, когда закончит дело. Но вскоре его послали в командировку, а по возвращении как раз и началась эпопея с розыгрышем кресел. Вот тогда-то предприимчивый следователь и вспомнил о заветном пакете. Подойдя к счастливому обладателю кресла, он шепнул ему на ухо:

— Меняю еврейский пакет на кресло.

Семен Моисеевич буквально изменился в лице. На его носатой физиономии отразилась нешуточная борьба между желанием обладать новым креслом и жадной клеить в свой кляссер еще несколько марок. Виктор даже испугался, не стукнет ли старика кондратий. Слава богу, обошлось. В результате произошедшей в душе схватки Семена Моисеевича победу праздновал коллекционер, а Леонченко таким образом обзавелся новеньким креслом.

Остаток вечера у Алексея не выходил из головы случай у провидицы Линды. Странно, но для него происшедшее не стало шоком, хотя другой человек на его месте, скорее всего, получил бы серьезный стресс. Как та же Линда, с воем носившаяся по собственной приемной. Наверное, просто привык к подобным ситуациям. Сколько он уже повидал трупов, причем не обмытых и одетых, не лежащих в аккуратных гробах, а забитых, зарезанных, задушенных, утопленных, в том числе и в ванной... В тот раз жена опоила муженька клофелином, смешав его с водкой, и затащила в наполненную водой ванную. Мол,

полез пьяный мыться и уснул. Тогда из сознания покойника много вытащить не удалось, но в нем хотя бы сохранились последние слова супруги, запомнившиеся утопленнику, которые и стали козырной картой следствия. Причем Алексея поначалу не хотели вызывать, смерть несчастного думали списать на несчастный случай. Спасибо интуиции Леонченко, не поленился вызвонить Клеста. Сканирование происходило на глазах у "убивающейся" жenuшки, и та раскололась сразу, не выдержав такого зрелища.

Но по большей части ему приходилось иметь дело с мертвецами, чей внешний вид был далеко не столь приятен, если это вообще можно сказать об умерших не своей смертью. И каждый раз ему приходилось касаться мертвой плоти, проникая в мозг усопшего от чужой руки.

Впрочем, сейчас главная проблема для Алексея — его странный родственничек, который оставляет за собой трупы, и чьи загадки ему пока не удалось разгадать.

"А смотаюсь-ка я в деревню к тетке, — подумал Клест, борясь с бессонницей. — Может, хоть она внесет хоть какую-то ясность. Как-никак должна помнить всю мою — равно как и свою — родню".

Но вояж в деревню пришлось временно отложить. В половине девятого утра на сотовый позвонила Оксана:

— Привет, чем занимаешься? Не разбудила?

Внутри него все сжалось от радостного возбуждения, но через мгновение он вспомнил, что за несколько дней ни разу новой знакомой не позвонил, и ему стало немного стыдно.

— Привет! Только что проснулся, если честно.

— Лещ, меня подруга пригласила завтра на день рождения. Сказала, народу придет не так много, но все девчонки будут со своими парнями или мужьями. У меня одной пары нет, и тут я вспомнила про тебя. Именинница будет рада с тобой познакомиться, я уже рассказала, какой ты весь из себя замечательный. Извини за нескромность, но надеюсь, ты не откажешься составить мне компанию?

Ну вот, он понадобился лишь для того, чтобы заполнить место рядом с ней за праздничным столом. Хотел в сердцах отказаться, наврать, что завтра не сможет, мол, работа, однако в последний момент все же передумал. Стараясь придать голосу бодрости, сказал:

— В принципе, можно развеяться... А сына ты с кем оставишь?

И тут же осекся. Елки-палки, ну кто его тянул за язык?! Со злости на самого себя он даже ткнулся лбом в стену, отчего в голове загудело колоколом.

На том конце провода повисла неловкая тишина, затем Оксана словно как ни в чем не бывало, произнесла:

— Ничего страшного, я попрошу сиделку задержаться, она иногда остается с Митей, когда я в командировку езжу. Естественно, я ей за это хорошо приплачиваю, но куда деваться... К тому же женщина она одинокая, ей спешить не к кому. Так как на счет моего предложения?

Понятное дело, что теперь Алексею отступать было некуда, и он уже с более легким сердцем принял приглашение.

День рождения прошел весело. Народ собрался простой, Алексея встретили как старого знакомого, так что публика ему пришлась по душе. В просторной квартире именинницы можно было хоть танцы устраивать, за чем дело не стало. Клест не считал себя ахти каким танцором, но Оксанка буквально вытащила его в круг, и принялась выделять такие "па",

что он просто не мог не поддержать свою партнершу. Тут еще и вино сыграло свою роль, вскружив обоим голову. В итоге, выйдя на балкон подышать свежим воздухом, немного пьяные, то ли от выпитого, то ли от обуревавших их чувств, они стали покрывать друг друга поцелуями.

— Поедем ко мне, — предложил он Оксане, когда гости начали понемногу расходиться. — Если твоя сиделка, конечно, не будет против.

— А поехали! Кстати, сиделке я уже позвонила, предупредила, что могу задержаться до утра. А про сына тебе, наверное, Наташка растрепала? Баба она хорошая, только язык у нее без костей, — беззлобно сказала Оксана. — А теперь давай прощаться с именинницей, время уже позднее, да и выпила я неплохо; чего доброго, отключусь еще до кровати.

— Кстати, — полчаса спустя сказал Клест, впуская Оксану в прихожую своей квартиры, — ты скорпионов не боишься? А то у меня живет тут один, правда, в аквариуме.

— Скорпион?! Вот это здорово! Никогда не видела живого скорпиона... Только засушенных на выставке.

Пока Алексей лихорадочно перестилал на кровати свежее постельное белье, его гостыня не отходила от аквариума, в котором членистоногое ужинало очередной партией тараканов. Вид закованного в лоснящийся хитин существа привел Оксану в неопишуемый восторг.

А затем она привела в восторг и Алексея. Девушка его так завела, что он через час чувствовал себя выжатым, словно лимон. Он высвободил всю накопившуюся в нем сексуальную неудовлетворенность, набросившись на Оксану, словно изголодавшийся самец.

Клест и впрямь изголодался за те годы, как разошелся с бывшей супругой. Впрочем, он и был сейчас самым что ни на есть самцом. К тому же с ней он никогда не испытывал такого подъема, как с Оксаной. Или ему это сейчас так казалось, когда он достиг пика блаженства... Да и черт с ней, с бывшей. Главное, что рядом с ним была она, та, ради которой он с готовностью теперь мог пожертвовать чем угодно. В том числе, как ему казалось, даже своей жизнью...

Оксана тихо ушла, когда Алексей еще спал. Проснувшись в половине девятого, он обнаружил на подушке пару длинных волос (тут же вспомнилась песня "Чижа") и записку:

"Спасибо, было просто здорово! Извини, что убегаю, дела. Завтрак на столе в кухне. Чтобы ты выспался, я на всякий случай отключила телефон".

Как же так! Неужели он так крепко спал, что не услышал, как Оксана уходила?! Если бы не эта записка, можно было бы подумать, что все, произошедшее накануне вечером — всего лишь прекрасный сон.

Он потянулся, затем встал и раздвинул занавески на окнах. На улице вовсю светило солнце, день обещал быть жарким. Эх, проваляться бы весь день на пляже, ни о чем не думая...

На кухне его ждала яичница в закрытой крышкой сковородке, и бутерброды с сыром и ветчиной.

"Надеюсь, она сама-то позавтракала", — думал Клест, набивая рот едой. После бурной ночи есть хотелось невероятно, и он сметелил все, что приготовила вчерашняя любовница.

Утолив голод, Алексей включил сотовый, а затем и радиотелефон. И тут же вздрогнул от раздавшейся трели. С нехорошим предчувствием он поднял трубку, и услышал в ней взволнованный голос Леонченко:

— Алексей, е-мое, ну ты где пропадаешь?! Домашний отключен, сотовый тоже...

— А что случилось-то? — спросил Клест, ожидая от следователя какого-нибудь подвоха.

— Весьма радостное в кавычках событие. Пару часов назад еще один интересный жмурик обнаружился. И снова твоя фамилия на стене.

Алексей вздрогнул, чувствуя, как бешено заколотилось сердце.

— Тело уже отправили в морг, — продолжал как ни в чем ни бывало следователь, — там тебя ждут. Сам приедешь, или машину за тобой отправить?

— Ладно, сам доберусь. Какой морг-то, судмедэкспертизы? Ну жди, уже еду.

Вот так, не успел проснуться, и снова в бой. Знал бы, что предстоит поездка в морг — с завтраком повременил бы. Хоть и насмотрелся за последние годы на трупы — да не то что насмотрелся, а и натрогаться их успел — но все же лучше на такие дела ездить по возможности с пустым желудком.

Не прошло и минуты после звонка Леонченко, как тренькнул дверной звонок. Недоумевая, кто бы это мог быть, Алексей открыл дверь. На пороге с солонкой в руках стояла соседка из квартиры напротив, Вера Борисовна. Старушка нередко захаживала к художнику занять немного соли или сахарку, причем долг никогда не отдавала. Клест как-то прикинул, что вес вынесенного из его квартиры сахара и соли в квартиру напротив в общей сложности уже потянул бы на несколько кило, но, будучи человеком скромным, никогда соседке не отказывал.

Вот и на этот раз он мило улыбнулся:

— Здравствуйте, Вера Борисовна. Что, соли одолжить?

— Ой, Лешенька, мне совсем немного, вот, насыпь в солоночку. А то взялась кашу

варить, глянть — а соли ни грамма. Вечером в магазин пойду, обязательно куплю, и все тебе верну...

— Да бросьте вы, Вера Борисовна!

Пока он ходил на кухню, любопытная старушка словно невзначай заглянула в комнату.

— Ба, какая картина... Эт чаво ж, ангелы, штоль, летают над деревом?

— Полотно еще не закончено, — мягко выдавил Алексей соседку обратно в коридор. —

Вот, возьмите вашу соль.

— Ну, спасибо, Лешенька, выручил.

Путь на такси до "разделочной", как между собой называли морг сотрудники правоохранительных органов, занял полчаса. Леонченко, дымя сигаретой, нервно прохаживался перед приземистым зданием, над которым витал сладковатый запах смерти, сдобренный жирными, зеленым мухами. Чьи-то родственники топтались у входа, ожидая выдачи тела.

Не успел Клест выбраться из машины, как Виктор стал посвящать его в подробности происшедшего:

— В общем, если в прошлый раз бедняге его же гениталии в орал засунули...

— Куда, куда?

— Ну, говорят же, оральный секс, значит, рот — это и есть орал... Или орало? Неважно! Так вот, на этот раз бедолаге засунули в анал. Короче, парня распяли, а потом посадили на кол, как в средневековье. Кол, правда, не деревянный, а обычный лом. Но засадили конкретно, по самую трахею. Еще и крови из него вытекло немеряно, не меньше, чем у того, первого...

— Меня уже мутит...

— А меня, думаешь, не замутило? Одному хрен забили в глотку, второго на кол насадили, как курицу-гриль. Навалилось на меня, будто грешен... Хоть в отпуск беги. Так ведь никто и не отпустит. Заставят дела расследовать до победного конца, или до тех пор, пока в тупик не зайдем. Придется их тогда в архив сдавать, как нераскрытые... А это было бы обидно, ниточку вроде уже нащупали.

Леонченко провел Алексея длинным коридором, открыл одну из дверей, и они оказались в холодильной камере:

— Милости прошу.

Затем уверенно прошел к одной из каталок, на которой лежало закрытое простыней тело. На большом пальце левой ноги мертвеца болталась бирка.

Виктор подвернул простыню, до пояса открывая тело. Труп молодого человека оказался снежно-белым, словно покрытый несколькими слоями пудры. Рот был приоткрыт, виднелся ровный ряд ухоженных зубов. Следит за собой, как та секретарша у Линды, непроизвольно подумал Алексей. И финал тот же.

— Ни документов, ничего, — прокомментировал Леонченко. — Нашли его в заброшенной котельной детишки, когда играли в прятки. Представляешь, какой шок для них...

— Играть нужно, где положено, — пробормотал Клест. — Хотя сейчас такие детские площадки, что там и травмироваться немудрено.

— Ладно, сентенции оставим на потом. Готов сканировать? Ну, тогда приступай...

В этот момент тишину холодильной камеры разорвала бодрая трель канкана. Оба вздрогнули от неожиданности. Виктор судорожно полез в карман, выудив оттуда сотовый:

— Але... Привет, Лизунь! Ты что, из деревни уже вернулась?.. Понял. Ну тогда давай завтра куда-нибудь сходим, в парк или киношку... Вот и здорово! Ну все, солнышко, до завтра, а то у меня тут очень серьезная работа.

Клесту этот жизнеутверждающий разговор показался здесь таким неуместным, что он даже потряс головой, разгоняя морок. Нет, нужно начинать сканировать, пока совсем не расслабился.

Алексей прикрыл глаза, внутренне концентрируясь. Потом положил ладонь на лоб покойника и постарался полностью расслабиться...

Это был настоящий мачо. Высокий, жгучий брюнет с вьющимися волосами до плеч, он вошел в зал походкой хозяина. Оглядевшись, направился к стойке, где заказал фирменный коктейль "Голубая лагуна". В этом клубе Гоша его еще не встречал. Значит, новенький. И, скорее всего, свободный. Из этого следовало, что Гоша, недавно расставшийся с другом, просто обязан подцепить этого красавчика, пока его не перехватил кто-то другой. Тем более что брюнет весьма недвусмысленно посмотрел на него, облизнув при этом кончиком языка верхнюю губу.

Чувствуя приятное возбуждение внизу живота, он танцующей походкой приблизился к бару, и заказал себе такой же коктейль. Втянув через трубочку бодрящий напиток, словно невзначай коснулся мизинцем рукава новенького. Тот, не глядя на Гошу, чуть заметно улыбнулся. Из чего тот сделал вывод, что контакт налаживается.

— Тебя как зовут? — спросил Гоша, пытаясь перекрыть бьющую в барабанные перепонки музыку.

— Вадик, — признался мачо, жеманно поправляя вьющуюся прядь.

— Я тебя тут раньше не встречал, Вадик.

— Я вообще в этом городе второй день. Так-то я в Москве обитаю, танцую в "Метелице".

— А в нашу глухомань зачем пожаловал, если не секрет?

— К тетке приехал. Заодно и обстановку разведваю. В Москве денегат скопил, хочу в провинции свой клуб с танцполом открыть. Для столицы еще не созрел, а в вашем городе можно попробовать.

Гоша не знал, что еще спросить у Вадика, и в итоге ограничился высказыванием, как это круто — иметь свой клуб.

— В вашем городе не так уж и круто на самом деле, — ответил брюнет. — Это в Москве нужно бабок немеряно, тем более что лучшие места там уже давно поделены. А здесь можно ограничиться червонцем.

— Червонцем чего, — не понял Гоша.

— Десятью тысячами баксов, а лучше евро, если в аренду брать помещение, — терпеливо пояснил Вадик. — Слушай, может, пойдём потанцуем?

Он взял Гошу за руку, и они присоединились к пестрой толпе, в которой мальчики преимущественно танцевали с мальчиками, а девочки с девочками. Музыка шла нон-стоп, но дергающиеся словно марионетки посетители клуба, казалось, не знали усталости. Только изредка то одна, то другая парочка отпочковывалась от общей толпы, чтобы в укромном уголке предаться ласкам и поцелуям.

Имелись здесь и VIP-комнаты, в которых можно было предаться и более интимным отношениям, а заодно расслабиться под воздействием легкой наркоты. А то и втянуть ноздрей через свернутую купюру крупного достоинства кокаиновую дорожку. Но у Гоши

никогда не имелось столько наличности, чтобы оплатить хотя бы час пребывания в полном уединении. Лишь однажды его прежний друг пригласил в VIP-комнату, где они провели незабываемые минуты. Но вскоре тот нашел себе другого, из-за чего Гоша закатил изменнику и его новому любовнику скандал. Зато его новый друг, судя по всему, проблем с деньгами не имел.

Примерно через пятнадцать минут Гоша созрел для того, чтобы поцеловать Вадика. Однако тот избежал французского поцелуя, ограничившись легким касанием чужих губ, чем еще больше распалил своего партнера. Гоша уже начинал сходить с ума по этому темноволосому красавцу. Его смущало только одно; он так и не понял, к пассивным принадлежит Вадик или к активным? Сам-то он всегда работал вторым номером, и если новый партнер окажется также пассивным — для них это станет проблемой. Поэтому, набравшись смелости, Гоша спросил:

— Вадик, а ты вообще как предпочитаешь?

Тот недоуменно приподнял левую бровь, и Гоша, запинаясь и краснея (хорошо, что разговор проходил в полусумраке), объяснил, что он имел в виду.

— Ах, вон ты о чем... А тебе как больше нравится?

— Я всегда был девочкой.

— Ну а я мальчиком, — усмехнулся Вадик. — Что-то жарко, может, проветримся?

— Почему бы и нет?

Держась за руки, они вышли из грохота клуба в ночную тишину. Гоша закурил свой "Житан" с ментолом, предложил другу, но тот сказал, что не курит. На освещенной парковке стояло несколько машин.

— Вон моя "Лянча", — кивнул брюнет в сторону приземистой иномарки.

— Крутая тачка.

Гоша не поленился, обошел ярко-красную машину, заглянул в салон, и восхищенно поцокал языком.

— Никогда на такой не ездил.

— Если хочешь — давай прокатимся.

— Ты серьезно? — Гоша от возбуждения сжал кулачки. — Конечно, хочу.

Ну, уж в тачке он наверняка сольется с новым другом в затяжном поцелуе. Гоша считал себя настоящим профессионалом в этом деле. А там, когда у Вадика в штанах кое-что набухнет, можно будет перейти и к более активным действиям.

— Куда поедем?

— Успел разведать в ваших краях одно местечко, там никто нам не помешает.

Красавчик машину вел уверенно, словно прожил в их городе не один год. Гоша молчал, предвкушая постельную сцену, и нервно тербил в мочке правого уха золотое колечко — подарок одного из прежних любовников. Думал, что во время езды вряд ли удастся покрыть мальчика поцелуями. Впрочем, это не должно стать препятствием на пути к конечной цели.

— Ну вот, приехали, — наконец нарушил тишину Вадик, останавливая машину во дворе какого-то дома. — Прошу вас, мадам.

Вышел первым, галантно подал Гоше руку. Тот осмотрелся, но местность вокруг была незнакомой. Впрочем, какое это имеет значение, если они сейчас с этим мачо сольются в любовном экстазе! Однако Вадик повел Гошу в сторону небольшого строения, стоявшего чуть в стороне.

— Что это?

— Вообще-то котельная. Но, уверяю, когда попадем внутрь, ты найдешь то, о чем мечтал.

Странно, подумал Гоша, москвич, а как успел изучить приволжские дворы.

Между тем Вадик быстро справился с навесным замком, который висел на двери только для виду, щелкнул зажигалкой, освещая дрожащим пламенем небольшой кусочек пространства впереди, и они оказались в небольшой комнатушке. В глубине, чуть дальше, поблескивал серебряным боком холодный бойлер. До наступления холодов у него еще оставалось время отдохнуть.

Танцор зажег заранее приготовленные толстые свечи, и мрачный сумрак сконцентрировался по углам котельной.

У дальней стены Гоша разглядел широкий матрас, постеленный прямо на полу. Воображение рисовало ему застланную шелковыми простынями постель, здесь же его ожидало совсем другое.

— Мы что же, вот на этом матрасе...

— Ну, если тебе захочется, можно и на нем. Но я приготовил кое-что другое.

Вадик показал на сложную систему ремней и предложил Гоше полностью раздеться.

— Это будет такая игра, да? — спросил тот, стягивая с себя майку с Микки-Маусом.

— Точно, среди столичных геев это сейчас последний писк...

А он умеет завести, этот парень. Гоша совсем разделся и позволил повесить себя на ременной конструкции. Запястья и лодыжки оказались крепко схваченными кожаными лентами, а руки и ноги разведены в стороны, так что он напоминал того самца с гравюры Да Винчи под названием "Витрувианский человек". Правда, названия произведения Гоша не помнил, но сама картинка, увиденная в каком-то журнале, врезалась ему в память. Вдобавок еще один ремешок со специальным шариком оказался у него во рту, заменяя кляп.

— О, как твой малыш возбудился, просто смотреть приятно, — легко шлепнул по его причиндалам красавчик.

Член у Гоши и впрямь здорово набух, того и гляди свершится преждевременная эякуляция. Быстрее бы что ли Вадик стянул брюки и приступил к делу...

Однако тот начал делать что-то непонятное. Отошел в угол и принес металлический лом. Затем обошел Гошу сзади, и тот почувствовал, как холодный металл медленно заполняет его задний проход. Юноша ощутил, что больше не может сдерживать рвущихся наружу коней. С тихим стоном он изогнулся и кончил прямо на посыпанный угольной крошкой пол. Боже, бывает же так здорово, воистину райское блаженство!..

Однако Вадик не собирался на этом заканчивать свою игру. Лом все еще продолжал свое движение внутрь его организма. Вскоре стало больно. Такая игра ему уже не очень-то нравится. Юноша замычал, пытаясь сказать Вадиду, что пора остановиться, и тот действительно остановился. Правда, только для того, чтобы произнести нараспев загадочную для Гоши фразу:

— А вот и вторая пешка в нашей игре, — сказал красавчик, не выпуская из рук вторую половину стального стержня. Другая была загнана в анальное отверстие несчастного гея. — Может, Леша, ты гомиков и не любишь, но, наверное, не стал бы так с ними расправляться. Но для меня он всего лишь пешка, как и остальные участники нашей игры. А в тебе я надеялся обрести достойного противника. Но пока ты не оправдываешь моих надежд. Что ж, даю тебе еще один шанс найти меня. Здесь для тебя помимо надписи на стене, которую я сейчас сделаю, тоже будет послание. Оно связано... с несъедобной грушей. Загадка детская,

сообразите со своим напарником из прокуратуры. Разберешься с ребусом — и у вас появится шанс поймать меня. Думаю, на этот раз вы со следяком найдете ответ быстрее. Поэтому ждать вас столько же, как и в прошлый раз, я не собираюсь.

Что Вадик хотел этим сказать, Гоша не понял, да и не нужно это ему было. Лишь бы вытащили из его задницы этот треклятый, ставший словно раскаленным лом. Однако вместо этого Вадик поднатужился и вогнал почти всю вторую половину лома в тело несчастного Гоши. Раздался мерзкий хруст, в глазах у юноши потемнело, но сознание, словно в издевку, и не думало его покидать. Гоша чувствовал, как по бедрам обильно течет теплая кровь, а вместе с ней из него утекает жизнь. Его мучитель, которому он искренне готов был отдать свою любовь, видимо, боясь перепачкаться, придвинул ногой табурет, на который отпустил конец металлического стержня, таким образом, избавившись от нужды его постоянно держать.

Обмакнув палец в натекшую лужицу, Кукловод подошел к стене и начал писать. Затем вытер руки носовым платком, последний раз взглянул на освещаемого неверным пламенем свечей истязаемого, и вышел из котельной. Гоша проводил его взглядом, полным мучительной тоски, а затем все заволгло туманом и время перестало для него существовать.

Выйдя из протрации, Алексей в подробностях пересказал Виктору увиденное. Добавив, что, прежде всего, нужно отправляться в котельную, и там искать очередной ребус.

— Хорошо, едем, — согласился Леонченко. — Но сначала я дам ориентировку на этого Вадика.

У котельной они оказались примерно через час. Сидевшие на лавочке у одного из подъездов бабки с любопытством и подозрением поглядывали в сторону двух мужчин, топтавшихся возле строения, где произошло взбудоражившее весь город преступление.

На двери висел уже не бутафорский, а настоящий замок, повешенный представителем местного ЖЭУ, чтобы любопытные — в первую очередь обожающий страшные истории пацанва — не шлялись на место убийства. Один из ключей к нему был у Леонченко, которым тот и отворил замок.

— Тут где-то должен быть выключатель, — пробормотал он, шаря ладонью по стене слева от входа. — Ага, кажется, нашел.

Под потолком мутноватым, желтым светом вспыхнула лампочка. Алексей несколько секунд привыкал к скудному освещению, после чего принялся рассматривать внутренности котельной.

Изнутри она выглядела точно так же, как и в тот раз, когда он глядел глазами еще живого Гоши. Если не учитывать, что тогда внутреннее пространство освещали свечи, а теперь заключенная в стеклянную колбу вольфрамовая спираль.

— В ЖЭУ сказали, что дверь в котельную всегда находилась под замком, — вывел его из задумчивости голос следователя. — Но весной в связи с окончанием отопительного сезона как закрыли, так и не проверяли... Кстати, здесь была написана кровью твоя фамилия. Фото есть, если что, а то жэковские успели уже прибраться.

Клест посмотрел на стену, где виднелось размытое темное пятно. Внутри него ничего внутри не всколыхнулось, и Алексей этому обстоятельству был только рад. В его жизни и без этого хватало переживаний. Тем более что сюда они приехали не эмоции выплескивать, а искать разгадку очередного ребуса, предложенного Кукловодом. То место, над которым висел распятый на ремнях Гоша, было присыпано песком, и Алексей по возможности старался туда не наступать.

— Ну что, откуда начнем осмотр? — спросил Виктор. — Давай глядеть вместе, если ты что-то пропустишь, может, я тебя подстрахую.

Клест согласился, ему уже не терпелось приступить к поискам.

— Скорее всего, — сказал он, — знак оставлен на стене. Но нельзя исключать и другие варианты. Он ведь сказал, что послание как-то связано с несъедобной грушей. У тебя есть по этому поводу какие-то мысли?

— Честно говоря, в голове пока пусто, — признался Леонченко. — Давай для начала посмотрим, что здесь есть любопытного, а потом устроим мозговой штурм. Начнем со стен, если ничего интересного не обнаружим, будем копать дальше.

Похабные рисунки и матерные надписи, которые сразу же бросались в глаза, вряд ли нанесла рука убийцы, который, вполне возможно, и впрямь приходился Алексею

родственником. Единственное, что заинтересовало сыщика и "сканера" — это нацарапанный гвоздем рисунок, изображающий виселицу и маленькую девочку, повисшую в петле.

— Есть мысли? — спросил Клест Виктора.

— Возможно, девочка в петле символизирует грушу, висящую на дереве, — задумчиво пробормотал Леонченко. — Как тебе такая идея?

— Ну и что это дает? Он и так сказал нам — вернее, мне — про грушу. Скорее уж, девочка может указывать на следующую жертву маньяка. Которой может стать не только девочка, но и девушка, а может, даже и женщина... Хотя нет, он же намекнул, что там должен быть зашифрован адрес, где его искать.

— Все равно ни черта непонятно. Давай еще поищем, может, попадется что поинтереснее.

Однако последующие полчаса никаких результатов не дали. Вконец обессиленный и вспотевший, следователь махнул рукой:

— Слушай, ну ее на хрен, весь в пыли уже по уши! Ничего мы больше не найдем. Да и курить жуть как охота, пошли отсюда, Леш.

Клест вынужден был согласиться. Действительно, кроме девочки на виселице, ничего примечательного, а тем более похожего на какую-то несъедобную грушу, им не попало. Либо противник слишком хитер для них, либо просто издевался. Но ведь в первый раз они сумели отгадать ребус, им не хватило буквально нескольких часов, чтобы встретиться убийцей лицом к лицу.

Он последний раз с надеждой оглядел небольшое помещение, но глаз так ни за что и не зацепился. И лишь только когда Леонченко повернул выключатель, в нем что-то встрепенулось.

— Стой!

Леонченко удивленно посмотрел на партнера. А тот принялся возбужденно жестикулировать:

— Загадку детскую помнишь? Ну, про грушу, что нельзя скушать?

— Ну, помню, а при чем здесь... погоди, погоди, это ведь про лампочку!

— Точно, именно про нее. Ну-ка, включай.

Вновь щелкнул выключатель, и теперь они увидели, что короткий провод, на котором висела лампочка, был обмотан изоляционной лентой, из-под которой виднелся бумажный уголок. Естественно, они и не могли видеть тайника, потому что инстинктивно отводили взгляд от лампочки, которая хоть и не очень сильно, но все равно неприятно слепила глаза.

Леонченко подвинул на середину комнатки полупустой ящик из-под ветоши, вскарабкался на него, и аккуратно отмотал изоленту. На пол он спрыгнул, сжимая в руке сложенный в несколько раз лист бумаги.

Это был обычный лист в клеточку из школьной тетрадки. Виктор принялся медленно его разворачивать, словно ожидая неприятного подвоха, а Алексей выглядывал из-за его спины, покусывая горячие губы.

— Ну что там?

— Гляди...

Клест взял в руки бумагу, пытаясь понять, что бы значило изображение петуха, нарисованное обычной шариковой ручкой. У рисовавшего были задатки художника. В клюве птица держала глаз, вроде как человеческий, а на ее груди была написана цифра 26.

— Что ты об этом думаешь?

— Похоже, это и правда наводка, где его искать, — ответил Алексей, задумчиво потирая на подбородке вчерашнюю щетину. — Есть в нашем любимом Приволжье улица Петухова или что-то в этом роде?

— Нужно взять какой-нибудь атлас, ничего похожего на память не приходит. Ты думаешь, что петух указывает на название улицы, а цифра — на номер дома и квартиры? А что тогда значит глаз в клюве?

— Вот это меня тоже настораживает. К чему бы он... У тебя есть варианты?

— Честно говоря, насчет глаза ничего в голову не приходит... Слушай, пойдем на улицу, здесь мне не по себе. Заодно и покурим.

Они расположились на лавочке у одного из подъездов, а у соседнего все так же сидели старушки, то и дело стреляющие в их сторону любопытными взглядами. Виктор прозвонился криминалистам, и дал указание просмотреть карту города и найти улицу Петухова. В любом случае перезвонить ему на сотовый.

— Будем ждать результата, — сказал он Алексею, убирая телефон.

— Дай-то Бог, если и правда такая улица есть, — ответил тот. — Но что-то мне подсказывает, что это было бы слишком легко. Не думаю, что он станет повторяться. Наверняка убийца не так прост, как нам хотелось бы.

— Ох, Леха, давай не будем грузиться, а? — страдальчески поморщился следователь. — Если сейчас с улицей не прокатит, тогда я просто не знаю, в какую сторону двигать расследование.

С улицей не прокатило. Получив отрицательную информацию по телефону, Леонченко смачно выругался, чего за ним обычно не водилось. Окурок под неодобрительными взглядами давешних старушек полетел на асфальт.

— Короче, придется искать традиционными методами, — сказал он. — Отпечатки пальцев и прочая хренотень...

— Ага, отпечатки, — поддел его Клест. — Ты забыл, что даже если мы найдем Вадика — если его и правда так зовут — то за решеткой окажется не настоящий преступник? Мало тебе Раевской? И так уже одна девчонка ни за что сидит...

— Ну так попробуй докажи суду, что она невиновна! — буркнул Леонченко. — Я и так шефу уже плешь проел, но ему насрать на наши с тобой выводы. Ее руками совершено убийство, значит, она и преступник, должна ответить по закону. Ему-то лишняя галочка по раскрытию не помешает. Он и мне говорит, мол, утомонись, Витя, у тебя хорошая раскрываемость, не порть себе статистику. Все равно ничего никому не докажешь...

— А нужно доказать! Эта тварь и дальше будет убивать, выполняя свой дьявольский план, а мы по-прежнему будем сажать невиновных! Витька, мы должны его поймать, во что бы то ни стало.

— Да понимаю я все! Только зацепок ни хрена нет. С тем же петухом... Может, еще кого подключить, каких-нибудь аналитиков?

— Не знаю... Есть у вас такой отдел? Попробуй, хуже все равно не будет.

...Вадима Анфиногенова задержали сутки спустя на въезде в Москву. Гаишник, увидев красную "Лянчу", вспомнил разосланную ориентировку, на всякий случай тормознул машину и заглянул в салон. Увидев лицо автолюбителя, без лишних слов попросил того выйти из автомобиля, после чего сцепил его запястья наручниками и отвел на пост ГИБДД. Оттуда бдительный сержант передал сообщение в дежурную часть ГУВД Москвы, и вскоре за ничего не понимающим задержанным приехала "ГАЗель" с мигалкой на крыше.

— Ну вот, теперь можно людей с "Метелицы" снимать, — довольно сказал скуластый капитан, заталкивая танцора в машину. — Птичка попалась. А тебе, сержант, повезло, премию, наверное, получишь.

Тем же вечером Леонченко позвонил Клесту.

— Поймали нашего голубчика. На самом деле танцор из "Метелицы", и зовут Вадимом. И что любопытно, действительно гостил в Приволжске у своей тетки. Та, понятное дело, в шоке была, когда я ей позвонил с приглашением на допрос. Завтра нашего красавца должны сюда привезти, следственный эксперимент и все такое. А с другой стороны, жаль парня, мы-то знаем, что он не виноват... Кстати, знаешь, что выяснилось? Гоша не кто иной, как родной брат Рогозина. Правда, практически никаких отношений они не поддерживали.

— Да ты что! Чего сразу-то не сказал?

Новая информация буквально ошарашила Алексея.

— Получается, что они в чем-то перед убийцей провинились, хотя сферы интересов у них совершенно разные. Один нормальной ориентации, бизнесмен, второй — гомосексуалист.

— Я успел сегодня поговорить и с бывшей любовницей Виталия Рогозина, и с родителями братьев. Любовница ничего интересного не сказала. Думал, может, предки покойников что-то прояснят. Те хоть и дистанцировались от своих отпрысков, но все-таки в курсе кое-каких их делишек. Правда, душевное состояние у них не ахти какое. А ты думал, двоих детей в такой срок потерять! На мать и вовсе без слез нельзя смотреть, отец, Сергей Федорович, тот хоть как-то держится...

Так вот, по словам Рогозина-старшего, его дети словно от разных родителей. Виталий рос в папашу, пробивным, всегда имел успех у слабого пола. А Гоша (то есть Георгий) был застенчивым мальчиком. И, несмотря на пролетарские корни, утонченным. Но это еще полбеды. Отец уверен, что с пути истинного Гошу сбил школьный учитель физики. Говорит, сразу понял, что добра от него не жди. После уроков Гоша часто задерживался в кабинете физики, якобы преподаватель заметил у того способности к его предмету. Чему он там учил пацана на самом деле — никто уже не скажет. Физик несколько лет назад уехал из нашего города, а Гоша, как ты знаешь, отдал богу душу. Может, ты и докопался бы до глубин его памяти, но думаю, это нас мало выручит. В общем, поспрошал я его насчет недоброжелателей, он покумекал, и сказал, что о таких понятия не имеет. О круге их знакомых также ничего определенного не сказал. Тем более таких, которые смогли бы пойти на убийство по каким-либо мотивам.

— Одним словом, с отцом номер глухой, как я понял... Слушай, — в его мозгу неожиданно промелькнула некая мысль, и он интуитивно за нее ухватился. — Слушай, Вить, а не можешь ты Рогозина-старшего вызвать к себе на допрос? Хотелось бы при этом попридти, вдруг что и проклюнется, на что ты сначала внимания не обратил...

— Ты что же, сомневаешься в моих профессиональных качествах? — обиделся было Леонченко.

— Боже упаси! Просто, как мне кажется, новый человек со стороны вроде меня, может привнести в расследование свежую струю. А у нас, сам видишь, пока ни одной зацепки. Ведь ты не веришь в случайное совпадение?

— Ну, если убивал братьев Рогозиных и вправду один и тот же человек (в чем я с тобой согласен), тогда понятно, что это не случайный выбор жертв. Хотя, не забывай, по официальной версии убийства совершили совершенно разные люди — девушка-студентка и

танцор из Москвы.

— Это-то меня и печалит. Люди невиновны в том, в чем их обвиняют. Они страдают по вине совершенно незнакомого человека. И поэтому мне и хочется добиться справедливости.

— А мне, думаешь, не хочется? Думаешь, мы ради галочки невиновных готовы сажать, только чтобы премию себе выхлопотать? Конечно, есть у нас такие, в семье не без урода, как говорится, но я-то, сам знаешь, из другого теста. В общем, Рогозина я завтра же вызову на допрос...

— погоди, я завтра как раз собирался в Кочетовку, к родне съездить. Давай через пару деньков устроим допрос, если ты не против.

— Ладно, как скажешь. Обдумывай вопросы для убитого горем отца, а я все, полетел домой, а то уже глаза слипаются.

Кочетовка встретила Алексея еще пустынными после недавнего легкого дождика улочками. Когда-то деревеньку основали староверы, сбежавшие в глубинку от реформ Никона. Среди них были и предки Клеста по материнской линии. Со временем староверов практически вытеснили трехперстники, но с оставшимися приверженцами крещения двумя перстами жили в мире и согласии. Сам же Алексей, будучи человеком своего времени, к вопросам религии относился без предубеждений.

Деревня осталась только в воспоминаниях детства, когда он наведывался на летние каникулы к родне. Мать еще совсем юной уехала отсюда учиться в областной центр, а ее старшая сестра Клава осталась. Родила двух девочек. Даша так и жила с матерью, а ее сестра — Анна — уехала учиться в Саратовский мединститут, там нашла жениха, родила дочку (наверное, с теткиной стороны это наследственное, что в роду сплошь девочки), и осталась жить на берегах Волги.

Последний раз он гостил у тетки в сентябре позапрошлого года. Помог выкопать картошку, и два мешка увез с собой. На зиму ему вполне этого хватило. Мужиков в доме тетки не было. С супругом-пьяницей Клавдия давно развелась, тот в конце концов попался в третий раз на краже в вино-водочном магазине и загремел на зону. Как говаривала по этому поводу Клавдия Петровна — невелика потеря.

Вот и знакомый дом с покосившимся забором. Кстати, не мешало бы его поправить. Он открыл калитку, и уже всю заливаешься лаем Динка, — подлетела, пытается лизнуть старого знакомого в лицо, только уворачивайся. Как еще помнит его, ведь играл с собакой, когда она еще была чуть ли не щенком.

А вон и Дашка бежит, раскинула свои длиннющие (впору баскетболом заниматься) руки в стороны, словно крылья:

— Лешка, привет!

Повисла на нем, визжит, целует в двухдневную щетину. Двоюродная сестрица всегда отличалась заводным характером. Да, с такой женой кто-то не соскучится, вот только засиделась она в девках-то. На год младше Алексея, в таком возрасте деревенские уже по двое, а то и трое детей имеют.

— Принимай пакет, Дашка.

Протянул ей извлеченную с заднего сиденья сумку, в которой лежали нехитрые гостинцы и бутылка дорогой водки. Тетка вроде бы гнала самогон, но все равно качественную водку тот никогда не заменит. А вот и сама хозяйка. Вышла встречать гостя на крылечко, вытирает руки полотенцем, не иначе, как его любимые блины готовит. Судя по запаху, доносящемуся из дома, так оно и сеть.

— Ну, здравствуй, племяш. Как добрался?

— Да ничего, нормально, — ответил Клест, чмокая тетку в щеку. — Если не считать, что на ваших колдобинах, пока на рейсовом добирался, чуть всю душу не оставил. Умыться можно с дороги, а то весь пылью пропитался?

— Дашка, ну-ка, полей Алексею. И полотенце чистое принеси.

Пока, обнаженный по пояс, споласкивался во дворе над корытом, Клавдия Петровна

успела накрыть стол. Свежие, усыпанные пупыршками июльские огурчики, лоснящиеся помидоры, перья зеленого лука, дымящаяся картошка, нарезанное щедрыми ломтями домашнее сало с розовыми прожилками...

У Алексея слюнки потекли при виде вроде бы простой, но чертовски аппетитной деревенской еды. Почетное место в центре заняла привезенная племянником бутылка. Чокнулись, закусили, потек неторопливый разговор.

— Ты рассказывай, как в городе жизнь? А то по телефону много-то и не наговоришь, каждая минута в копеечку влетает.

— Да что в городе... Все так же картины рисую, когда халтурую. Пока не женился...

— Эх, говорила же, зря ты змее этой квартиру подарил, — вздохнула тетка. — Жил бы в трехкомнатной — и невесты к тебе потянулись бы. А то твоей халупой разве кого приманишь? Это ж ведь дети пойдут, им свою комнату надо, а вырастут — и вовсе отдельную квартиру. Тогда бы и разменял.

— Ну что ты, тетя Клав, в самом деле, опять за старое... Я отдохнуть приехал, а тут та же песня, что и в прошлый раз. Я уж и по телефону упреков наслушался.

— Ну ладно, ладно, не серчай. Просто не могу успокоиться, как вспомню, что матерью нажитое разбазарил... Все, прекращаю! — замахала руками в ответ на Лешкин взгляд. — Лучше давай-ка еще по одной.

— Вы пейте, а мне хватит. У меня норма — рюмка.

— Тьфу ты, даже выпить по-человечески не можешь. Ну тогда хоть закусывай нормально. Чего тебе подложить? Картошечки, сальца? Кушай-кушай, отоцал в городе, а тут все свое, без химикатов.

Ближе к вечеру, когда Дашка ушла встречать корову с пастбища, Алексей наконец решился задать мучивший вопрос:

— Тетя Клав, скажи честно, у меня нет случайно... брата? Может быть, троюродного или сводного, в общем, такого, кого я мог бы назвать братом?

Реакция тетки оказалась неожиданной. На нее словно напоззло облако. Она некоторое время глядела перед собой невидящим взглядом, а затем вдруг с усталым вздохом ткнулась лицом в ладони. Так, в полном молчании, прошла почти минута, и Алексей уже начал испытывать легкое волнение. Но вот наконец она тяжело вздохнула, отняла ладони от лица и посмотрела племяннику в глаза:

— Не знаю, от кого ты это услышал, кто тебя надумил... но я предчувствовала, что правда когда-нибудь, да всплывет. Надеюсь, конечно, что ты так и останешься в счастливом неведении, но в глубине души знала — рано или поздно ты узнаешь все.

— И что это за правда? — спросил Алексей, чувствуя в груди странное стеснение, мешающее дышать.

Клавдия Петровна тяжело поглядела в сторону комода, на котором стоял портрет ее еще относительно молодой сестры, затем снова вздохнула:

— История эта случилась тридцать с небольшим лет тому назад, когда Таня училась в текстильном техникуме. Однажды после позднего сеанса она возвращалась в общежитие. Идти оставалось совсем немного, когда в темном проулке к ней пристали четверо парней. Вроде бы как нетрезвых, но твоя мать точно этого сказать не могла. Просто тогда от страха она потеряла способность соображать... Короче говоря, Танюшку изнасиловали. Прямо тут же, в придорожных кусточках. Зажимали рот ладонью, чтобы не кричала, и насиловали. Не знаю, может, и убили бы ее, да на счастье рядом проходили дружинники. Те услышали

подозрительный шум, и решили посмотреть. Насильники как увидели дружинников — так врассыпную. У одного из ДНД-шников при себе рация была, вызвали подмогу. Кончилось тем, что всех четверых все же выловили.

Как понял из дальнейшего рассказа Алексей, подонки оказались в СИЗО. Но что-то там в следственной машине забуксовало, да и мать толком не смогла определить, эти люди ее насильовали или нет. Призналась, что было темно, а кроме того, она находилась в шоковом состоянии. Естественно, что и негодяи, один из которых уже успел отмотать срок на малолетке, пошли в откат. В итоге пришлось их отпустить за недостаточностью улик.

Татьяна некоторое время провела в больнице. Слава Богу, никаких отклонений в связи с изнасилованием врачи не обнаружили. За исключением того, что мать забеременела. Причем когда это обнаружилось — делать аборт было уже поздно. Бабушка Алексея и мать Татьяны Любовь Корнеевна решила: дочка будет рожать в другом городе. Например, в Слободске. А ребенка отдать в Дом малютки. Город хоть и считался районным центром, но по числу жителей (порядка 100 тысяч) мог дать фору некоторым областным. А потом уж как Бог даст... Подумывали даже о том, чтобы Татьяна совсем сменила место жительства.

Одним словом, мальчик появился на свет в положенный срок. Роженица хоть и знала, что младенца придется оставить — заявление написала заранее — но не смогла сдержать слез при виде новорожденного. Так уж ей было жалко отдавать его в чужие руки. Даже несмотря на то, что одна ножка у мальчика была немного короче другой.

При этих словах в памяти Алексея что-то шевельнулось, но он решил пока не отвлекаться от сюжетной линии, оставив все догадки на потом.

Татьяна решила оставить ребенка себе. Но мать сумела настоять на своем.

— Да ты вспомни, от кого он, — увещевала Любовь Корнеевна. — Это же пьяные подонки, и даже неизвестно, кто именно его отец! Смотри, оставишь ребенка — и ты мне не дочь. Потом станешь локти кусать, да поздно будет.

В итоге Любовь Корнеевна сумела убедить дочку. Когда мальчика забирали от ее груди, Таня рыдала навзрыд, но решение свое изменить не решилась. Перед тем, как попрощаться с дитем, повесила ему на шею свой медный крестик, хотя церковь и запрещает отдавать такие вещи другим, пусть даже и близким людям. Каждый должен нести свой крест сам.

А затем этот неприятный инцидент как-то забылся. Угрызения совести поутихли, в жизни девушки произошли другие важные события. Через два года Татьяна повстречала Михаила, вышла замуж и родила Алешу. Мужу о том страшном случае и его последствиях она не рассказывала, равно как и не интересовалась судьбой отданного в Дом малютки ребенка.

Зато интересовалась ее сестра. Клава, имея свою дочку, несколько раз наведывалась к мальчику, которого назвали Зиновием, в честь заведующей учреждением Зины Васильевны. И фамилия ему досталась от нее — Хорьков. Не фонтан, конечно, но хоть что-то. Причем эту фамилию носила едва ли не половина ребятишек Дома малютки.

От хромоты никак нельзя было избавиться. Может быть, с помощью аппарата Илизарова, но идти на такую сложную операцию руководство Дома малютки не собиралось. Хромает мальчонка — и пусть себе хромает. Мало того, у Зиновия обнаружился еще один недостаток, который докторам представлялся намного серьезнее хромоты. Время от времени с мальчиком случались странные, словно бы эпилептические припадки, но при этом вроде очень короткие и без тяжелых последствий.

— Наверное, оно и к лучшему, что Таня отказалась от ребеночка, — закончила свой

рассказ Клавдия Петровна. — А то ведь намучалась бы... Помню, когда последний раз была у него, Зиновий с такой жадностью ел принесенные мною фрукты. А потом я узнала, что его перевели в слободский детский дом. Больше я к нему не ездила, так что о дальнейшей судьбе мальчишки ничего сказать не смогу.

— Понятно...

Алексей посмотрел в окно, на пламенеющий закат. Вон и Дашка корову ведет, похлестывая ее по крупу прутиком. По двору бегают куры, поросята похрюкивают в сарае... Сельская идиллия, а на душе почему-то совсем неспокойно. Впрочем, после только что услышанного любой на его месте чувствовал бы себя не в своей тарелке.

— Еще одно хочу спросить. Как-то я уже интересовался, Клавдия Петровна, не случилось ли с моей матерью чего-то... необычного, что ли. Вы тогда сумели меня убедить, что жизнь ее протекала обычно, без всяких, если говорить по-умному, эксцессов. Но вот теперь выясняется, что не все так просто. Взять хотя бы это изнасилование. Может, все-таки еще что-то было?

— Ох, Леша, Леша... Всю душу ты из меня сегодня вынул, — покачала головой тетка. — Так уж и быть, выложу последнюю Танькину тайну. Хотя ничего в этом криминального и нет, не знаю, почему при жизни она запрещала мне это тебе рассказывать. В общем, когда сестренке было 14 лет, стала она себя плохо чувствовать. Сделали обследование в больнице, оказалось — лейкоemia. Причем уже далеко не в первой стадии. Ну и давай ее облучать, химиотерапию делать. Все волосы у нее, бедненькой, повылазили. А потом врач и говорит, мол, плохо дело, нужно делать пересадку костного мозга от родственника. И чем моложе донор — тем больше шансов на успех.

Клавдия Петровна замолчала, теребя в пальцах носовой платок. Взгляд ее устремился куда-то в стену, мимо замершего в напряжении слушателя.

— И что дальше? — спросил Алексей погружившуюся в воспоминания тетушку.

— Да, так вот... Мать хотела сама стать донором, однако врач сказал, что лучше будет, если костный мозг возьмут у меня. Страшно мне было на стол операционный ложиться, аж жуть! И в тот самый день, когда должны были брать у меня пункцию спинномозговой жидкости, вдруг объявился еще один родственник, Вася Котельников.

Приходился он нам с Татьяной двоюродным братом, жил в Красноярске, но дома застать его было невозможно, потому как занимался он археологией. Причем сделавшим несколько интересных открытий. Правда, я в археологии ничего не смыслю, и что это за открытия, сказать не могу. Одним словом, в свои 32 года он объездил чуть ли не полмира, а у нас в Приволжье появился, кажется, всего-то второй раз. Сказал, что узнал о беде, приключившейся с двоюродной сестренкой, и приехал узнать, может, чем помочь можно. Или уж хотя бы поддержать, морально или материально...

Хлопнула дверь, и в хату ввалилась румяная Дашка.

— Чаевничаете? Мамуль, мне тоже наведи.

Разговор поневоле пришлось прервать. Возобновился он, только когда Дарья отправилась в клуб на дискотеку, предварительно нацепив лучшее платье и ярко намазав губы, за что в шутку схлопотала от матери по заднице полотенцем.

— Иди, иди, прохиндейка, но чтобы в двенадцать была дома! И женихайся там поменьше, если уж выходить, то за городского. Правильно я говорю, Лешк?

Проводив дочку, Клавдия Петровна села за стол, и Алексей приготовился слушать продолжение.

— На чем я остановилась? А, вспомнила... Ну так вот, Васька и предложил, чтобы Танюшке пересадили его костный мозг. Быстро сдали анализы, оказалось, что у них и группа крови с двоюродным совпадает. В общем, обошлось без моего участия. Операция прошла успешно, Таня быстро пошла на поправку. А Васька перед отъездом подарил сестре маленькую, вырезанную из кости фигурку какого-то шумерского божества, вернее, богини, звали ее, если память мне не изменяет, Гала... вру — Гула. Точно, Гула! Сказал, что у шумеров это богиня магии и врачевания, а откопал он статуэточку на месте... Нет, сейчас уже и не вспомню, что за город он назвал, в общем, привез он ее из Ирана. Короче, Танька с этой фигуркой не расставалась ни днем, ни ночью, во время сна прятала ее под подушку. Верила, что благодаря Гуле и поправилась так быстро.

— А где сейчас эта статуэтка? — поинтересовался Алексей.

— Так вот ты и слушай дальше, — зачем-то обернувшись на иконостас и понизив голос, продолжила Клавдия Петровна. — Через какое-то время, уже когда Таньку выписали домой, стало с ней твориться неладное. Заговариваться она начала, ночью во сне бормотала что-то на неизвестном языке, а когда просыпалась — ничего вспомнить не могла. Я-то с ней в одной комнате спала, представляешь, жуть какая? А однажды... до сих пор как вспомню, не по себе... Однажды, не знаю отчего, просыпаюсь я среди ночи и вижу над собой Танькино лицо. А глаза... нет, это надо видеть, так не скажешь. Не ее глаза, черные какие-то, бездонные. Ну чисто зомби, что в фильмах показывают. И вот Танюха и говорит, да не свой голосом, а будто бы утробным, мол, она избрана, и дети ее станут владеть сверхчеловеческими способностями.

— Серьезно?!

— Так и сказала, вот те крест! — Клавдия Петровна размашисто перекрестилась двумя перстами. — Ну, думаю, плохо дело, сестрица во сне не только бредит, но и ходит, словно лунатик. А она сказала, и снова в постель. А я к матери бегом, все тут же рассказала. Кончилось тем, что она отвела Татьяну к психиатру, тот ее загипнотизировал, ну и давай наводящие вопросы задавать. Она и при нем давай лопотать на этом самом языке непонятном. А врач-то, не будь дураком, записывал все это на магнитофон. Говорил, для научной работы нужно. А потом он отдал запись послушать линг... линг...

— Лингвистам, — подсказал Клест.

— Ага, точно, этим самым... А они уже сказали психиатру, что это похоже на какое-то древнее шумерское наречие, но и они смысла сказанного Татьяной разобрать не сумели. Врач посредством все того же гипноза пытался вылечить сестру — ничего не получилось. А разрешилось все просто. Маманя, когда услышала, что Танюшка говорит на шумерском, решила, что корень всех несчастий в этой самой статуэтке, которую Васька припер. Да и выбросила ее от греха подальше на помойку. И, представляешь, перестала Танька после этого заговариваться. На всякий случай еще в церкву нашу старообрядческую сходили, перед батюшкой покались, все и прошло. Вот такая, Леша, история.

Клавдия Петровна замолчала, молчал и Алексей, переваривая услышанное. То, что он узнал за сегодняшний день, стало для него настоящим откровением. Это был не просто скелет из шкафа, покрытый пылью и паутиной. Это перевернуло все его сознание, хотя в глубине души он и ожидал, что может узнать нечто, таящее разгадку к тому, что происходит с ним и вокруг него.

— А что Василий, все так же ездит по раскопкам?

— Да он уж почитай лет семнадцать как пропал, — сказала тетка. — Уехал на

очередной объект то ли в Индию, то ли в Китай, то ли в Таиланд... короче, те места — и с концами. Может, бандиты какие зарезали, народ-то там дикий в джунглях живет. В общем, сгинул Вася.

— Вот оно что...

— Ну да мы с нашей матерью особо и не переживали, если уж на то пошло. Это Танька поплакала, все ж он ей как-никак жизнь спас. А нам-то что?

Всю ночь Алексей не мог уснуть. Ворочался с боку на бок, вслушиваясь в ленивую собачью брехню, и прокручивая в памяти рассказанное теткой. Все, что он услышал, походило на сюжет зашпатного голливудского ужастика, хоть сейчас сценарий пиши.

Как можно расценивать слова матери — или того, кто владел в тот момент ее телом — о детях, которые станут полулюдьми-полубогами? То, что у него, Алексея Клеста, появился дар сканировать спящих и покойников — это что, и есть полубожественное начало? А то, что некто, могущий оказаться его сводным братом, способен и вовсе руководить людьми, как марионетками... Можно ли с уверенностью сказать, что все это — подарок (или проклятие) древнего божества? Да-да, это вполне можно назвать и проклятием, потому что счастливым от обладания даром Алексей почему-то себя не ощущал.

И все чаще его мысли возвращались к Зиновию. Предположим, мальчишка вырос, возможно, получил профессию какую-никакую... Почему он стал убивать, что послужило причиной, толчком? Не исключено, что у Зиновия просто-напросто психическое заболевание. Причем это наиболее вероятное предположение, вытекающее из того, что он натворил в последнее время. Нормальный человек не станет так издеваться над людьми. Да и вообще кто в здравом уме и трезвой памяти будет убивать? Обидели тебя — дай в морду, в крайнем случае — иди в ментовку. Но убивать-то зачем?!

Другой вопрос, как бороться с этим злом? Не Зиновию, хотя, не исключено, тот и сам, подобно сводному брату, не рад такому "счастью". Сможет ли он, Алексей Клест, противостоять его злой воле? Нет, как ни крути, а пока что стало еще больше вопросов, и ответить на них лучше всего сможет лишь сам Зиновий Хорьков. Если, конечно же, именно он и есть этот убийца, что еще нужно, между прочим, доказать.

Утром он встал совершенно разбитый. Наскоро ополоснулся под рукомойником во дворе. Тетка к тому времени успела выгнать корову в стадо, теперь хлопотала по хозяйству. О вчерашнем даже словом не обмолвилась, ставя на стол нехитрую деревенскую снедь. Дашка заранее попрощалась с Алексеем и ушла на почту, где работала кассиром.

Только перед самым отъездом Клавдия Петровна вопросительно на него посмотрела. Поняв, что нужно что-то сказать, Алексей бросил:

— Наверное, съезжу в Слободск.

— Может, оно и не надо тебе, Леш?

— Надо, Клавдия Петровна, надо. Тут ведь не только обо мне речь идет... К сожалению, я пока не могу вам всего рассказать, но поверьте — дело серьезное. Очень серьезное.

— Я тебе верю, Леша. Мне и самой все хотелось узнать, как судьба Зиновия сложилась, да все как-то недосуг было. Ну, Бог тебе в помощь!

Однако, прежде чем отправиться в Слободск, Клест успел поприсутствовать на допросе Рогозина-старшего. Тот оказался человечком весьма сублильного телосложения. Не исключено, что события последнего месяца изрядно его состарили, но и до этого он, скорее всего, отнюдь не выглядел цветущим. Леонченко предупредил Алексея, что Сергей Федорович иногда уходит в запои, а в последнее время подобное с ним происходит все чаще. Немудрено, что от 55-летнего мужчины так разило перегаром, и Клест невольно поморщился, оказавшись в зоне досягаемости винных паров. Поэтому он предпочел за благо отодвинуться подальше. Первую скрипку, как и задумывалось, играл следователь.

— Тут еще несколько вопросов возникло, — начал Леонченко, приглашая посетителя присесть по ту сторону стола на выдавший виды стул. Рогозин вопросительно покосился на расположившегося поодаль Клеста, но ничего не сказал.

— Сергей Федорович, вот вы говорили, что врагов у Виталия не было...

— Говорил, — механически подтвердил Рогозин.

— Значит, недоброжелателей у Виталия Сергеевича не имелось, — задумчиво протянул Леонченко. — А у вас они имеются? Или, может, были в прошлом?

— У меня?

Рогозин наморщил лоб. Затем потер подбородок, после чего отрицательно покачал головой:

— Да нет, не припомню, чтобы с кем-то ссорился в последнее время.

— Не обязательно в последнее, может, год или два назад, а то и того раньше.

— Нет-нет, ничего такого не было, из-за чего можно было бы отыгаться на неповинных детях. Как Сталин говорил: "Сын за отца не в ответе". Да вы наверняка изучили мою биографию, и про грехи молодости в курсе... Но следствие ничего не доказало, так что это тут совершенно не при чем...

— Ну-ка, ну-ка, — оживился до этого тихо сидевший в уголке Клест, опередив вопрос Леонченко. — Что это за грехи молодости?

— Так вы не знаете?..

Сергей Федорович смешался, полез в карман, выудил оттуда носовой платок и принялся громко сморкаться. Следователь и "сканер" терпеливо ждали, пока Рогозин не закончит процедуру очищения носовых пазух. Наконец тот убрал платок обратно в карман и, откашлявшись, негромко, процеживая каждое слово, заговорил:

— Дело-то старое, уже больше двадцати лет прошло. Меня тогда с друзьями в следственный изолятор даже посадили. Было подозрение, что мы... В общем, что мы девушку изнасиловали. Но свидетелей не оказалось, так что я чист перед законом, — поспешно добавил Рогозин, пытаясь перевести взгляд с Леонченко на Клеста, что было делом нелегким, поскольку ему пришлось крутить головой под углом чуть ли не 90 градусов.

— А как звали ту женщину, не помните? — отчего-то внутренне холодея, спросил Алексей.

— Нет, не помню. И лица не помню, темно было... Ой! Я не то хотел сказать...

— Ладно уж, все одно дело за давностью пересматривать никто не будет, так что

можете во всем чистосердечно признаться, — успокоил посетителя следователь. — Ну, так как все обстояло?

Рогозин закрыл глаза, и просидел так в неподвижности довольно долго, так что и Леонченко, и Клест стали нервничать, недвусмысленно переглядываясь. Но вот он наконец встряхнулся, и теперь перед ними сидел, казалось, совершенно другой человек. Распрямилась спина, плечи расправились, в глазах зажегся огонек, с лица исчезло выражение забитости... Сергей Федорович словно помолодел лет эдак на двадцать.

— Нас было четверо: я, Витька Дроздов, Мишка Фокин и Олег. Фамилию его точно не помню, кажется, Вербицкий или Варицкий. С первыми двумя я учился в техникуме на радиомонтажника, а Олег был Мишкиным знакомым. Он и принес тогда две бутылки водки. Сказал, нужно отметить его день рождения. С предками он уже посидел дома, а теперь хочет выпить с друзьями. Ну, мы и выпили. Сидели в беседке во дворе Витькиного дома. А потом нас зачем-то понесло мотаться по улицам. В одном из переулков встретили девчонку, Олег и предложил ее... В общем, все приложились, и я в том числе не без греха. Хотя, если честно, без особого желания. Просто не хотелось перед друзьями трусом показаться. А больше всех Олег лютовал. Он словно в зверя превратился, ему все было мало. Еще хотел задушить ее, кричал, что она нас заложит. Еле оттащили его от девчонки.

Рогозин замолчал, заново пропуская через себя события, происходившие почти тридцать лет назад. Постепенно огонь в его глазах потух, плечи поникли, и он снова превратился в сгорбленного, 55-летнего Сергея Федоровича Рогозина, потерявшего почти одновременно обоих детей.

— Но свидетелей вашего преступления не было, поэтому доказать ничего не удалось, — закончил за него Леонченко.

Рогозин кивнул, понуро глядя в пол. На его счастье, он не видел искаженного яростью, и одновременно болью лица сидевшего в углу человека, который из последних сил сдерживался, чтобы не вскочить и не вцепиться в глотку допрашиваемому.

"Это он, один из тех подонков, что изнасиловали мою мать! — билось в голове Алексея. — Убью гниду, порву на части..."

Он даже сделал шаг в направлении Рогозина, когда Леонченко, заметив, что с его товарищем творится что-то неладное, сказал.

— Леш, ты выйди в коридор, перекури, а мы тут пока с Сергеем Федоровичем еще потолкуем.

Словно робот, Клест на негнущихся ногах подошел к двери. Хотел оглянуться, но в последний момент сдержался и вышел в коридор. Дрожащими пальцами извлек из пачки сигарету, кое-как прикурил, и жадно затянувшись, уставился в открытое окно. Во дворе прокуратуры буйствовала зелень, нестриженные кусты захватили изрядную территорию, а в самой их гуще стояла старая, грубо сколоченная лавчонка. На ней сидели двое прокурорских работников — молодая женщина и мужчина с седоватыми висками. Они курили, изредка перебрасываясь фразами, слов Алексей разобрать не мог. Судя по всему, обсуждали одно из дел, потому что в какой-то момент мужчина решительно рубанул ребром ладони воздух, и до Клеста долетел конец фразы: "... и сидеть ему как минимум десять лет!" Впрочем, невольному свидетелю диалога было сейчас все равно, кто там кого собирается сажать на десять лет. В голове набатом билась одна и та же мысль: "Рядом, в двух шагах от меня, сидит человек, который насиловал мою мать!"

Алексей искурил всю пачку, когда наконец дверь кабинета Леонченко открылась, и

оттуда вышел Рогозин. Бросив настороженный взгляд в сторону Клеста, он побрел на выход, шаркая по полу стоптанными подошвами выдавших виды ботинок. Алексей невольно подумал, что старший сын, будучи человеком довольно-таки состоятельным, мог бы позаботиться о гардеробе отца. Впрочем, давно известно, что чужая душа — потемки.

— Весь город только и говорит, что о серийном убийце, — изрек Леонченко, когда Клест вернулся в кабинет. — Никто не верит, что преступники пойманы. Мне соседки все уши прожужжали о маньке, эдаком Джеке-потрошителе. И ведь люди-то правы, а мы прикрываемся официальной версией.

— Давай лучше мыслить конструктивно, как завещал Миша Горбачев, — съязвил Алексей. — Что ты извлек для себя от визита Рогозина-старшего?

— То, что детям Сергея Федоровича отомстили за деяния отца — весьма слабая версия. Кто мог отомстить в таком случае? Та женщина, которую они изнасиловали? Вряд ли она пошла бы на столь жуткое преступление. Или кто-то из ее родственников? Тогда почему они ждали столько лет? Кстати, нужно поднять старые папки, узнать, что за женщина тогда пострадала.

— Можешь не суетиться, — сказал Алексей, хмуро ковыряя ногтем облупившуюся полировку на углу стола.

— В смысле?

— В том смысле, что той женщиной была моя мать.

На несколько секунд в комнате повисла звенящая тишина. Слышно было, как неизвестно как попавшая сюда оса бьется в окно, никак не желая понять, что ей не пробиться через невидимую преграду. Вот и мы так, подумал Алексей, бьемся все, бьемся, а в итоге только разбиваем себе лоб. Эх, лучше бы уж он не зацикливался на этом Рогозине, не настаивал на его приводе сюда, и тот со своими воспоминаниями не стал бы причиной его переживаний.

— Ты в этом уверен? — тихо спросил вышедший из кратковременного транса Леонченко.

— На 99 процентов. Я сам недавно узнал о том, что мою мать изнасиловали, и после этого она забеременела. Неизвестно, от кого из этих уродов, но она родила...

— Так ты...

— Слава Богу, не меня!

Дальше Алексей выложил то, что сам узнал из уст тетки. И закончил:

— Теперь я собираюсь выяснить дальнейшую судьбу Зиновия.

— Слушай, так это он... Я имею в виду, Зиновий убивал? Тогда, действительно, нужно искать Зиновия по фамилии Хорьков. Людей с такими именами и фамилиями не так уж и много.

— Вот этим и займись. А я пока все же смотаюсь в Слободск, поищу там его концы.

— Давай-ка я с тобой съезжу. Все-таки официальный представитель власти, мне и доверия больше.

— Ага, как раз власти сейчас и доверяют, — усмехнулся Клест. — Нет, среди вашего брата и порядочные люди попадаются, вот как ты например, но все же... Лучше я поеду, как родственник. Мол, ищу следы своего брата, имею право. А вот если мне не удастся ничего разузнать, тогда ты и подключишься. Без обид?

— Да какие тут обиды... У меня и здесь, если честно, дел хватает. Когда поедешь?

— Завтра и съезжу... Вить, прокуратура, может, подкинет денег на

командировочные? А то все за свои, да за свои. С одной стороны, деньги-то, вроде, как и есть, а с другой, как бы на благо следствия работаю...

— Конечно, нет вопросов, решим. Бери листок и пиши, сколько чего тебе нужно, а я отнесу шефу, пусть подпишет. И не стесняйся, пиши с запасом, контора не разорится. Хотя все чеки и квитанции по возможности собирай, отчетность — штука серьезная.

Прежде чем ехать домой, Клест решил заскочить в магазин, называвшийся незамысловато "Художник". Нужно было присмотреть масляные краски и грунт для холста. Магазин находился в центре, открылся он всего с полгода назад, и подкупал своими демократическими ценами и качественным товаром. За этот срок многие художники стали его постоянными клиентами, и ни разу об этом не пожалели.

Выходя из магазина с покупками в руках, он невольно бросил взгляд через дорогу, и что-то заставило его остановиться.

Весь первый этаж шестиэтажки постройки сталинских времен был отдан на откуп разного рода организациям. Офис нотариальной конторы, юридическая консультация, кабинет доктора Петухова... Вот именно этот кабинет и привлек внимание Алексея. Во-первых, фамилией хозяина, а во-вторых, тем, что Петухов был окулистом. Судя по вывеске, здесь желающие могли поправить свое зрение, получить очки или контактные линзы.

— Петух, человеческий глаз, номер квартиры, — пробормотал Клест. — Это слишком здорово для того, чтобы быть правдой. А с другой стороны, почему бы и нет? Почему бы и не проверить, вдруг повезет.

Переложив покупки в одну руку, второй вытащил из кармана джинсов телефон и принялся набирать номер Леонченко. Однако вежливый голос в трубке сообщил, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Чертыхнувшись, Клест набрал рабочий номер Виктора. Но и здесь его ждало разочарование — в кабинете следователя, судя по всему, никого не было.

Что же делать, что делать... Он стоял, растерянно глядя на дом, в котором, вполне вероятно, жил убийца, и вероятно, что звали его Зиновий Хорьков. Хотя Алексей дал себе зарок не списывать на сводного брата вину за смерть нескольких человек до тех пор, пока не объявятся более или менее реальные доказательства. Как бы там ни было, сейчас в нем боролись два желания: постучаться в квартиру номер двадцать шесть или все же дозвониться Леонченко. А может, в обход следователя вызвать наряд? Правда, долго придется объяснять, что к чему, еще примут за одержимого манией преследования, и вместо наряда пришлют "скорую".

Нет, этот вариант отпадал. Может, все же рискнуть, и попробовать самому взять преступника? А что, подойти к двери, позвонить, и как только откроют — сразу в челюсть пролить с ноги. Главное — элемент внезапности.

А может лучше воспользоваться вон тем обрезком металлической трубы, который как нельзя кстати оказался лежавшим поблизости? Почему бы и нет! Набрал номер Леонченко еще несколько раз, и снова безрезультатно, Алексей наконец решился.

Монтировку он завернул в старый номер "Приволжских вестей", который купил в соседнем киоске "Роспечати". Убедившись, что сверток смотрится вполне прилично, он непринужденной походкой направился через дорогу.

Во дворе дома на лавочке сидели только две молодые мамы с колясками, о чем-то мило болтавшие между собой. Алексей прикинул, что если исключить первый этаж, оккупированный тремя конторами, то остаются по пять жилых этажей в каждом подъезде.

На этаже от трех до четырех квартир, дай бог, не коммуналки, иначе легко запутаться. Следовательно, в любом случае двадцать шестая квартира находится во втором подъезде.

Однако с проникновением в подъезд возникла непредвиденная сложность в виде кодового замка.

— Что будем делать? — спросил сам себя Клест.

И кинул взгляд в сторону молодых мамаш. Может, товарки выручат, подскажут заветные цифры? Хотя он на их месте поостерегся бы вот так вот пускать в подъезд незнакомого человека, мало ли что, террористов сейчас хватает.

Однако и мамочки не спасли ситуацию. Одна оказалась жительницей первого подъезда, а вторая — четвертого, и код на двери для них представлял такую же загадку.

В отчаянии Алексей встал возле двери второго подъезда, в надежде, что кто-нибудь оттуда выйдет, и он успеет проскочить внутрь. Между делом попробовал еще раз прозвонить Леонченко, но абонент по-прежнему был недоступен. Интересно, какого хрена он вообще отключил аппарат?!

Простояв несколько минут, Алексей неожиданно вспомнил слова Чикатило. Тот в приступе разговорчивости как-то сказал, что может открыть любой кодовый замок. После недолгих уговоров даже согласился поделиться секретом.

— Присмотритесь как следует к кнопкам, — хитро ухмыляясь, сказал криминалист. — На которые чаще жмут — те обычно и стерты больше. Хотя 100-процентной гарантии дать не могу.

И вот теперь Клесту выпал шанс проверить это утверждение на практике.

Он наклонился, разглядывая выпуклые металлические кнопки. Действительно, кнопки под цифрами "два", "шесть" и "восемь" гляделись более потертыми, чем остальные. Затаив дыхание, он нажал на все три одновременно...

С той стороны раздался глухой щелчок, Алексей дернул дверь на себя и она покорно распахнулась. Он ужом проскользнул внутрь, в темную прохладу коридора. Из просторного вестибюля, пол которого был выложен мозаичной плиткой, наверх вела широкая лестница. Чугунные перила свидетельствовали о том, что в свое время здесь жили не простые люди, а, вполне возможно, партноменклатура. Не исключено, что и сейчас здесь обитают их дети и внуки. А что еще вероятнее, большую часть огромных квартир с высокими потолками поскупали "новые русские".

Алексей уже занес ногу над первой ступенькой, когда наверху послышался шум открываемой двери. Долю секунды он размышлял, как поступить, а затем предпочел за лучшее нырнуть под лестницу, где стояли подростковый велосипед и швабра с ведром.

Жилец спускался не торопясь, достигнув первого этажа минуты через две. Это оказалась сгорбленная старушка с пустой авоськой в руках. Наверное, отправилась за хлебом или молоком, тратить свою скудную пенсию.

Когда дверь за ней закрылась, Алексей рванул вверх по лестнице. На каждом этаже было по три квартиры, как он, собственно, и предполагал, а двадцать шестая располагалась на предпоследнем этаже.

Клест замер перед обитой простым дерматином дверью, на которой не было даже глазка. По сравнению с соседними, — металлическими, обделанными деревом — она выглядела весьма непрезентабельно. Он уже собрался жать на кнопку звонка, но в последний момент остановился.

А вдруг в этой квартире живет не убийца трех человек (это еще не считая матери), а

вполне нормальная семья? И на кого он тогда будет похож, размахивающий у них перед носом железякой? С другой стороны, прежде чем открыть не оборудованную глазком дверь, большинство людей сначала интересуются, кого это там принесло. А он даже не подготовил сколь-нибудь правдоподобной версии. Не сантехником же представляться, в конце концов.

Тогда кем?

Он мысленно окинул себя взглядом. Клетчатая рубашка, немного потертые джинсы, кроссовки... В таком виде он в лучшем случае сойдет за сотрудника сетевого маркетинга. Правда, что он может предложить? Ни чудо-аппарата для измерения давления, ни суперсоковыжималки, ни прочей хрени китайского производства под рукой у него не было. А обрезок трубы вряд ли кого из потенциальных покупателей может заинтересовать.

Этот вариант с большой натяжкой может прокатить, если дверь откроют, и из квартиры выглянет ничем не запятнавшие себя примерный семьянин или домохозяйка. Они могут обратить внимание на его внешний вид и поинтересоваться целью его визита. Если же дверь распахнет предполагаемый преступник, то придется обойтись без церемоний. Монтировкой в лоб — и вязать, пока не очухался.

Ну а если он не откроет дверь, поинтересуется через не выглядевшую неприступной дверь, кто это топчется на пороге? Лепить, как говорится на арго, горбатого про сетевой маркетинг? Скорее всего, пошлет просто куда подальше. И что тогда? Не ломать же дверь, в конце концов...

Зависеть от случая не хотелось. Может, еще разок попробовать звякнуть Витьке? Должен же он когда-нибудь включить телефон.

Звонить Алексей отправился лестничным пролетом выше. Положительного исхода не ожидал, и поэтому, когда в трубке пошли длинные гудки, почувствовал, как по телу пробежала волна адреналина.

— Да, Леша.

— Елки-моталки, Вить, я тебе полчаса дозвониться не мог...

— Ну извини, имею я право спокойно в кафе с дамой пообедать? А что случилось-то?

— Знаешь, где я сейчас нахожусь?

И он вкратце рассказал о своей теории пребывания настоящего убийцы в доме, на первом этаже которого находился глазной кабинет доктора Петухова.

— А а ведь твоя догадка и в самом деле может оказаться верной, — сказал Леонченко. — Опять ты меня уделал. Ты там пока особо не высывайся, я с группой приеду минут через двадцать-тридцать.

— Хорошо. Квартира, как ты помнишь, двадцать шесть, третий этаж. Код двери "два", "шесть", "восемь".

Следователь с тремя бойцами группы захвата прибыл через тридцать шесть минут. По лестнице они поднялись быстро и бесшумно. У двери их уже ждал Алексей, по-прежнему не расстававшийся с обрезком трубы.

— Ну как, все спокойно? — спросил Леонченко. — А мне еще пришлось санкцию выпрашивать, еле выклянчил. Ты давай, звони, если что, представься... представителем какого-нибудь кандидата в депутаты. Как раз выборы в гордуму идут, тебе поверят.

Надо же, еще одна версия — причем рожденная с ходу — его пребывания перед дверью с номером двадцать шесть. Алексей нажал на кнопку звонка, с той стороны обыденно, без всяких наворотов, тренькнуло. Затем наступила тишина. А еще через примерно полминуты раздался негромкий, вкрадчивый мужской голос:

— Кто?

Клест переглянулся с Виктором и выдал заготовленную фразу:

— Здравствуйте, откройте, пожалуйста. Мы собираем подписи в поддержку кандидата в депутата Владимира Дубровского.

— Одну секунду...

Вновь наступила тишина, которую нарушало лишь прерывистое дыхание Алексея, Леонченко и трех омоновцев. Прошла минута, вторая... Алексей вновь нажал на кнопку звонка, но на этот раз к двери так никто и не подошел.

— Кажется, нас решили проигнорировать. Так, ребята, выламываем дверь.

Хреново, подумал Алексей. Без понятых, да и с какой стати? Этот самый окулист — он что, подозреваемый? Против него есть улики — кроме рисунка петуха с глазом?

Один из крепышей в бронежилете встал перед искусственной преградой и резко выбросил вперед обутую в высокий армейский ботинок ногу. Раздался громкий треск, но дверь выстояла. Потребовалось еще два удара, прежде чем, наконец, дверной прямоугольник вывалился внутрь, подняв облако пыли.

Группа захвата проскользнула в квартиру, держа наготове короткоствольные автоматы. Один плавными движениями, неслышно, прилипнув к стене, двигался на кухню, находящуюся прямо по коридору. Второй толкнул дверь находящейся справа залы, третий ринулся налево, в спальню. Леонченко тоже вытащил свое табельное оружие, но они вместе с Клестом держались сзади.

— Вон он! — раздался крик бойца, отправившегося на кухню.

Все кинулись к нему. Тот по пояс высунулся в окно.

— Пожарная лестница рядом с окном, вот он по ней, гад, и спустился, через двор удирает.

И точно, прихрамывающая фигура беглеца пересекала двор, быстро удаляясь от дома. Алексей сразу узнал в нем давешнего бомжа, клянчившего пустую бутылку.

— Пальнуть?

— Охренел?! — выкрикнул Леонченко, опуская ладонь на ствол уже готового выплюнуть свинцовую очередь автомата. — Там же люди, не видишь, что ли?! И вообще у меня приказ взять его живым. Неужто хромого не догоним? Алексей, давай, оставайся здесь, а остальные со мной. И ничего не трогай, здесь наверняка найдется работа для экспертов.

Не став выслушивать возражения, Виктор вместе с бойцами вывалился в коридор, и вся эта толпа ринулась вниз по лестнице.

— Тьфу ты, ядрит твою... — сплюнул в сердцах Клест, провожая их взглядом. — Чего я тут забыл-то?

Однако делать было нечего, на какое-то время ему предстояло стать единственным обитателем этой квартиры. В глубине души сомневаясь, что преступника удастся догнать, он кое-как приспособил дверь на место (хотя любопытных взглядов соседей все равно трудно было бы избежать), и стал осматривать жилище. Начал с гостиной.

Убранство квартиры отнюдь не поражало воображение. Весьма скромная меблировка, в углу небольшой телевизор "Sony"... Но внимание Алексея привлекли несколько разбросанных по столу бумажек, поверх которых валялась цифровая фотокамера. Помня наказ Леонченко, брать в руки технику Алексей не решился. Мало ли что. Наверняка на камере должны остаться отпечатки пальцев... А вот отказать себе в удовольствии порыться в бумагах он не смог.

Первое, что попало ему на глаза — это его собственная фотография. Сделана она была, судя по всему, не так уж и давно, максимум месяц-полтора назад. Клест на ней явно не позировал, фото являлось результатом работы папарацци, которым, похоже, и был тот хромой убийца, вероятно, именно Хорьков.

Алексей смотрел на себя со смешанным чувством тревоги и удивления. Затем решительно сунул снимок в задний карман джинсов. Вряд ли она в чем-то поможет экспертам. Карточка влезла плотно, словно и была сделана специально под карман.

Кроме того, он обнаружил уже знакомое фото Рогозина с торчащим изо рта фаллосом, которое брезгливо положил на место. Также здесь лежали какие-то квитанции, счета, и товарный чек на покупку телевизора "Sony" с диагональю 17 дюймов. Наверное, того самого, который скромно притулился в углу. Чек был выписан на имя Василия Потапова, но Алексей вполне резонно усомнился в том, что такой человек существует на самом деле. Нет, имя Василий, а фамилия Потапов не такие уж и редкие, и наверняка встречаются даже в таком сочетании. Однако вряд ли серийный убийца так просто назвал бы свое настоящее имя.

Похоже, все самое интересное беглец успел прихватить с собой.

Из гостиной Алексей направился в спальню. Кровать была заправлена кое-как. Клест осматривал ложе, на котором спал преступник, с непроизвольным чувством отвращения, хотя одеяло с легкомысленными цветочками непосвященного визитера могло повергнуть в умиление.

В этот момент со стороны входной двери послышался шум. Алексей высунулся в коридор и увидел протискивающегося внутрь Леонченко. Сзади маячили давешние омоньцы с мрачными лицами. Судя по всему, их погоня успехом не увенчалась.

— Слушай, на хрена ты ее на место поставил? Я чуть весь пиджак себе не изодрал.

— Ты лучше расскажи, как успехи?

— Какие к едрене фене успехи?! Хромой, собака, а не догонишь. Рванул какими-то огородами, переулками, в общем, ищи-свищи теперь ветра в поле. Может, здесь следы какие его отыщутся. Ты в бумагах, надеюсь, не рылся? А то с минуты на минуты должны криминалисты подъехать.

Клест не ответил, врать не хотелось, а признаваться в том, что он нарушил запрет, было неудобно. Тут же не к месту вспомнил одну из присказок Чикатило, мол, неудобно только писать, не снимая трусы.

Эксперты прибыли отнюдь не через минуту-другую, а через двадцать с лишним. К тому времени осмелевшие обитатели соседних квартир, в основном пожилого возраста, уже толпились на лестничной клетке, горячо обсуждая происходящее в двадцать шестой квартире.

Криминалисты перерыли все, что можно, однако ничего существенного найти не удалось. Обнаружили несколько отпечатков пальцев, в том числе на фотоаппарате. Эксперты оживились, размахивая своими кисточками с белой пудрой.

Леонченко тем временем опрашивал соседей. Две старушки и мужчина средних лет особо с жильцом не общались, знали только, что звали его Васей, а квартиру он снял совсем недавно. Хозяйкой жилья была молодая девушка, Ольга Терешкина. После трагической гибели родителей ей остались эта квартира и еще однушка на окраине, куда она и переехала жить. Средства для существования ей приносила именно эта квартира, регулярно сдаваемая внаем.

— А чего Вася натворил-то? — поинтересовалась одна из старушек. — Вроде не пил,

девок не водил, не буянил...

Виктор непроизвольно вспомнил давешнюю бабку, в хате у которой преступник жил какое-то время. Та тоже на постояльца не жаловалась, отметив, что вел он если и не пуританский, то весьма пристойный образ жизни.

Взяв координаты Терешкиной, Леонченко отпустил осведомителей, посоветовав о произошедшем лишней раз не болтать. И добавил, что, не исключено, придется их вызвать на допрос еще раз.

Домой Алексей вернулся, когда на улице уже было темно. Под вечер он вместе с Виктором вернулся в прокуратуру, где они на пару принялись обмозговывать события минувшего дня. Леонченко сокрушался, что не допетрил оставить бойца внизу, во дворе, куда выходили окна двадцать шестой квартиры. Кто же знал, что убийца воспользуется пожарной лестницей.

Алексей вышел на своей автобусной остановке, по пути купил в мини-маркете со смешным названием "Карамелька" хлеба и молока. Подходя к подъезду, он внезапно замер, явно почувствовав спиной чей-то пристальный взгляд. Резко обернулся, однако во дворе никого не было. Даже бабушки, обычно играющие в лото под одиноким фонарем чуть ли не одиннадцати часов, в этот вечер предпочли остаться дома. Либо разошлись пораньше. Вполне вероятно, отправились посмотреть какой-нибудь фильм.

Еще раз окинув взглядом пустой двор, Клест вошел в подъезд и поднялся в свою квартиру. Поужинав, включил компьютер, проверил почту. Он даже не особо удивился, увидев, что письмо от Кукловода, и отправлено всего полтора часа назад.

"Поздравляю! Вам почти удалось меня взять. Не знаю, кто из вас двоих оказался таким умным, ты или твой напарник, но адрес вы выяснили за сутки до моего отбытия с этой квартиры. Впредь, наверное, я не рискну оставлять намеки по поводу моего местопребывания. Еще остались люди, с которыми мне предстоит встретиться, и я не хочу, чтобы мой план оказался нереализованным".

Алексей сохранил письмо. Первым его порывом было набрать номер Виктора, однако в письме не содержалось сколь-нибудь важной информации, поэтому он решил Леонченко не тревожить. Вот вернется из Слободска, и тогда они обо всем поговорят.

В Слободск пришлось тащиться полтора часа на рейсовом автобусе. Как назло, в автобус набились сплошь бабки, которые, несмотря на 30-градусную жару, оказались закутаны в платки и шали. При малейшей попытке открыть фрамугу тут же начинали ворчать, так что на конечной остановке в Слободске из расплавленного салона потный Клест вывалился в насквозь пропитанной потом майке. Немного придя в себя, спросил у какого-то прохожего, как добраться до местного детского дома. Тот в ответ почесал темя, почему-то посмотрел на часы и пожал плечами. Только с пятой или шестой попытки Клесту удалось выяснить, как добраться до цели.

Слободский детский дом представлял собой мрачное трехэтажное здание красного кирпича с зарешеченными окнами второго этажа. Невольно подумалось, что здесь скорее место душевнобольным, а не детишкам.

Сбоку от входа, над которым нависал ажурный козырек, серела мемориальная дощечка с отбитым нижним правым углом. Судя по надписи, в сентябре 1920 года в этом здании располагался штаб Второй конной армии под командованием Филиппа Миронова. Из командармов гражданской Алексей помнил только Буденного, Блюхера и Чапаева. Впрочем, на счет последних двух он сомневался. Вполне вероятно, что те командовали не армией, а корпусом, либо еще каким-нибудь подразделением.

Тяжеленную, обитую железом дверь едва удалось открыть. Как только дети с ней управятся! Не иначе, специально сделано, чтобы не шастали лишней раз туда-сюда. Из огромного, сумрачного холла наверх уходила старинная лестница с чугунными периллами, откуда слышались детские голоса. Здесь же за столом мирно посапывала толстая вахтерша. Видавший виды стул под ней жалобно поскрипывал в такт сопению, и казалось, что с минуты на минуту просто развалится на части. Алексей постоял перед вахтершей какое-то время, затем, поняв, что будить ее все равно придется, негромко кашлянул, и только после этого тетка встрепенулась.

— Кто такой? Чаво надобно?

— Здравствуйте, я могу увидеть вашего директора?

— Эта какво?

— У вас что их, несколько?

— Дык новый, Герман Трифоныч, токмо вторую неделю как директорствует. Может, у вас дело к прежнему, Юдифь Львовне?

— Как вы сказали? — ему показалось, что он ослышался.

— Козенко Юдифь Львовна. Директрису бывшую так зовут. Имя и правда чудное, а почему назвали так — мне то неведомо.

— А она долго работала?

— Лет тридцать, поди, оттрубила. Детишки ее любили и уважали, да и воспитатели тоже. Хоть и строгая была, а справедливая. А кадры провожали Львовну на пенсию — все аж чуть ли не ревмя ревели. Она-то сама уж крепилась, да и то под конец не сдержалась, слезу пустила.

— Та-а-ак, — протянул Клест, соображая, как лучше поступить. С прежним директором

встретиться надо бы в любом случае. Наверняка она вспомнит воспитанника с необычным именем Зиновий.

— Тогда подскажите, пожалуйста, как эту Юдифь Львовну найти.

— А у тебя какое к ней дело-то, могут, и я сгожусь?

— Хм, не думаю, тут конфиденциальность соблюсти требуется.

— Понятно, секреты, значитца, имеются. Выходит, дитя не собираешься в наш детдом определять, а то к новому пошел бы... В общем, слухай сюды, юноша...

Получив подробную инструкцию, как добраться до дома прежней директрисы, Алексей вышел на свежий воздух и с облегчением перевел дух. Уже после нескольких минут пребывания в этом учреждении он чувствовал себя не в своей тарелке, а ведь дети здесь годами живут. И какому умнику пришла в голову идея устроить в этой "Бастилии" детский дом? После нескольких лет пребывания в подобном заведении поневоле умом тронешься.

Пешком к дому Юдифь Львовны оказалось всего три квартала по прямой. По пути слегка проголодавшийся Клест зашел в первый попавшийся магазин, древним фасадом напомнивший о его социалистической юности, где купил посыпанную маком булку и пластиковый, в поллитра, стакан кефира с фольгой вместо крышечки. Кстате подвернулась и лавочка в тенистом уголке, на которой Алексей без спешки расправился с нехитрой снедью. А куда спешить, если последний автобус отходил в пять вечера, до него еще оставалось больше четырех часов...

Покончив с трапезой, совершил решительный марш-бросок к дому директрисы. Вот и ее неказистая хата. Хоть и невелика, но симпатичная, с резными наличниками. За ажурной оградкой виднелся небольшой сад из вишневых и яблоневых деревьев, и аккуратный огородик.

Хозяйка появилась минуты через две после того, как Алексей надавил на черную кнопку звонка, приделанного к деревянной дощечке справа от калитки. Юдифь Львовна оказалась довольно крупной женщиной с развитым бюстом. На носу посверкивали лекторские очки, прибавлявшие их обладательнице солидности.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Алексей поздоровался, на что бывшая директриса учтиво кивнула, поинтересовавшись, чем она может быть полезна.

— Может, откроете калитку, а то как-то неудобно так разговаривать...

Та внимательно поглядела на незнакомого молодого человека:

— Похоже, у вас ко мне серьезный разговор. Что ж, милости прошу.

Внутри хата выглядела так же опрятно, как и снаружи. Хозяйка включила было электрический самовар, но Клест замахал руками, объяснив, что по пути перекусил.

— Я ж вас не есть заставляю, а чай — дело святое, — настояла на своем женщина. — С сушками вприкуску да с конфетками — в самый раз.

Пока самовар нагревался, гость излагал причину, по которой приехал в Слободск из областного центра. Мол, ищу родственника, звали так-то и так-то, пребывал в вашем детдоме примерно тогда-то и тогда-то... Юдифь Львовна рассказчика не перебивала, только изредка кивала, словно с чем-то соглашаясь. Когда Алексей закончил, неторопясь разлила по чашкам ароматный чай, придвинула приезжему вазу со сладостями, и только после этого заговорила:

— Как же, помню я этого Зиновия. Интересный был мальчик. Читал много, всю нашу библиотеку перелопатил. Особенно детективы любил. А однажды как-то воспитательница

заходит ко мне в кабинет, и протягивает Библию. Вот, мол, Хорьков ночью под одеялом с фонариком читал. Я уж и не знаю, как реагировать. С одной стороны, у нас свобода вероисповедания, с другой — вроде как мы жили при атеизме, в Советском союзе. Узнай в гороно, или в обкоме, что мои дети читают такие книги — меня по головке не погладили бы. Вызвала я Зиновия к себе, спрашиваю, где книгу взял. А он молчит, смотрит в пол и молчит. Ну, что с него взять? Пожурила я его для проформы, и отпустила с Богом... Вернее, без Бога если выражаться иносказательно, потому как Библию я себе оставила. Она до сих пор у меня дома хранится, если хотите, могу показать.

Юдифь Львовна подошла к книжной полке, и вернулась с потрепанной книгой в темном переплете. Протянула гостю. Алексей не без внутренней дрожи взял в руки то, что некогда принадлежало его сводному брату. Полистал местами пожелтевшие страницы, представляя, как полтора десятилетия назад вот так же, под одеялом, листал их Зиновий.

Заметив, что бывшая директриса не без любопытства за ним наблюдает, вернул ей книгу, после чего поинтересовался:

— Кстати, я слышал, у Зиновия не все в порядке со здоровьем было. Я не говорю про его хромоту...

Женщина насторожилась, искоса глянув на Алексея.

— А что вы имеете в виду?

В этот момент Клест, далеко не будучи знатоком человеческих душ, понял, что она что-то знает. Нужно было только сломать лед недоверия, который еще между ними оставался, и возможно, она расколется, а может быть, расскажет даже больше, чем он ожидает от нее услышать. И для того, что бы она ему доверяла, он первым должен сделать шаг.

— Буду честен с вами. Зиновий действительно приходится мне родственником. Он мой сводный брат...

И Алексей стал рассказывать о трагических событиях, которые произошли за последнее время, умолчав только о своем даре. Его слушательница, судя по всему, была реалисткой до мозга костей, и история о необычном даре ее собеседника могла разрушить тот хрупкий мостик, который установился между ними. А вот о том, что может Зиновий, он ей сказал. Если она знает об этом, то для нее это не станет открытием.

— Ну что ж, — вздохнула Юдифь Львовна, когда Алексей закончил свой рассказ, — откровенность за откровенность. Меня, правда, предупреждали в свое время серьезные товарищи, чтобы я о случившемся с Зиновием никому ни слова... Но думаю, через столько лет можно. Хотя, признаться, мне очень не хочется ворошить ту историю.

Казалось, женщине не очень приятно было это вспоминать. Но Алексей не собирался отступать, решив вызнаться о сводном брате все, что можно. И выяснил...

Приступы эпилепсии, которая, как оказалось позже, на самом деле была вовсе не эпилепсией, случались с Зиновием не так уж и часто. Обычно это выглядело следующим образом: мальчик неожиданно закатывал глаза, оседал на пол, и полностью отключался. Спустя некоторое время он приходил в себя, и, как ни в чем не бывало, поднимался и делал свои дела дальше. Такие приступы длились от нескольких десятков секунд до примерно пятнадцати минут.

Поначалу его пытались как-то лечить, водили к психиатру, но тот никаких отклонений в мальчишеском организме не обнаружил. А вот воспитатели со временем заметили одну странность...

Тут Юдифь Львовна сделала паузу, бросила на Клеста испытующий взгляд и молча

подлила ему кипятку в чашку, сдобрив его порцией заварки. Алексей кивнул, как бы предлагая собеседнице не стесняться, и отхлебнул из чашки.

— А странность была такая...

Дальше выяснились вещи поразительные. Когда мальчик терял сознание, не раз замечали, что кто-нибудь из других воспитанников детского дома вдруг ни с того, ни с сего начинал вести себя странно. Проще говоря, перенимал повадки Зиновия, и даже начинал прихрамывать на правую ногу, причем будучи совершенно здоровым. Однажды некий мальчик был свидетелем, когда его друг, с которым они втихую курили в туалете, вдруг мгновенно как-то неуловимо переменялся, а затем закашлялся и, с отвращением посмотрев на папиросу, отбросил ее в сторону.

— И как ты эту дрянь куришь?

Сказав это, он посмотрел на своего якобы друга так, что тому стало не себе. Тут мальчик задал невинный, казалось бы, вопрос:

— Ты что, Ген, заболел?

— Какой я тебе Гена?! Я Зиновий!..

После этого, словно чего-то испугавшись, подволакивая правую ногу, он мигом выскочил из туалета. До ушей воспитателя эта история дошла через мальчишку, который выполнял в группе функции стукача, за что весьма среднем умственном развитии получал у преподавателей только четверки и пятерки. Сказать, что от такой информации директриса была в восторге — значило бы погрешить против истины. В то время как раз замучили с разного рода проверками из управления образования, так что лишняя шумиха была Козенко ни к чему.

Но затем произошел случай, заставивший директрису взглянуть на проблему по-другому. Дело в том, что другие воспитанники детдома Зиновия особо не обижали, жалели его за хромоту и нелады с психикой. Хотя, конечно же, без насмешек не обходилось. Да и что взять с детей, которые порой более жестоки, чем взрослые. Тем более с сирот, многие из которых озлоблены на весь белый свет.

Но был среди них один экземпляр, доставлявший головную боль не только многим детдомовцам, но и, прежде всего педагогическому составу учреждения. Звали его Антоном. Сам он был из деревенских, а в детдоме оказался после того, как его спившуюся мать лишили родительских прав.

Будучи от природы щедро одаренным физической силой, Антон использовал свои данные по полной. Нередко то у одного, то у другого мальчика, не угодившего чем-либо Антону, под глазом вдруг появлялся фингал. Жаловаться на недоросля, к тому же из рук вон плохо учившегося, мало кто пытался: тот мог подкараулить доносчика и так его отметелить, что бедняга рисковал оказаться на больничной койке. На хулигана даже заводили дело в инспекции по делам несовершеннолетних, но дальше этого дело не пошло, хотя воспитатели во главе с директрисой с удовольствием избавились бы от малолетнего бандита. Тем не менее, Антону пока все сходило с рук. Вплоть до того случая, о котором пойдет речь ниже.

В тот поздний сентябрьский день едва ли не все воспитанники были заняты на уборке опавших листьев в скверике возле детдома. Вышеупомянутый Антон благополучно притворился больным, пожаловавшись на резь в животе, и теперь, втихую потягивая сигаретку, вместе с парой приятелей наблюдал за копошащимися на территории детьми из-за угла детского дома. В какой-то момент его внимание привлек прихрамывающий Зиновий, который был на три года его младше.

— Слышь, хромоногий, иди-ка сюда.

Зиновий обернулся, оставив грабли (таскать носилки ему не позволяли из-за той же хромоты).

— Ты меня?

— Тебя, тебя...

Зиновий подошел, чувствуя странное беспокойство. Да и чего хорошего можно было ожидать от этих ребят во главе с Антоном, известным своей жестокостью.

— Ты, говорят, припадошный?

Антон выпустил в Зиновия струйку дыма и отбросил окурочок в сторону. Хорьков молчал, не зная, как реагировать на вопрос. Антон смотрел на него без улыбки, вроде бы равнодушно, но Зиновий чувствовал себя весьма неудобно, даже более неудобно, чем под насмешливыми взглядами дружков местного Аль Капоне.

— Ну, так что, Зина, покажешь, как это у тебя получается?

— Что получается?

— Что-что... По земле кататься.

С этими словами Антон ловко сделал подсечку, и под смех антоновых товарищей Зиновий неуклюже шмякнулся в осенний чернозем. Да так неудачно, что угодил носом прямо в небольшую лужицу. Мало того, отмороженный недоросль в буквальном смысле слова вытер об него ноги, напоследок презрительно пнул и, довольно кивнув дружкам, направился прочь. Те покорно последовали за своим предводителем, с кривыми ухмылками оглядываясь не перепачканного грязью Зиновия.

У этой безобразной сцены был лишь один свидетель — затаившийся в кустах тот самый вездесущий мальчик, стучавший на товарищей воспитателю. Решив, что спектакль окончен, он выбрался из своего наблюдательного пункта, и собрался было идти прочь, обдумывая, какие дивиденды принесет ему очередной доклад воспитателю. И вдруг по-прежнему лежавший в грязи Зиновий застонал и изогнулся дугой.

Мгновение спустя один из двоих друзей Антона остановился, покачнулся, словно ему стало дурно, схватил грабли, прислоненные к стене сарая, мимо которого они как раз проходили и, коротко размахнувшись, всадил садово-огородный инвентарь прямо в голову своего жоака. И так крепко, что грабли так и остались торчать у несчастного в макушке, свешиваясь черенком вниз, будто некая диковинная антенна. Несколько секунд Антон стоял неподвижно, а затем прозрачную осеннюю тишину разорвал дикий, протяжный вопль:

— А-а-а... Сука!

После этого Антон умудрился еще выдернуть стальные стержни из своего черепа, но на большее сил не хватило. Покачнувшись, он кулем свалился на землю, судорожно загребая ее скрюченными пальцами. Второй его дружок попятился, и мгновение спустя с не менее громким воплем кинулся прочь. Через минуту возле все еще агонизирующего тела Антона собралась толпа. Воспитатели безуспешно пытались разогнать своих подопечных, но мало продвинулись на этом поприще. Кто-то побежал звонить в "скорую", остальные топтались вокруг умирающего. Прибежала медсестра, но и ей не удалось сделать хоть что-то, что могло бы продлить существование парня в этом мире. Антон умер еще до приезда "скорой".

Что касается Зиновия, то, ввиду экстраординарности ситуации, он оказался обойден всеобщим вниманием, и вскоре пришел в себя. Более того, даже присоединился к толпе любопытных. Очевидцы утверждают, что, увидев умирающего, Зиновий произнес загадочную фразу:

— Теперь ты узнал, как это у меня получается.

Ну а малолетний убийца никак не мог понять, за что его заперли в кладовке и сдали затем на руки милиционерам. На допросе он твердил одно и то же: мол, неожиданный провал в памяти, а когда очнулся, увидел лежавшего перед ним в луже крови своего лучшего друга Антона Безбородова.

Впоследствии, сопоставив полученные сведения, Козенко пришла к выводу, что весьма своевременный припадок Зиновия и провал в памяти у Гриши (так звали убийцу) более чем взаимосвязаны. К тому же невольно вспоминались и более ранние случаи, связанные со странными приступами Зиновия. В итоге, не обладая какими-то особыми познаниями в психологии, директриса пришла к выводу, что мальчик неким образом умел овладевать чужим сознанием, при этом впадая в своего рода транс. Последний раз это привело к трагедии.

Юдифь Львовна вызвала Зиновия к себе, и сначала окольными путями, а затем напрямую попыталась выяснить, что значат на самом деле припадки мальчика.

— Признайся, Зеня, ты управляешь чужими мыслями?

Тот посмотрел на нее исподлобья, по-прежнему не открывая рта. А затем он начал грызть ногти. Директриса знала, что за Хорьковым водилась такая глупая привычка.

Но на сей раз Юдифь Львовну она взбесила:

— А ну прекрати немедленно! Что еще за идиотская привычка — ногти грызть?! Мало того, что ребенка убил, теперь еще и меня решил довести...

Слова негодующей женщины вызвали у подростка весьма бурную реакцию. Он вскочил, опрокинув стул, и брызжа слюной, выкрикнул в лицо опешившей директрисе:

— Не лезь не в свое дело! А то я и тебя...

После этого Зиновий опрометью выскочил из кабинета, даже не удосужившись прикрыть дверь. Ошарашенная директриса осталась в одиночестве обдумывать произошедшее. Что он имел в виду под "а то я и тебя", можно было только догадываться. Козенко, впрочем, довольно ясно представила себя на месте Безбородова, и ей стало не по себе.

Скандала, связанного с гибелью подростка, все одно избежать не удалось бы, уже грозила приехать специальная комиссия, чтобы провести собственное расследование инцидента. Так что директриса решила разрубить этот "гордиев узел" одним ударом. Она поехала в областной центр, зашла в управление Комитета госбезопасности и выложила все начистоту внимательно выслушавшему ее майору.

Через пару дней к детскому дому подъехала черная "Волга", из которой вышли трое штатских с незапоминающимися лицами, все в одинаковых костюмах. Через полчаса они вывели из здания хмурого Зиновия, посадили в автомобиль, и с тех пор прихрамывающего мальчика, склонного к странным припадкам, никто не видел. В том числе и Юдифь Львовна.

— Вот такая история, — закончила она свое повествование, и выразительно посмотрела на Алексея, как бы предлагая ему поддержать беседу.

— У меня один вопрос... Вы говорили Зиновию, кто его мать?

— Он даже не задавал мне подобного вопроса, — не смутившись, ответила Козенко. — Его личное дело лежало у меня в сейфе, и я прекрасно знала, что Зиновий отказник. Еще с роддома. Но уже в Доме малютки все придерживались версии, будто его родители погибли в автокатастрофе, а бабушек и дедушек у него нет. И мальчик пришел сюда, сознавая, что он

круглый сирота.

— Вот оно как... Понятно.

Алексей принялся задумчиво барабанить пальцами по поверхности стола, прикидывая, что предпринять дальше, как выйти на след сводного брата. Все это время бывшая директриса не сводила с него пристального взгляда, словно пытаясь угадать, о чем думает ее немногословный собеседник.

— Ну что же, не смею больше отнимать у вас время...

— Если не секрет, по какой линии все же Зиновий вам родственником приходится?

— Да какой уж тут секрет... Сводный брат он мне. Мать у нас одна... Была.

— Умерла, значит, — кивнула Юдифь Львовна, словно услышала что-то само собой разумеющееся. — Ну а вы-то, какие действия собираетесь предпринимать дальше? Те люди из Комитета просили не распространяться по поводу того, кто забрал Зиновия. Но прошло уже столько лет, страна и люди изменились. Да и КГБ уже нет. Думаю, вам стоит, наверное, поискать следы брата. Если, конечно, удастся найти концы.

Клест вспомнил того чекиста-полковника из столицы, и ничего страшного, наверное, не случится, если он по старой дружбе (впрочем, особо подружиться они тогда не успели) попросит того о помощи.

Он поблагодарил гостеприимную хозяйку за чай, услышав в ответ, что гостям здесь всегда рады. Уже у калитки Козенко, строго взглянув в глаза Алексея, тихо сказала:

— Вы можете не говорить, но мне кажется, что-то случилось. И случилось нехорошее, связанное с моим бывшим воспитанником.

Клест попытался выдержать ее упрямый взгляд, но долго бороться не смог. Отвел глаза и так же негромко ответил:

— К сожалению, вы правы. Только что я услышал от вас доказательство того, что... что тот, кого я подозревал в страшных преступлениях, и есть мой брат. Сводный брат. Теперь хотя бы я знаю, кого мне искать. Но неясного остается еще немало.

— Что ж, я хоть и атеистка, но все же дай Бог вам удачи. А Гришу, кстати, так и не освободили. Сначала в колонии для малолетних три года отсидел, а потом еще и во взрослой два. Представьте, каким он оттуда вышел. Одним словом, покорежили судьбу мальчишке ни за что, ни про что...

Прежде чем окончательно распрощаться с хозяйкой, он не выдержал и спросил:

— Простите за бестактность... Но все же, почему у вас такое странное имя?

— А я все ждала, когда вы спросите, — впервые улыбнулась Козенко. — Едва ли не все, кто со мной знакомится, удивляются, с чего это родители назвали меня в честь мифологической жительницы города Ветилуе, которая, согласно библейским преданиям, спасла израильтян, отрубив голову Олоферну. На самом деле мой папа был ярым поклонником актрисы Юдифь Глизер. Уж не знаю, чем она так его привлекла, но факт остается фактом. Так что, если можно так выразиться, я пала жертвой театральных пристрастий своего отца.

По возвращении домой Алексей думал отлежаться на диване, а может быть, сумеет все же поработать над "Летом". Из головы не выходила поездка в Слободск. И так, теперь уже на все сто процентов было ясно, что серийный убийца, наведший ужас на Приволжск, не кто иной, как его сводный брат Зиновий Хорьков. Но вот чего он добивается своими кошмарными убийствами? Увы, это по-прежнему оставалось неясным.

Вскоре он почувствовал, как ему не хватает Оксаны. Пригласить ее, что ли, куда-нибудь? В кафе или бар? Неплохой вариант, хотя себя завсегда тем подобных заведений он не считал. А может, в кино? Точно, самый оптимальный вариант. А уж потом можно будет и посидеть где-нибудь, кофейку попить.

Он полистал телегазету, где кинотеатр "Вертикаль" размещал информацию о сеансах, после чего, мысленно пожелав себе удачи, набрал номер Оксаны.

— Привет, Леш, — услышал он в трубке сотового любимый голос. — Как у тебя, все нормально?

— Как тебе сказать... Живем потихоньку, портим воздух. Слушай, у меня свободный вечерок выдался, не хочешь в кино сходить?

— В кино? В кино я бы с удовольствием сходила...

— Ну тогда подходи к кинотеатру "Вертикаль" к семи часам. Там комедию показывают, говорят, смешная, а я все-таки давно уже в кино не ходил. А с тобой и вовсе ни разу.

— Это уважительная причина, — рассмеялась она, словно колокольчики зазвенели. И тут же в ее голосе прорезалась грусть, — Я не против, только моя сиделка приболела, и пришлось брать отгулы, сижу сама с мальчишкой. Оставить его одного, сам понимаешь, не могу.

— А ты возьми его с собой.

Такое предложение, похоже, Оксану немного шокировало.

— Ты это серьезно? На семичасовой сеанс?! Он у меня в девять спать ложится.

— Да? Жаль...

Но тут его взгляд упал на газетную страницу, и Алексей встрепенулся:

— Пойдем тогда на пятничасовой. Думаю, новая серия "Мадагаскара" мальчишке придется по душе. А если не захочет смотреть — пойдем в какое-нибудь кафе, мороженым пацана накормим. Уж от мороженого, я думаю, он не откажется.

В итоге Оксана дала себя уговорить и подъехала к кинотеатру на такси с сынишкой. Алексей с улыбкой пошел им навстречу, исподволь разглядывая Митю. Мальчик казался немного младше своих шести лет, но в его глазах не было того безразличия, которым отличаются многие больные аутизмом.

— Привет, меня Алексеем зовут.

Митя посмотрел на протянутую руку и автоматически ее пожал. Рукопожатие мальчика было слабым и замедленным, словно съемка в "рапиде". Оксана с тревогой наблюдала за сыном, но когда он пожал руку взрослого человека — немного расслабилась, и даже позволила себе улыбнуться.

— Я постаралась настроить Митеньку, что сейчас будет много людей, но они ничего

плохого ему не сделают. Будем надеяться, что он перенесет это испытание.

Митю они усадили между собой. Алексей не столько следил за развитием событий на экране, сколько косился на маленького соседа. Тот сначала механически жевал поп-корн и, кажется, даже не заметил, когда жареная кукуруза закончилась. Похоже, фильм Митю все же увлек, а во время особенно смешных эпизодов его губы слегка растягивались в подобии улыбки, и это настраивало Клеста на оптимистический лад.

В Интернете он просмотрел медицинскую энциклопедию, и узнал, что аутизм неизлечим. Так что иллюзий по поводу того, что сын Оксаны со временем станет нормальным, он не питал. Но реакция со стороны больного означала, хорошо ему или плохо. Сейчас, судя по всему, Мите было весело.

"Может, во мне пробуждается отцовский инстинкт? — думал Алексей. — Жаль, что у Оксаны ребенок инвалид, иначе можно было бы строить какие-то планы относительно совместного будущего..."

Но он тут же устыдился подобных мыслей. Митя же не виноват, что таким появился на свет. Неужели он, Алексей Клест, настолько эгоистичен?

Тем не менее, вечер, по мнению Алексея, прошел замечательно. Не испортил его даже дождь, зарядивший, едва они вышли из кинотеатра. От ливня спрятались в большом, недавно открывшемся гипермаркете. Чтобы потянуть время, принялись неторопливо прогуливаться по торговым залам. Редко покидающий квартиру Митя с интересом крутил головой, время от времени издавая невнятные звуки.

— Гляди, вон наша реклама! Как раз мой дизайн...

Оксана показала на большой светящийся щит, укрепленный над входом в павильон фирмы "Zepter". Замысловатая картинка изображала довольную домохозяйку, кружащую в вальсе с кастрюлями, сковородками, тарелками, ножами и вилками. Причем посуда и столовые приборы имели конечности, благодаря которым собственно и могли якобы вальсировать.

— Хм, оригинально, — хмыкнул Алексей, как следует рассмотрев картинку. — Я бы до такого не додумался.

— Да ладно, это ерунда, — отмахнулась Оксана. — Я вот над рекламой магазина электроники сейчас работаю, у меня вообще грандиозная задумка. Боюсь, хозяин магазина не согласится раскошелиться ради такого проекта.

— И что это за грандиозный проект?

— Нельзя говорить, пока он не утвержден — примета плохая, — с самым серьезным видом сказала девушка. И тут же в ее глазах засверкали искорки: — О, кафе-бар! Я тут была как-то с подругой. Здесь такое классное мороженое готовят...

Потом они сидели в этом самом, оказавшимся весьма уютном кафе, расположенном почти под самой крышей универсама, и с аппетитом уплетали клубничное мороженое. Митя вполне сносно управлялся с десертной ложечкой, старался есть аккуратно. Алексей и Оксана тем временем болтали о всякой ерунде: погоде, только что просмотренном фильме, девушка вспоминала разные прикольные случаи, связанные со своей работой...

— Представляешь, недавно приходит в агентство странный тип. Одет вроде прилично, волосы на затылке собраны в хвост. Мужичок так из себя ничего, хоть и не мачо. Но я сразу поняла, что у него есть харизма. (Тут Алексей почувствовал слабый укол ревности). И он так целенаправленно двинулся к моему столу... Садится напротив, представляется Иваном Романовым и говорит, что хочет заказать рекламу, а знакомые бизнесмены посоветовали ему

обратиться ко мне.

— И что же это за реклама?

— Похоронного бюро!.. Представляешь? Говорит, задумал открыть частное похоронное бюро под названием "Харон". Помнишь, в мифологии был такой лодочник, перевозивший души в царство мертвых? Короче, для раскрутки, само собой, нужно запустить рекламу на телевидении. И я вроде как одному из его знакомых рекламу делала. Он назвал фамилию, действительно, был такой в моей биографии. Ну, отвечаю, давайте посмотрим, чем вы располагаете, и прикинем, во сколько это обойдется. А он предложил мне побывать в его конторе, ознакомиться с предприятием, так сказать, на месте.

— И ты пошла к нему в похоронное бюро?

— Еще не пошла, только собираюсь. У меня накопились срочные заказы, но он сказал, что подождет. Как только освобожусь — позвоню ему на сотовый.

— М-да, ну и работенка у тебя...

— А куда деваться, нужно на кусок хлеба с маслом зарабатывать. Опять же, Митька на мне...

Услышав свое имя, мальчик поднял глаза, и Клесту показалось, что он увидел в его глазах проблеск мысли. Но затем Митя снова уткнулся в свое мороженое, потеряв к беседе взрослых всяческий интерес.

— Главное, что работа мне нравится, — заключила Оксана. — А что еще нужно для счастья, когда ты делаешь любимое дело, а тебе за это еще и платят? Причем не так уж и мало, если судить по нашим, провинциальным меркам.

Алексей слушал Оксану вполуха, мысли его непроизвольно приняли другой оборот. Он думал о своем то ли даре, то ли проклятии, и о том, чем закончится его противостояние с Зиновием. Впрочем, и противостояния пока никакого не было, братец словно играючи убивал одного человека за другим, при этом, будто в насмешку, оставляя для него, Алексея Клеста, маленькие зацепки. А он ничего не мог поделать, он даже не в силах спасти тех невинных людей, которые стал орудием в руках маньяка. Именно маньяка, потому что нормальный человек на такие изощренные, хладнокровные убийства не способен.

— У тебя такой вид, словно ты думаешь о чем-то своем, — вывела его из задумчивости Оксана. — На тебя что-то давит?

— Да это так, груз одиночества, — сказал Клест, мягко сжимая в ладони ее пальцы. — Ты как на счет того, чтобы заглянуть как-нибудь ко мне на огонек?

— Ну, это надо обдумать, — улыбнулась она. — Ладно, не буду строить из себя недотрогу, тем более что ты меня уже как бы и потрогал... однажды. Завтра устроит?

На следующий вечер Оксана была неподражаема. Несколько раз она с мастерством настоящей гейши едва не доводила Алексея до состояния оргазма, в последний момент отпуская узду. А когда все же настал пик блаженства, Алексей почувствовал себя на седьмом небе. Судя по реакции Оксаны, она тоже испытывала нечто подобное.

"Господи, где она только этому научилась?!" — думал он, обессилено откидываясь на подушку.

Потом они молча лежали с закрытыми глазами, наслаждаясь близостью друг друга. И в какой-то момент он понял, что эта девушка, чьи волосы он нежно поглаживал — самое близкое ему существо на земле. Долгие годы у него не было никого ближе, чем сейчас, даже с Лидой он никогда не чувствовал себя так здорово. Ну, может быть, только в самом начале их отношений. Но здесь все равно что-то другое, что нельзя ни с чем сравнить.

Засыпая, Алексей чувствовал себя самым счастливым на свете человеком. Он держал в своей ладони хрупкие пальцы той, которая стала путеводной звездой в его серой жизни, и знал, что готов ради этого нежного существа на все что угодно.

Через два дня Алексею позвонил Леонченко:

— Клест, давай собирайся...

— Что случилось?

— Похоже, мы с тобой влипли в серьезную историю. Я попросил шефа помочь с получением информации, а тот передал мою просьбу Тришину. А сейчас мне звонит главный чекист, и сообщает, что по нашу душу из Москвы генерал фээсбешный приехал, хочет нас с тобой видеть. Через час мы должны быть в кабинете Тришина.

— Это как-то связано с Зиновием?

— Слушай, какой ты догадливый! — съязвил следователь. — В общем, через час у Тришина, надеюсь, ты помнишь, где сидят наши чекисты.

Леонченко бросил трубку, оставив Алексея переваривать обрушившуюся на него новость. Гляди-ка, генерал из самой Москвы. Что ж, не исключено, что он сможет как-то приоткрыть завесу тайны над делом Зиновия Хорькова.

Генерал-майор Степан Акимович Близнюк на вид казался настоящим баринном. Массивный, как медведь, в дорогом костюме, он развалился в кресле самого Тришина, а хозяин кабинета скромно сидел в уголке. Там же рядом с ним молча восседали два белесых типчика в строгих костюмах, похожие, словно близнецы. Только у одного на щеке темнела неприятного вида бородавка, а у второго возле левого глаза белел небольшой шрам.

Для приглашенных стояли два стула с ажурными металлическими спинками. Клест почему-то подумал, что к таким спинкам удобно привязывать подследственных, чтобы выбивать из них показания. Но сегодня, он надеялся, они с Виктором избегут сей неблагодарной участи.

— Так вот ты какой, Алексей Клест, — прогудел из кресла Близнюк, толстыми пальцами хватая из стоявшего перед ним пакета фундук. — Как же, слышал о тебе, говорят, ты трупы читаешь, как раскрытую книгу...

Ну и сравнение, поморщился про себя Алексей. Хотя в общем-то этот толстяк был прав.

— Наверное, вы догадываетесь, по какой причине здесь оказались, — продолжил генерал. — И по какой причине я оказался в вашем провинциальном городишке. Вижу по глазам, все вы понимаете. Знаете, что я хотел бы от вас сейчас услышать? Наверняка догадываетесь. В общем, выкладывайте все, что успели накопать про Зиновия Хорькова, и что он успел здесь натворить. А уж потом и я раскрою свои карты.

Алексей с Виктором переглянулись. Генерал-то берет быка за рога. А с другой стороны, чего кота за хвост тянуть? Как говорится, ты мне — я тебе. Оставалось надеяться, что Близнюк свое слово сдержит и действительно расскажет что-нибудь стоящее.

Говорил Леонченко, стараясь не упустить важных деталей. Клест все больше поддакивал, или поправлял, когда следователь путался в деталях. Тришин в своем углу молчал, напоминая застывшее изваяние. Степана Акимовича, в свою очередь, их рассказ словно и не очень интересовал. Он изредка кивал головой, словно с чем-то соглашаясь, а глядел преимущественно на пакет с фундуком, время от времени закидывая орешек в свою казавшуюся бездонной глотку. Когда же Леонченко закончил, Близнюк прочистил горло и

посмотрел на собеседников немигающим взглядом:

— Ну что же, примерно такой расклад я себе и представлял. А теперь, как и обещал, расскажу предысторию. Начну с того, что я курировал проект под названием "Кукловод", как мы окрестили Зиновия после того, как забрали его из детдома. Все я вам рассказать не могу, кое-какие сведения засекречены, но в общих чертах вы представление получите.

По мере того, как время шло, история Зиновия все больше и больше захватывала слушателей. Генерал говорил не торопясь, также часто останавливаясь на, казалось бы, незначительных деталях. Повествование захватило всех присутствующих. Лишь только близнецы так и сидели в прежних позах, прямые, словно каждый проглотил по железному колу. Больше всего сейчас они напоминали невозмутимых древнеегипетских сфинксов.

А генерал-майор рассказал следующее... После того, как Хорькова забрали из детдома, мальчишку отправили в какую-то секретную лабораторию в Подмосковье, где вплотную взялись за изучение его способностей. Однако пацан целыми днями молча сидел в своей комнатке, всячески игнорируя все попытки экспериментаторов заставить его воздействовать на мозг другого человека. Более того, врачи были уверены, что Зиновий тронулся умом, в медицинском заключении было написано следующее: "...Сыграть так болезнь невозможно. Налицо явные признаки душевного расстройства, и наилучшим выходом будет помещение объекта в психиатрическую лечебницу".

В итоге через полгода чекисты сдались, и Зиновий на самом деле оказался в психушке. Но не в обычной, а для спецбольных. По условиям содержания она напоминала тюрьму, и можно только догадываться, что пережил попавший туда еще несовершеннолетним пациент, по существу еще ребенок, за четыре года пребывания в ее стенах.

Однако все же Хорькову удалось сбежать. Судя по всему, при этом он задействовал недюжинные способности своего мозга. И примерно в эти сроки погибла мать Алексея. Вряд ли, находясь взаперти, Зиновий сумел узнать подробности своей биографии. Скорее всего, он уже на воле стал искать следы родственников, и закончилось это смертью Татьяны.

Чекисты, сообразив, что тот обвел их вокруг пальца, бросили все силы на поиск бывшего детдомовца. Операция была суперзасекреченной, и сотрудникам ФСБ понадобилось порядка трех месяцев, чтобы поймать Зиновия. После этого опыты возобновились с новой силой. На этот раз пациент не отпирался. Оказалось, что Хорьков и впрямь может управлять сознанием людей. Для того чтобы активировать свои способности, ему было достаточно несколько секунд поглядеть в глаза обычному человеку. После этого Зиновий завладевал его сознанием. А людьми, обладающими более тонкой психофизикой, мог управлять даже без визуального контакта.

— А его тело, родное, что в это время делало? — спросил Алексей.

— Оно становилось бесчувственной плотью. В лабораторных условиях перед началом каждого эксперимента мы просто укладывали его поудобнее, облепленного датчиками. Сейчас мы можем только догадываться, как действовал Зиновий, покинув базу. Наверное, он не мог позволить валяться себе любимому на улице или в других местах. Короче, там, где он расставался с ним, чтобы переключиться в другое тело, и чужими руками куда-нибудь свое тело припрятывал.

— Мы успели выяснить, что Зиновий сутки точно может находиться в чужом теле, впору устраивать обряд изгнания бесов, — продолжил генерал. — А не исключено, что и больше, возможно, подопытный сам не захотел полностью раскрывать своих способностей. Он так и остался юношей себе на уме.

— Постоите, — снова прервал его Клест, и вкратце рассказал историю про Линду и бандита, который замочил своих подельников. — Там же не было прямого контакта.

— Ну, во-первых, ваша гадалка весьма сильный медиум, мы ей уже занимались, — ответил Близнюк. — Она нащупала Кукловода, а он не стал прерывать контакт, и завладел ее телом. А в глаза бандюгану он мог поглядеть, например, у входа в подъезд, появившись там пораньше, в одно время с братвой.

— Верно... Как раз у моего подъезда сидел какой-то бомжара, пьяный в стельку. Рядом с ним еще бутылка лежала...

— Ну, тогда все ясно. Наверняка Зиновий был трезв, и разыграл этот спектакль, чтобы прикрыть свое бесчувственное состояние, в которое он впал, завладев сознанием бандита. Кому интересен пьяный бомж, верно? Ну, лежит себе и лежит, ни к кому не пристаёт. А вызывать полицию нашим в кавычках добропорядочным гражданам, чтобы занялись алкоголиком, отнюдь не свойственно.

Алексей немного смутился. Вряд ли генерал имел в виду его под "добропорядочными гражданами", но ведь он тоже не вызвал полицию, фактически наплевав на бесчувственного человека. Да если бы он знал, что это Зиновий!..

— Хорошо, а зачем Хорькову понадобилось подставлять танцора из "Метелицы"? Это ж надо было тащиться в Москву...

— Это для нас тоже пока задачка с неизвестными. Надеюсь, что ответ на нее даст сам Зиновий, хотя, по большому счету, все это мелочи... Давайте все же не будем отвлекаться, и вернемся к нашей истории.

Из дальнейшего повествования генерала Алексей и Леонченко догадались, что Кукловода, скорее всего, хотели использовать в политических целях. Приезжает, например, в нашу страну с дружественным визитом Президент какой-нибудь африканской страны. Зиновий завладевает его сознанием, и дальше этот Лумумба подписывает те бумаги, которые выгодны нашему Правительству. Вслух всего этого Близнюк не говорил, но намеки его были столь прозрачны, что догадаться не составило ни малейшего труда.

А затем, по словам генерала, Зиновий снова сделал ноги, несмотря на то, что его поместили в еще более закрытое, чем в первый раз, учреждение. Охрану устроили, а чтобы покинуть пределы засекреченной лаборатории, нужно было миновать двери, оборудованные специальными приборами, сканирующими сетчатку глаза.

До поры до времени Зиновий вел себя тише воды, ниже травы. Но несколько месяцев назад умудрился сбежать вторично. При этом, словно в каком-то голливудском боевике, он вырезал глаз у одного из охранников, и с помощью этого ужасного "трофея" миновал все посты, снабженные сканерами.

ФСБ снова на ушах, и теперь, после полученной из Приволжска информации, сюда прибыла спецгруппа, чтобы вплотную заняться поисками Хорькова. В состав спецгруппы помимо генерала вошли присутствующие здесь уроженцы Прибалтики, близнецы Янис и Петерс, лучшие сотрудники в своем амплуа. Тот, что со шрамом, оказался Янисом, а с бородавкой — Петерсом. Причем служили России не за страх, как говорится, а за совесть. Ведь они только родились в Риге, а их молодость прошла во Пскове, откуда они уехали поступать в Академию ФСБ России.

К тому же, как намекнул Близнюк, эти двое обладают какими-то необычными способностями. Во всяком случае, Зиновию не так-то легко будет сделать их своими марионетками. Что это за такие суперспособности — можно было только догадываться. Но

Алексей подумал, не многовато ли для небольшого провинциального городка собралось суперменов. С ним, Зиновием, и этими двумя уже четверо получается. И что любопытно, две пары братьев, правда, в одном случае родные, а в другом сводные, но тем не менее.

— На этом, собственно говоря, вся информация исчерпывается, а вернее та, которую я праве разгласить, — закончил Близнюк. — Мы на всякий случай проверили, не мог ли он как-нибудь связаться с родственниками, в том числе и с вами, ведь вы ему двоюродным братом как-никак приходитесь. Попросили местных коллег помочь, не вводя особо в курс дела, но ничего полезного они нам не сообщили.

При этих словах сидевший словно тихо, мышь Тришин заметно побледнел, но так ничего и не сказал. Видно, говорить было нечего, разве что оправдываться. А генерал-майор снова потянулся за очередным орехом с таким видом, словно его больше ничего на свете не интересовало.

В кабинете повисла гнетущая тишина, нарушаемая только скрипом генеральских челюстей и легким шумом кондиционера. Молчание длилось около минуты, и все это время генерал невозмутимо извлекал фундук из пакета, напоминающего тот сказочный кошелек, в котором никогда не кончаются деньги.

Наконец Клест кашлянул в кулак, тем самым привлекая к себе внимание.

— Пожалуй, у меня имеются по этому поводу кое-какие мысли.

— Это кстати, — оживился Близнюк, — мне бы хотелось бы услышать ваши предложения.

— Насчет предложений не знаю, но в первую очередь хотелось бы, чтобы невинные люди, которых гнусно использовал Зиновий, отпустили на свободу. Также меня тревожит мысль относительно дальнейших планов братца. Расправившись со своей — а соответственно и моей матерью, то есть выполнив первую часть своего плана, он взялся за вторую. Кто следующий на очереди? Дети тех четверых, кто участвовал в ее изнасиловании? А потом уже я, его сводный брат? Кстати, откуда у Зиновия про меня столько информации?

— Это для меня тоже вопрос, — буркнул генерал. — Маловероятно, но вдруг кто-то и проболтался из наших, во всяком случае, вся информация по вам у нас была. Сейчас мы прорабатываем версии ее утечки. Вполне вероятно, что Зиновий извлек эти данные с помощью своего дара, а человек даже не запомнил, что кому-то показал засекреченные данные. Как бы там ни было, мы должны просчитывать действия Кукловода на шаг вперед. Слышали, орлы?

Близнецы одновременно кивнули, словно китайские болванчики, и снова замерли в прежних позах. У Алексея закралось подозрение, что Янис с Петерсом с рождения немые. А может, им специально отрезали языки, чтобы они не могли проболтаться о каком-нибудь секрете? Ну и чушь же лезет в голову... Посерьезнее, Алексей, будь посерьезнее.

— Я так думаю, что за всеми вышеперечисленными персонами придется установить скрытое наблюдение, — резюмировал следователь. — Включая и Алексея. Да, да, он вполне может стать мишенью этого маньяка. Единственная проблема, где нам взять столько людей?

— Ну, этот вопрос мы решим, — подал наконец-то голос оживший Тришин, и покосился на генерала.

— В общем, так, — обращаясь одновременно к Леонченко и Алексею, сказал Близнюк. — Вы как работали, так и работайте. А мои ребята будут все время рядом. Мешать они вам не станут, но и вы от них ничего не скрывайте. Договорились? Что же касается невинности тех, кого якобы Зиновий использовал... Думаю, до той поры, как мы поймаем

Хорькова (заметьте, он нам нужен живым) им придется все же побыть там, где они находятся в данный момент. Прокурор области в курсе, и возражения не принимаются.

В течение следующего часа прорабатывали план дальнейших действий.

Сошлись на том, что, прежде всего, нужно установить слежку за Рогозиным-старшим. Следуя элементарной логике (хотя не факт, что убийца ее будет придерживаться — кто же знает, что на уме у этого психа), можно было предположить, что, расправившись с детьми Сергея Федоровича, преступник теперь примется и за отца. Это уже два человека на объект.

Затем необходимо было найти следы тех троих, кто участвовал вместе с Рогозиным в изнасиловании матери Клеста, а уж потом взяться за их отпрысков. Хорошо еще, если они не разъехались по городам и весям великой и необъятной. А то ищи их по всей матушке-России. А то и в Америке какой-нибудь. Правда, ни Леонченко, ни Клест не рассчитывали, что их могут командировать в такую даль. Даже несмотря на всю важность дела.

На сегодняшний день Сергей Федорович ни с кем из той троицы контактов не поддерживал. Последний раз он совершенно случайно встретился с Дроздовым несколько лет назад на Центральном рынке. Пообнимались, выпили по парочке пива, за пивком поделились событиями из своей жизни. Об изнасилованной в юности девушке не вспоминали, словно и не было такого факта в их биографии. Потрясающее хладнокровие. В юности изнасиловали девушку, а потом обнимаются...

Витька пожаловался, что сын сидит на зоне, попался по пьяни на краже из магазина. Да и сам Витька в прошлом успел оттянуть семь лет за драку, повлекшую тяжкие телесные повреждения, опять же по пьянке.

Так что Дроздов пока исключался. Но Леонченко решил на всякий случай перепроверить слова Рогозина. Мало ли что...

Для начала следователю пришлось поднять из архива то самое дело по изнасилованию Татьяны Макаровой, в котором фигурировали фотографии подследственных, их подробные данные и адреса местожительства. Впрочем, за двадцать с лишним лет они вполне могли переехать.

Через пару дней Виктор подтвердил, что Сергей Федорович не врал:

— Действительно, Дроздов-младший по имени Валентин тянул срок на зоне, но этой весной освободился, благодаря протекции какого-то кореша с зоны нанялся в бригаду строителей, и уехал в Подмоскovie, в Пушкинский район, в поселок Мамонтовка, возводить коттеджи. Сейчас он там. У Олега Варицкого судьба не сложилась. После армии устроился водителем в автоколонну. Как-то повез в Краснодар цистерну со спиртом, машина опрокинулась и загорелась, Варицкий не смог из нее выбраться. Печальная история. Что касается Фокина, то...

Леонченко принялся крутить колесико "мышки", отслеживая информацию на экране монитора.

— Ага, вот он, Фокин Михаил Андреевич. В 1992 году попал с женой и дочерью в автокатастрофу. Фокин и его супруга погибли, выжила одна дочь. Правда, если верить материалам того дела, свидетелей аварии на глухой дороге не было, и девочке несколько часов пришлось провести в искореженной машине, которая улетела в посадки. По счастью, "Жигули" не загорелись. Когда дачники утром обнаружили останки автомобиля, кузов пришлось вскрывать автогеном. Девчонку ввиду отсутствия близких родственников определили в детский дом N 1.

— А дальнейшая ее судьба как сложилась?

— Ты слишком многого от меня хочешь, Алексей. Ну извини, не успел я отследить ее дальнейшую судьбу. Как раз этим и собирался заняться в ближайшее время.

Леонченко сделал вид, будто надулся, хотя Клест прекрасно знал, что это всего лишь маска. Все его обиды гроша ломаного не стоили, но следователь иногда любил демонстрировать, какой якобы тонкой и ранимой натурой он является. При этом — Алексей сам был тому пару раз свидетелем — на допросах Леонченко мог так напугать подследственного, что тот готов был признаться даже в том, чего не совершал, лишь бы поскорее избавиться от жуткого следователя.

— И как скоро ты примешься за девушку?

— Скоро, скоро, не волнуйся. Думаю, сейчас нужно заняться личностью Дроздова-младшего, — подвел итог Виктор. — Позвоню в Пушкино, тамошним коллегам, может, согласятся помочь, установят за Дроздовым наблюдение... Слушай, если уж на то пошло, то в чем-то с Хорьковым я солидарен. Те, с кем он расправился, никакой ценности для общества не представляли. Тоже глупость. Взять хоть бизнесмена... Я навел кое-какие справочки. Этот Рогозин был из породы дельцов типа купи-продай. Брал за одну цену, толкал вдвое, а то и втрое дороже. Спекулянт, одним словом. Про младшего, с неправильной сексуальной ориентацией, я и вовсе молчу. Да и Дроздов этот срок тянул, как ты догадываешься, не просто так...

— А моя мать?! Моя мать тоже ценности для общества не представляла?

Леонченко явно стусевался, и попытался оправдаться:

— Ну, я не ее имел в виду... Да что ты к словам придираешься, ты же понимаешь, о чем я!

— Да понимаю я тебя, понимаю. Только ты, наверное, все же забыл, что в конце этого скорбного списка должна появиться моя фамилия. Надеюсь, хоть цветов от тебя на могилку дождусь.

— Ну дурак! И шутки у тебя дурацкие...

Виктор вскочил и в сердцах принялся мерить шагами свой кабинет.

— Ладно, — пошел на мировую Алексей, — не суетись. Давай вернемся к нашим баранам...

И сам же поморщился от такого сравнения. Не хотел, а все равно получилось нехорошо.

— Кстати, что там с чекистами?

— А что? Янис с Петерсом в курсе всего, что я тебе сказал. Но свои делишки держат в секрете. Они копают параллельно, пропадают где-то целыми днями, однако делиться результатами не торопятся. Да я и не настаиваю, пусть их... Как говорится, меньше знаешь — лучше спишь.

Но на следующий день Леонченко пришлось отложить все дела. Позвонили из Пушкинс и сообщили, что буквально за несколько часов до установления наблюдения Валентин Дроздов найден обезглавленным на пилораме строящегося коттеджа. Тело пока находится в местном морге, ждут, когда за ним приедут родственники.

— Я больше чем уверен, что это дело рук Зиновия, — заявил Клест, когда Леонченко вызвонил его дома, стоящим в задумчивости у холста.

— Я тоже этого не исключаю, хотя тамошний патологоанатом уверен, что Дроздов просто напился и в таком виде свалился прямо на пилораму, где ему отрезало голову...

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Теперь еще и обезглавленный. Да этот Хорьков просто любитель изощренных убийств. Впрочем, его причастность к смерти Дроздова еще нужно доказать. Мало ли что...

— В общем, есть предложение нам смотаться на место, пока труп в морге судмедэксперизы. Я уже позвонил, попросил придержать тело, не выдавать пока родственникам. На командировку у прокурора я выклянчил, сумел убедить его, что это звено одной цепи. Мол, человек находился в разработке, и тут вдруг почему-то решил свалиться под лезвие пилы. Ну, так ты как, готов к поездке? Медлить нельзя, а то ведь на самом деле родственники заберут тело, приедем на пустое место.

— За сколько управимся? А то у меня заказчик...

— Я думаю, дня за два. Отправляемся сегодня вечером на девятичасовом, я уже и о билетах позаботился. Встречаемся на перроне в половине девятого.

— Хорошо, буду. Янис с Петерсом едут?

— Я предложил им, но они отмазались, мол, дела у них здесь. Ну и хрен с ними, без них обойдемся.

Из-за внеплановой поездки Алексею пришлось отложить свидание с Оксаной. По телефону извинился и, краснея (хорошо, что она этого не видела), соврал: мол, в Москве родственница чуть ли не при смерти, нужно срочно ехать. Оксана если и уловила в его голосе ложь, то виду не подала.

— Езжай, конечно же... Я бы на твоём месте даже не извинялась.

Из дома он вышел около восьми. И столкнулся на выходе из подъезда с чернявенькой девицей в легкомысленной маечке с какой-то загадочной инсталляцией из страз. Причем, судя оп торчавшим сквозь ткань соскам, девушка предпочитала обходиться без бюстгальтера. Незнакомка тут же навела на него объектив небольшого цифрового фотоаппарата.

— Эй, вы кто? — спросил Клест, пытаясь заслониться от объектива.

— Я та самая Ольга Кочарян из "Приволжских вестей", — как ни в чем не бывало, ответила девушка, убирая камеру. — Надо думать, что это вы пожаловались чекистам, которые посоветовали мне вас не трогать. Однако я девочка настырная, и вот я здесь...

— Послушайте, настырная девочка, — едва сдерживая рвущееся наружу негодование, процедил Алексей. — Я вам камеру-то сейчас разобью, а вас сдам в ближайшее отделение РОВД. А потом еще иск впарю и вам, и вашей газетенке. Вы что, этого хотите?

— Безусловно, вы вправе это сделать, но я собрала немало информации о вас, и она документально подтверждена...

— Кем?

Ольга закусила губу, кажется, впервые за время разговора почувствовав себя неловко. Наконец выдавила:

— Я не имею права разглашать свой источник информации. Но если мы ее опубликуем — это будет настоящая бомба. Просто мне хотелось услышать все из первых уст. А, кроме того, мы могли бы договориться, что можно публиковать, а от чего лучше воздержаться. В крайнем случае, поставили бы во главу угла ваши творческие способности как художника, а паранормальные стали как бы побочным эффектом. Ну, так как?

— Никак!

Он развернулся и быстро пошел прочь. Журналистка даже не попыталась его догнать. Проводив несостоявшегося героя публикации грустным взглядом, девушка достала из пачки сигарету и жадно затянулась. Задумавшись, она не обратила внимания на появившуюся из того же подъезда прихрамывающую фигуру...

Ровно в половине девятого Клест был на вокзале. С собой взял только самое необходимое. Леонченко припозднился на десять минут, сослался на плотный рабочий график. Домой успел заскочить всего на пару минут.

За несколько минут до отъезда пошел дождь. Виктор заметил, что согласно примете дождь в дорогу к удаче. Когда за окном проплывал перрон, Алексею показалось, что он увидел на нем две одинаково одетые фигуры, стоящие под одинаковыми черными зонтами. Но в следующее мгновение те растворились в толпе провожающих.

— Черт, надо же, — пробормотал он, — теперь еще и эти близнецы мерещатся.

Их соседями по купе оказались весьма упитанный священнослужитель и молоденький служка лет пятнадцати, резво запрыгнувший на верхнюю полку. Немного помедлив, Алексей тоже забрался наверх, благородно уступив Леонченко нижнюю полку.

Спать не торопились. Отец Серафим — как представился батюшка — оказался весьма словоохотливым. К тому же, чтобы разговор тек веселее, извлек из своего баула большую бутылку кагора, жареную курицу, вареные яйца, огурчики с помидорами и каравай хлеба.

— Знакомство нужно отметить, — басовито изрек отец Серафим. — Прошу всех к столу.

— Так сейчас же вроде пост, — немного смущенно заметил следователь.

— Пост не пост, а пища в рост, — замысловато ответил священник и шлепнул по руке

своего служку, потянувшегося было за стаканом:

— Мал еще вино алкать, отрок. Видишь, три стакана, значит, на тебя не разливали. Для тебя чай закажу у проводницы, а пока можешь перекусить со всеми. Ну, дай Бог удачной дороги!

Батюшка перекрестился, одним глотком опрокидывая в себя содержимое стакана, занюхал кусочком хлеба и принялся отщипывать от курицы крылышко. Немного помедлив, Алексей и Леонченко тоже влили в себя приятную на вкус жидкость, после чего с аппетитом набросились на закуску.

— Если не секрет, по какой нужде в Москву? — через несколько минут поинтересовался раскрасневшийся следователь у отца Серафима.

— На архиерейский собор едем, пред светлые очи Патриарха. Должен был архиепископ ехать, но занемог Владыка, пришлось мне в путь собираться. Иннокентий просветил меня, сказал, что говорить, ежели ответ держать придется перед Патриархом. Ну, чай, и сам не дурак, соображу, что молвить, прости Господи мя грешного.

Батюшка вновь истово перекрестился, затем хитро посмотрел на соседей:

— А у вас что за дело? Вижу, люди вы серьезные, просто так, небось, в столицу не поедете, видами любоваться.

Леонченко словно и ждал, чтобы выпалить заготовленную заранее версию, о которой даже Клест не догадывался:

— Да товарищ у нас в Подмосковье коттеджи строит, служили вместе, вот едем его навестить. Денек-другой погостим — и обратно.

За разговорами время пролетело незаметно. Спать легли около полуночи. Алексей под размеренный стук колес отключился практически сразу. Ему снилась мать. Такая, какой он ее помнил, уходя в армию. Босая, в белой сорочке, она стояла посреди поля, над которым клубился легкий туман, и улыбалась Алексею немного грустной, доброй улыбкой.

— Мам, я так по тебе соскучился, — сказал он, подходя и глядя ей в глаза.

Мать молча провела холодной ладонью по его щеке, и он заметил, как в уголке ее глаз набухают слезы. Он хотел сказать маме, чтобы она не плакала, с ним все хорошо, у него замечательная девушка... Но тут слезинки покатались вниз по ее щекам, из прозрачных становясь темно-красными.

Алексей испуганно отшатнулся, и образ матери растаял вместе с туманной дымкой, еще мгновение назад покрывавшей поле. Теперь он стоял на огромном плато, вокруг которого в багровом пламени заката вздымались темные пики гор. Именно темные, а не снежно-белые, и уже от этого внутри Клеста затаилось тревожное предчувствие.

— Ну что, поговорим, брат?

Он обернулся на голос, и увидел ЕГО. Сводный своим видом немного напоминал Иисуса. Зиновий был одет в иссиня-черное рубище, из-под низкого подола выглядывали босые ступни, а длинные, спутанные волосы ниспадали на плечи. В правой руке он держал посох, а левой откинул со лба темную прядь. Их взгляды встретились, и Алексей невольно отпрянул, словно получив невидимый толчок в грудь.

— Тебе не сломить меня.

Он шагнул вперед.

— Ты убил мою... нашу мать, на твоей совести еще несколько смертей, но что ты будешь делать, когда расправишься со всеми? Если, конечно, мы не остановим тебя раньше... Убьешь меня? И ты этим удовлетворишься? Я понял, что ты за существо, и думаю,

что простое убийство тебя вряд ли удовлетворит. Но если ты хочешь, чтобы я молил тебя о пощаде — этого ты не дождешься!

Зиновий снисходительно улыбнулся, словно вел диалог с малолетним несмышленьшим:

— Нет, ты меня не понял, брат. Что уж говорить, если даже я сам себя не до конца понимаю. Но цель мою разгадал! Хотя проку от этого... Я буду убивать тех, кто сделал меня таким, после того, как расправлюсь с их ублюдками, я буду убивать твоих друзей, которые тебя окружают, а на закуску я оставлю тебя. И ты мне не сможешь помешать, я слишком серьезный соперник для тебя. Да, ты можешь противостоять моему дару овладевать чужим сознанием. Это редко встречается, но ты ведь тоже не такой, как все. Но это наяву. А здесь, в мире твоих снов, я полновластный хозяин твоих мыслей. Что, не веришь? Ну, тогда попробуй что-нибудь со мной сделать, испепели меня огнем своих глаз, разорви на части, в конце концов... Что, даже попытаться боишься? А я не боюсь. Нет, я не буду тебя убивать, твое время еще не настало. Но ты испытываешь такую боль, что смерть покажется тебе самым желанным, что может быть в этом мире.

Зиновий сделал движение посохом, и голову Клеста будто сжало железным обручем. Он схватился за невидимую полоску металла, пытаясь ее разогнуть, но обруч сжимался все туже... Алексей почувствовал, как из носа и ушей течет кровь, но это казалось ему сущей ерундой по сравнению с тем, какие адские муки он испытывал. Казалось, голова сейчас просто лопнет, словно спелый арбуз...

— Ай-я-яй, вот беда-то...

Клест открыл глаза, еще не соображая толком, где он и почему вокруг так темно. Увидел на уровне своего живота чью-то голову в обрамлении густой бороды. Батюшка тревожно хмурился:

— А мне вот не спится, у меня всегда в поезде бессонница. Слышу, кто-то стонет, поднялся, гляжу — ты, да еще и юшка из носа и ушей течет. Давление небось повышенное, угадал? Хотя молодой еще вроде... На-ка, возьми вот платок, утрись. А еще лучше, сходи в туалет, умойся.

Алексей кое-как спустился вниз. Леонченко и юноша-служка мирно посапывали под стук колес. Да, если бы не бессонница отца Серафима, глядишь, так и помер бы во сне от кровопотери. Хотя вряд ли. Зиновий же хотел его лишь испугать. Или проучить, что в принципе одно и то же.

Когда вернулся из туалета, попал под пристальный взгляд бабушки:

— И часто это с тобой?

— Что?

— Ну, припадки ночные с кровоизлияниями?

— Первый раз. Нет, честно, никогда такого еще не было. На давление никогда не жаловался. Какая-то ерунда приснилась, уже и не помню, какая. Надо будет по возвращении врачу показаться.

На самом деле Алексей прекрасно помнил свой сон, но не стал признаваться в этом священнику. Чем тот мог помочь? Молитву разве что прочитать, да святой водой окропить. Только не верил он во все эти чудеса. Так зачем еще вмешивать сюда посторонних?

Рассудив так, он снова забрался на верхнюю полку. От испачканной кровью наволочки пришлось избавиться. Но теперь он боялся уснуть. Ему было по-настоящему страшно. Алексей лежал на животе, вслушивался в мерный перестук колес, глядел на мелькавшую между облаков луну, тускло освещающую бескрайние поля, и думал о том, что ввязался в игру, победитель в которой может быть лишь один. Либо он, либо Зиновий. Третьего не дано.

И все же его сморило. Когда Клест проснулся — за окном светило солнце. Состав подъезжал к столице.

О ночном происшествии больше ни Клест, ни отец Серафим не обмолвились ни словом. Хотя Алексей, конечно же, не мог забыть того, что пришлось пережить ему этой ночью. Он постоянно чувствовал присутствие Зиновия. Не исключено, что тот находится сейчас в толпе спящих по перрону пассажиров и следит за ним. В какой-то момент он вздрогнул, увидев среди разношерстной массы длинноволосого субъекта. Однако это оказался обычный хиппи, прижимавший к себе футляр из-под гитары.

На площади трех вокзалов с бабушкой и его юным спутником душевно попрощались, после чего Клест и Леонченко отправились на Ярославский, где пересели на электричку до Пушкино. В электричке он написал SMS-сообщение Оксане. Мол, с родственницей все нормально, оклемалась, и умирать пока не собирается. Завтра возвращается домой. Через

несколько минут получил ответ:

"Рада, что все обошлось. Люблю, целую и жду, Оксана!"

Уже во второй половине дня они, наконец, переступили порог местной прокуратуры.

— Это вы по поводу Дроздова?

Навстречу им из кресла поднялся непомерно упитанный помощник прокурора. Протянул пухлую, потную ладонь и представился:

— Завальнюк, Лев Эдуардович. Присаживайтесь, я вам сейчас все материалы по Дроздову дам.

Признаваться в том, что они ехали исключительно ради того, чтобы Алексей смог просканировать покойника, не стали. Леонченко добросовестно прочитал не очень пухлое дело, прихлебывая предложенный хозяином чай. Алексей выбрал кофе, без сахара и сливок. На закуску Лев Эдуардович предложил хворост, выпеченный из слоеного теста, не без гордости сообщив, что это произведение рук его супруги, Таисии Васильевны. Неудивительно, что у такой хлебосольной жены был столь упитанный муж.

— Если не секрет, чем вас все же это дело так заинтересовало? — спросил Завальнюк, когда следователь закончил читать.

— Да проходит этот Дроздов у нас по одному делу... Вернее, проходил. И то косвенно, скорее как свидетель. Если можно, расскажите все, что успели выяснить.

— Работал погибший плотником в бригаде, возводившей коттеджи. Не элитные, но по цене достаточно приличные. Ну и получал соответственно. По словам товарищей, выпивал не больше, чем остальные, в основном по воскресеньям. В других бригадах вообще сухие законы, а у них еще ничего, не перегибали палку.

В общем, той ночью Дроздов почему-то оказался на передвижной пилораме. Включил пилу, сунул голову... Народ и насторожился, услышав, как пилорама заработала. Вроде как на ней никого не было. Прибежали, а там Валентин Викторович без головы. Вот, в принципе, и вся история, если вкратце.

— А что могло стать причиной столь вызывающего поступка? Несчастливая любовь, повздорил, может быть, с кем-то, или просто человек был склонен к депрессии?

— Ничего такого за ним не водилось. Но это, по словам его же товарищей. Кто знает, возможно, что-то такое и было, о чем никто и не догадывался.

— Кстати, никто не видел в районе гибели Дроздова подозрительного человека, с длинными волосами, прихрамывающего, — спросил Алексей.

Помощник прокурора на минуту задумался:

— Что-то не припомню, чтобы кто-нибудь о таком упоминал. Если это так важно, можно будет еще разочек народ опросить.

— Если не трудно, сделайте милость, — вклинился Леонченко. — Кстати, посмотреть тело можно?

— Отчего же, голову уже пришили, завтра отправляют на родину. Покойник лежит в морге судебно-медицинской экспертизы. Хотите сейчас? Бога ради, время пока только пять, кто-то там еще должен быть. К тому же я на колесах.

"Колесами" Завальнюка оказался... джип "Тойота" последней модели. Алексей с Леонченко переглянулись, но ничего не сказали, покорно усевшись на заднее сиденье. Похоже, служба в прокурорских органах Подмосковья была довольно прибыльным занятием.

На месте оказались через пятнадцать минут. Вокруг приземистого здания с облупленной штукатуркой на стенах витал сладковатый запах и, словно бомбардировщики,

не торопясь барражировали жирные зеленые мухи. Когда одна из них по-хозяйски уселась Клесту на щеку, тот с отвращением согнал падалицу прочь. Все это напомнило Алексею эпизод, когда они опять же с Леонченко приехали поглядеть на труп посаженного на кол гомосексуалиста. Такой же запах, те же мухи, да и морг был чем-то похож.

С помощью Завальнюка они проследовали к главврачу, который, по счастью, оказался на месте, и тот дал команду проводить посетителей к телу. Честно говоря, Клест рассчитывал увидеть нечто более ужасное, чем то, что предстало их взорам. Погибший — небритый мужчина лет тридцати — выглядел очень даже прилично. А может, просто патологоанатомы постарались, приводя его в божеский вид. Швы на шее были почти незаметны, а лицо покойника выглядело как-то очень уж умиротворенно, словно он спал.

— Ну что?

Виктор вопросительно глянул на товарища. Алексей кивнул, закрыл глаза, сосредоточился и приступил к делу.

— Вывод такой: Зиновий завладел сознанием Дроздова, направился на пилораму, лег под пилу, и освободил несчастного как раз в тот момент, когда выбираться из-под ножовки было уже поздно. Знаешь, малоприятное ощущение, когда в твою шею входит туповатое полотно. Одно хорошо — шейные позвонки оказались относительно быстро перепиленными, и бедняга мучился недолго.

Эту историю Алексей поведал Леонченко, когда хотя они распрощались с гостеприимным Завальнюком. Хотя в реальности дело обстояло немного по-другому. Однако на этот раз, наученный горьким опытом, он решил не подставлять ни в чем не виноватого коллегу Дроздова, действиями которого управлял Хорьков.

Плотник (он же Зиновий), бывший чуть помоложе Валентина, сказал тому вечером, что в полночь у него свидание на пилораме с барышней из соседней деревушки. Но та обещала привести с собой подругу, потому как одна боится гулять в такое время суток. А если Дроздов пойдет с ним, то и для подруги найдется дело, тем более, по описанию товарки, она собой весьма даже ничего. Главное, чтобы никто, и в первую очередь бригадир не пронюхал о полуночном свидании. Вот и отправились они без пяти двенадцать на пару, как бы искать большой и светлой любви.

На пилораме плотник оглушил Дроздова, привязал его к доске, сунул в рот кляп, и когда тот очнулся, нажал на "Пуск". Несчастный так и не понял, за что его казнил хороший друг, тем более непонятными оказались слова, услышанные беднягой за мгновение до того, как холодная сталь вошла в его плоть. В смысле этих слов разобрался лишь Алексей, поскольку именно ему они и предназначались.

А нечаянный убийца, сделав дело, обставил все так, словно Дроздов сам покончил с собой. После чего спокойно отправился на боковую. Правда, у самого входа в барак его встретил вышедший на улицу по малой нужде бригадир, но особого подозрения гуляющий ночью подчиненный у него не вызвал. Главное, чтобы со стойки ничего не пропало, да график почем зря не нарушали.

Сейчас они стояли на перроне местной станции, поджидая электричку до Москвы. На предложение Льва Эдуардовича разделить с ним кров и вечернюю трапезу гости ответили отказом, хотя и поблагодарили за предложение. Сослались на то, что по делам им необходимо как можно быстрее вернуться домой.

Что же касается вопросительных взглядов Завальнюка в то время, когда Клест занимался сканированием, то Леонченко шепотом разъяснил манипуляции напарника следующим образом:

— Мой коллега, подрабатывающий психотерапевтом, апробирует новый метод, который недавно стали применять на Западе. Он называется "Зарядка от покойника". Якобы в момент смерти жертва посылает сильнейший электромагнитный импульс, который еще несколько дней блуждает по остывшему телу. Не исключено, что Алексей увидит образ убийцы, если это все же было не самоубийство.

В принципе, то, что делал Клест, было недалеко от рассказанного Виктором. Интересно, станет ли заинтригованный Завальнюк испытывать этот метод после того, как

необычные визитеры покинут его вотчину? Если, конечно, он ощущает в себе задатки психотерапевта...

Как бы там ни было, когда Алексей закончил возню с покойником, помощник прокурора посмотрел на него так, словно увидел перед собой самого Вольфа Мессинга. Впрочем, Клесту было не до глупого позерства. Как обычно после сеанса сканирования, он чувствовал себя совершенно разбитым и выжатым, словно лимон.

Сейчас, на перроне, под порывами свежего вечернего ветра, он немного пришел в себя, и даже согласился перекусить с Виктором в небольшой кафешке, уютившейся неподалеку. Выпили кофе с весьма гадким привкусом и закусили пончиками, оказавшимися, на удивление, свежими и вкусными. Леонченко предлагал накатить по "соточке", но Клест отказался. В итоге его товарищ после недолгих колебаний опрокинул рюмку в одиночестве. Радости ему это не доставило, поскольку водка оказалась не лучшего качества.

— Вот и будет страна в дерьме до тех пор, пока такую водку на прилавки ставят, — морщась, возмущался Виктор. — Сами себя травим, а после удивляемся, почему нация вырождается. Если так и дальше дело пойдет, то через пятьдесят лет больше половины населения России будут составлять китайцы. Вот те молодцы, вот у кого нам учиться нужно...

— Что это тебя на философию пробило?

— Да ну их... Зла иногда не хватает. Кстати, через десять минут наша электричка, пойдем-ка на перрон.

В Приволжск они прибыли на рассвете следующего дня. Родной город встретил хмурым небом, с которого того и гляди что-нибудь да прольется. Однако, пока Алексей добирался до дома, утреннее солнце разогнало тучки, и вместе с ними ушло плохое настроение, сопровождавшее его в последнее время.

Дома Клест принял душ, поставил Джерри Ли Льюиса, и под бодрый рок-н-ролл легко позавтракал. Затем, прикинув, что Оксана уже наверняка проснулась, позвонил ей домой. Та моментально подняла трубку:

— Привет! Ну как ты?

— Родственница оклемалась, так что зря съездил, — соврал Алексей. — Сильно без меня скучала?

— Он еще спрашивает! Похоже, я втюрилась в тебя, как школьница. Надеюсь, ты не станешь злоупотреблять моими чувствами?

— Ага, обязательно употреблю их во зло тебе, себе на счастье. Кстати, сегодня вечером я свободен. Мы могли бы провести этот вечер вместе.

— Ой, Лешенька, у меня сегодня весь день под завязку забит...

— Ну тогда, может быть, завтра?

— И завтра не могу, на вечер запланирована встреча с клиентом. Помнишь, я тебя говорила про чудака, который хочет заказать рекламу своему похоронному бюро? Он назначил мне встречу, будет показывать свое хозяйство... Чего хихикаешь, это не то хозяйство, про которое ты подумал. В общем, придется на Ново-Восточное кладбище ехать к семи вечера, он там меня ждать будет. Я бы и рада отказаться, но для нашего агентства он очень уж солидный клиент. Да и мне, само собой, перепадет.

— Жаль, — вздохнул Клест. — Придется провести два вечера в тоскливом одиночестве. С надеждой на светлое будущее.

— Будет светлое будущее у нас еще, Лешка, точно говорю, будет. Вот разгребусь с этим

заказом, и возьму отпуск. Два года не отдыхала, деньги зарабатывала, все в семью, как говорится. А у тебя, вольного художника, бывают отпуска?

Действительно, когда он последний раз позволял себе расслабиться? Если, конечно, не считать поездку на дачу к Пашке, где он и познакомился с Оксаной, да визит в деревню к тетке.

— Честно говоря, даже затрудняюсь припомнить, — с легким стыдом признался Клест. — Слушай, давай уж проведем этот отпуск вместе. Возьмем твоего Митьку, да и рванем куда-нибудь подальше.

— А что, я бы с удовольствием. Только, честно, не очень хочется банальщины типа Черного моря. Уж лучше тихий санаторий в средней полосе, затерянный где-нибудь в сосновом бору. Пусть даже нашими соседями будут ворчливые старики.

— Между прочим, неплохая идея. С этого дня начинаю обзванивать турагентства. Надеюсь, у них есть варианты поинтереснее, чем поездка в страны средиземноморья, или отдых на курортах России. К слову, когда мы все-таки с тобой увидимся? У меня в понедельник выходной.

— Тогда в понедельник вечером. Ок?

— Договорились.

Так, свидания в ближайшее время отменяется. Чем заняться? Может, все же попробовать наконец-то добить "Лето", которое так ждет неведомый заказчик...

Взъерошив на голове волосы, подошел к холсту, задумчиво посмотрел на неоконченное полотно. В голове что-то промелькнуло. Пытаясь удержать быструю мысль, схватил палитру и кисти, но в этот момент его настиг голос Клавы:

— Хозяин, тебе письмо.

Ну надо же, как не вовремя! Как специально подгадала. Хотел проигнорировать, однако понял, что мысль упущена, и в голове снова пустота. Чертыхнувшись, Алексей направился к компьютеру, где с экрана монитора призывно улыбалась Клава с лицом юной Шэрон Стоун.

Клест щелкнул мышкой, открывая ящик. И тут же кровь бросилась ему в голову. Письмо было от Кукловода:

"И кто касался тела его или заговаривал с ним — тут же лишался жизни..."

Как и в первый раз, к письму была прикреплена фотография.

"Опять он, опять этот ублюдок! Неужели он еще кого-то..."

Алексей долго сидел перед монитором, не решаясь открыть картинку. Наконец, глубоко вздохнув, словно перед погружением в воду, щелкнул мышкой...

Он узнал ее по темным волосам и этой дурацкой майке со стразами. Рот несчастной журналистки оказался распорот почти до ушей, обнажая казавшиеся неестественно белыми зубы. Глаза были на месте, однако веки отсутствовали, и от этого создавалось впечатление, будто девушка взирает на мир с нескрываемым удивлением...

Твою мать! Алексей в сердцах треснул кулаком по столу. Зачем он ее-то убил? Или он просто убирает всех вокруг него, Алексея Клеста? Иначе как еще интерпретировать ту единственную фразу в письме: "И кто касался тела его или заговаривал с ним — тут же лишался жизни..."

Но это уже вообще выходит за рамки разумного! Раньше, несмотря на весь ужас происходящего, действия Кукловода поддавались хоть какой-то логике. Если, конечно, не считать случай с бандитской разборкой, но даже там прослеживалась мысль. Здесь же он расправился с девчонкой, которая только и хотела, что написать о нем статью.

Алексей взял со специальной подставки в виде раскрытой ладони трубку сотового телефона и набрал номер Леонченко. В двух словах рассказал ему о письме и фотографии.

Тот тоже матюгнулся.

— Вот ублюдок! Несчастливая девочка... Думаешь, он специально уничтожает всех, кто с тобой контактирует? Если это так, то у нас просто не хватит людей, чтобы обеспечить безопасность всех твоих родных и знакомых. Куда же нам их девать-то, а?

Наступила пауза, в трубке слышалось сопение Леонченко.

— Ни хрена у нас не выходит его поймать! — наконец продолжил следователь. — Все время опаздываем. Да и прибалты эти, Янис с Петерсом... Я не понимаю, зачем они здесь вообще?! Толку от них совершенно никакого.

Виктор разорвался еще минуты две. Наконец, немного успокоившись, вздохнул:

— Ладно, давай займемся твоей журналисткой. Перешли мне фотографию, а я пока позвоню в редакцию "Приволжских вестей". Если там не знают, где она может быть, придется обзванивать морги. Хотя, не исключено, что она до сих пор лежит где-нибудь в кустах, а то и вовсе в мешке на дне реки.

Как выяснил Леонченко, в редакции ничего не знали о том, что случилось с их корреспондентом. Ольга пропала два дня назад. Но поскольку, будучи вольным художником, она нередко исчезала на несколько дней и даже недель, никто не стал бить тревогу.

В морги тоже ничего похожего не поступало. Оставалась надеяться, что просмотр фотографии даст хоть какой-то результат. Леонченко тут же пригласил Чикатило, который на счастье оказался трезв, как стеклышко.

Совцов принялся обрабатывать фотоснимок в специальной программе, напряженно вглядываясь в монитор.

— Фото было сделано без вспышки в светлое время суток, скорее всего вечером или утром, если судить по тени, отбрасываемой покойной, — не отрываясь от своего занятия, бормотал Чикатило. — Журналистка лежит на земле, рядом травка, но уже сухая, какой-то мусор... Ну-ка, посмотрим повнимательнее, что это за мусор такой. Та-а-к, обрывок газеты, текст хрен прочитаешь, обертка от "Сникерса"... А вот это уже интересно.

— Что там? — одновременно выдохнули Клест и Леонченко, еще ближе склоняясь к экрану, обступив криминалиста с двух сторон.

— Вот, следите за курсором, рядом с головой трупа осколок зеркала или стекла. А в нем, если присмотреться, угадывается отражение купола какого-то храма. Я прав, господа?

— И точно, Чика... пардон, Степаныч, — тут же поправился следователь, заслышав глухое рычание эксперта. — Вон, маковка, на ней крест, только непонятно, позолоченный или вообще деревянный.

— Так что, други мои, придется вам объехать городские храмы и часовни, и не исключено, что и пригород тоже, — сказал Совцов, откладывая в сторону лупу. — Не думаю, что беднягу уволокли очень уж далеко. Впрочем, не факт, что преступник оставил тело там, где его сфотографировал. Вдруг он настолько хитрый, что специально положил рядом с покойницей зеркало, и под таким углом, чтобы в нем отражался купол храма...

— Ну ты уж загнул, Степаныч, — недоверчиво ухмыльнулся Леонченко. — Это ж какими мозгами нужно обладать, чтобы так все продумать!

— Э-э, брат, на моей памяти такие фрукты попадались, не чета твоему. Вот, помню, году в 77-м...

— Степаныч, давай воспоминания оставим как-нибудь на следующий раз. Соберемся,

посидим за бутылочкой... А пока спасибо за помощь, нам нужно работать.

Первым делом Леонченко подал запрос на выделение нарядов и прочесывание местностей вокруг всех городских "объектов религиозного культа", уточнив, что его интересуют только христианские храмы. Однако необходимость в этом отпала сама собой. Тело журналистки нашлось и без участия органов правопорядка. Причем возле находящего недалеко от дома Алексея Успенского храма. Автором страшной находки стал местный бомж, который в перерыве между сбором милостыни на паперти отошел в кусты справить малую нужду. Кочарян лежала буквально в двух шагах от ведущей к храму дороги. Просто удивительно, что до этого на нее никто не наткнулся.

— Сканировать будешь? — спросил Виктор, когда они приехали в морг и стояли у каталки, на которой лежало, накрытое простыней, тело несчастной журналистки.

— А надо? — ответил вопросом Клест. — По-моему, здесь и так все ясно. А удовольствия от сканирования, честно скажу, никакого, последние нервы оставишь.

— А если он опять какое-нибудь послание передал?

— Хм, ну если только послание...

Впрочем, ничего полезного сканирование не дало. На этот раз маньяк подкараулил девушку, которая ходила в храм по какой-то журналисткой нужде, оглушил, ударив чем-то тяжелым по голове, и оттащил подальше в кусты, где задушил несчастную и уже мертвую обезобразил.

Уже на выходе из морга Леонченко сказал:

— Жалко журналистку. Мне в редакции сказали, что у нее девочка растет, без отца, ей всего три года. Теперь бабушке придется внучку в одиночку на себе тащить.

А Клест запоздало подумал, что если бы он согласился пообщаться с Ольгой, возможно, все могло бы сложиться по-другому. Хотя, одернул он себя, Зиновия это не остановило бы, он все равно нашел бы способ расправиться с несчастной.

Ночь превратилась для него в один длинный видеоряд кошмарных сновидений. Несколько раз во сне всплывала журналистка Кочарян с изуродованным лицом. Она с укором смотрела на него и ничего не говорила. Наверное, оттого, что рот ее был крепко заштопан суровыми нитками.

Проснувшись под утро в холодном поту, Алексей первым делом забрался под холодный душ, прогоняя бесплотных призраков. Ледяная вода сделала свое дело. Из ванной он вышел совершенно другим человеком; посвежевшим, и даже немного голодным. Отжавшись пятьдесят раз на кулаках, с удовольствием позавтракал яичницей-глазуньей, легким салатом из свежих огурцов и помидоров, запив все это стаканом холодного молока.

До обеда Алексей работал над незаконченным холстом. Работа была почти готова, оставалось всего несколько штрихов.

А затем случайно брошенный на отрывной календарь взгляд заставил его вздрогнуть. 9 августа... День смерти матери. По иронии судьбы она похоронена на Ново-Восточном кладбище, как раз там, куда этим вечером направляется Оксана. Каждый год в этот день он навещал могилу матери, а по весне ездил на могилу отца, который тоже покоился на Ново-Восточном, только на более старом участке. В этом году он побывал на могиле отца, привел захоронение в божеский вид, а про мать едва не забыл.

Стал одеваться, прикидывая в уме, где можно поблизости купить цветы. Сообразив, что ближе Центрального рынка цветов не найти, решил купить прямо на кладбище. Недалеко от входа, насколько он помнил, всегда стояли бабульки с живыми и искусственными букетами. Искусственные, конечно же, он брать не собирался, матери он всегда приносил только живые.

Уже через час Алексей был на кладбище. Не торгуясь, купил букет лилий, и сжимая их в руке, побрел по тихим, тенистым аллеям. Мать лежала на новом участке, под простеньким памятником. Давно уже пора поставить другой, более приличный, но все что-то не доходили руки. А надо бы уже наконец заняться, тем более что за последнюю халтуру партнер по бизнесу принес ему неплохие деньги. Вот сейчас навестит мать, и пойдет в находившуюся при кладбище мастерскую оформлять заказ. Разве что аванс попросят, а у него с собой всего пара тысяч "деревянных". Может и не хватить. Ну хотя бы пока обмозгуют эскиз памятника.

Кстати, через несколько часов Оксанка тоже сюда придет. Где-то здесь должна находиться та самая фирма, чей руководитель заказал рекламу в ее агентстве. Может, дождаться ее, а потом проводить домой? Правда, что он столько времени будет делать на кладбище или в его окрестностях... К тому же, Оксана придет сюда по делам, и вполне может стать, что он своим присутствием, пусть даже и ненавязчивым, ей помешает. Нет уж, лучше лишний раз глаза Оксане не мозолить. Договорились на понедельник — значит, в понедельник.

Щурясь от яркого солнца, он прошел по аллее, свернул направо... Могила матери находилась чуть в глубине, за последние годы вокруг выросло немало новых памятников. Впрочем, ориентир имелся приметный — шикарное надгробие какого-то то ли бизнесмена, то ли криминального авторитета, погибшего от руки бандитов. Надпись на плите так и

гласила:

"Бандитская пуля сразила тебя,
Отважное сердце пробила,
Но мы все равно отомстим за тебя,
Мы правы, за нами и сила!"

Да уж, автор этого четверостишия явно не Пушкин, и даже не Роберт Рождественский. Так он думал каждый год в этот день, проходя мимо мраморного исполина. Хотя, если бы эту эпитафию мог прочитать покоившийся здесь убиенный, наверное, ему бы понравилось.

А вот и могила матери... Во всяком случае, она здесь была раньше. Теперь же на месте простенького памятника возвышалось настоящее гранитное надгробие, обнесенное ажурной кованой оградой.

Чувствуя, как кровь бухает в висках, Алексей приблизился к могиле с такой осторожностью, словно та была заминирована. На плите был выгравирован портрет матери, указаны ее фамилия, имя, отчество, дата жизни и смерти. А также еще кое-что, чего хватило, чтобы повергнуть Алексея в состояние шока.

Он подошел вплотную и, словно не веря своим глазам, провел пальцем по выгравированной надписи:

"Ты дала мне жизнь, но породила зло, которое будет мстить".

Для постороннего эта фраза представлялась бы полной загадкой, а вот ему, Алексею Клесту, она говорила о многом.

Он присел на резную скамеечку, не в состоянии прийти в себя. В том, что это дело рук Зиновия, он почему-то не сомневался. Памятник наверняка обошелся в весьма кругленькую сумму... Впрочем, для Хорькова с его талантом достать деньги, наверное, не проблема. Он легко, к примеру, запросто может завладеть сознанием любого человека, вплоть до директора банка, и перевести на свой счет любую сумму.

Кстати, надгробие наверняка делали в какой-нибудь ритуальной конторе. При желании найти эту фирму будет не так уж и трудно. Хотя, в общем-то, нужно ли ему теперь это? Нет, он все же должен увериться в своих подозрениях. А начать можно прямо с этого кладбища, с местной мастерской по изготовлению памятников из гранита и мрамора.

На удивление ему повезло практически сразу. В огромной мастерской, разделенной на два помещения, делали и надгробия, и гробы, так что в воздухе витала вязкая смесь запахов сосны и каменной пыли. И это, не считая жуткого шума, производимого деревообрабатывающими станками и пилами для резки и шлифовки камня. Мастерская работала до шести вечера, так что у Алексея в запасе оставался еще целый час.

На Клеста никто не обратил внимания. Поразмыслив, он направился к пожилому мастеру, кутившему на лавочке в дальнем углу цеха.

— Памятник заказывать? — хрипло спросил тот, смерив незнакомца оценивающим взглядом.

Наверное, прикидывал, на сколько тот способен раскошелиться.

— За меня это уже кто-то сделал, — громко, чтобы мастер его услышал, ответил Алексей. — Вот я и хочу узнать, не ваших ли это рук дело?

Когда до камнереза дошло, чего от него хочет посетитель, он жестом пригласил того следовать за собой. Подвел к столу, на котором в беспорядке были разбросаны костяшки домино, бесцеремонно отодвинул их в сторону, а на освободившееся место водрузил потрепанный журнал.

— Как, говоришь, фамилия матери? Клест? Интересная фамилия. А время, когда примерно был сделан заказ? В течение последних месяцев? Сейчас глянем в наших архивах.

Пока мастер листал страницы скорбного фолианта, Алексей прикидывал, сколько же таких контор по городу? Десятка два, поди, не меньше. А если памятник был сделан в другом городе?

— Вот, нашел!

Его размышления прервал бодрый голос мастера, ткнувшего пальцем в корявую надпись. Наверное, он только и разбирал эти каракули.

— Клест, Татьяна Леонидовна. Она? Заказ был сделан всего месяц назад. Заказчик — Иванов Петр Андреевич. Родственник твой?

Никого с такой фамилией Алексей не помнил, но на всякий случай кивнул:

— Ага, точно, это же ее двоюродный брат! А кто выполнял заказ?

— И это можно посмотреть... Вовка Карташев делал, вон он, как раз какому-то профессору памятник работает. А что, что-нибудь не так?

— Да нет, отличный памятник, не волнуйтесь. Просто хочу задать пару вопросов.

Пришлось похлопать Карташева по плечу, поскольку в специальных наушниках он обращения к себе не слышал.

— Как же, помню я этот заказ, — признался он. — Я почему запомнил — фамилия, во-первых, чудная, а во-вторых, заказчик мне показался каким-то не от мира сего. Так смотрел — что мне хотелось поскорее от него отделаться.

— А как он выглядел?

— Волосы у него длинные, в хвост собраны, и прихрамывал он, кажется, на одну ногу. А так вроде больше ничего необычного. А что случилось-то? — повторил тот вопрос мастера.

— Нет, все нормально. Спасибо...

Теперь у Алексея не оставалось никаких сомнений по поводу того, кто же на самом деле был заказчиком памятника его матери. Выходит, не только его... Мог бы и не ходить, все было ясно заранее.

Интересно, что двигало Зиновием? Запоздалое раскаяние? Неожиданно проснувшаяся сыновья любовь? Из надписи на могильном камне можно сделать самые разные выводы. Или же он знал, что Алексей придет на кладбище в этот день, и решил приготовить сюрприз? Смотри, мол, кто из нас больше мать чтит, ты — воспитывавшийся в любви как родной сын, или я — отверженный еще до рождения.

Как бы там ни было, но сводный его опередил и здесь. Но теперь для Клеста будет делом чести в будущем сделать матери шикарное надгробие, без таких идиотских эпитафий. Вот прямо сейчас он его и закажет.

Алексей вернулся к давешнему мастеру и принялся обговаривать с ним эскиз нового надгробия. Тот поначалу удивился затее клиента, мол, чем тот не устраивает? Хотя, рассудил тут же здраво, заработок никогда не бывает лишним. И вообще это личное дело каждого. Хочется заказать — пусть заказывает, лишь бы деньги платил. Полторы тысячи аванса тоже пришились кстати.

Оксану он решил не ждать, кладбище — не лучшее место для свиданий. По пути домой заскочил в продуктовый, а то что-то от всего пережитого вдруг разыгрался аппетит. Хотя раньше Клест как-то не замечал за собой, чтобы в экстремальных ситуациях его пробивало на хавчик. Купил спагетти, замороженных котлет по-киевски и бутылочку кетчупа, решив сегодня устроить себе итало-украинский ужин.

На выходе из супермаркета затрезвонил мобильник. Звонил Егоров:

— Здоров, Алексей! Как дела с "Летом"? Уже все сроки прошли.

Действительно, когда еще обещал сдать работу. Мог бы сегодня добить, если бы не кладбище. Оправдываться, тем не менее, не хотелось.

— Виктор, дай еще пару-тройку дней. Картина практически готова, но чувствую — чего-то не хватает.

— Эх, беда с вами, людьми искусства. Безответственный вы народ! Клиент уже трижды звонил, последний раз голос у него был такой нехороший, по моей спине аж мурашки побежали табуном. Ты что, думаешь, так легко тебя отмазывать? Ладно, не буду на тебя давить, знаю, бесполезно. Надеюсь, свое слово ты удержишь. Все, отбой...

Поднявшись домой, Алексей сразу потопал на кухню. Однако, не успев бросить котлеты на сковороду, он был вынужден снова взяться за трубку. На этот раз радиотелефона.

— Что делаешь? — поинтересовался на том конце провода Леонченко.

— Да так, котлеты на ужин жарю.

— Класс, котлетки я люблю. Может, в гости к тебе заскочить? Угостишь?

— Давай, если есть желание, на твою душу хватит.

— Да нет уж, наверное, в другой раз, у меня свидание через час с дамой... Нет, ты ее не знаешь, мы недавно с ней познакомились. Между прочим, консультант по продажам в крупной фирме. В какой — не скажу... Я чего звоню-то... Не знаю, интересно это тебе или нет, но нашлась наша пропавшая Фокина. Помнишь, которая в автокатастрофу попала? Зовут ее Оксана, правда, фамилия у нее после неудачного замужества другая, Лихолетова, кажется, если я правильно запомнил...

— Что?! Как ты сказал?

— Лихолетова... А что, ты ее знаешь?

Нет, этого просто не может быть! Такие совпадения случайными не бывают. И, тем не менее, получалось, что это именно его Оксана! Ну кто мог предположить, что ее девичья фамилия — Фокина...

— А где она работает? — спросил он в последней надежде, что это все же невероятное совпадение.

— Слушай, в каком-то рекламном агентстве, кажется... А что ты так напрягся-то?

В голове Алексея тут же выстроилась цепочка: Оксана, длинноволосый заказчик из похоронной конторы, randevu, назначенное в семь часов на кладбище... Твою мать, мог бы и раньше догадаться, что под личиной клиента прячется Зиновий.

Бросил взгляд на часы. Время было уже пятнадцать минут восьмого!

— Виктор, срочно хватай людей и дуй на Ново-Восточное. У Лихолетовой там должно было состояться деловое свидание с клиентом в семь вечера на кладбище. Он представился ей владельцем похоронной фирмы "Харон", пригласил ознакомиться со своим бизнесом... Неважно, откуда я ее знаю, долго объяснять. Она мне его описала в двух словах, и до меня только теперь дошло, что этот заказчик и есть не кто иной, как Зиновий. Все, Витька, некогда объясняться с тобой, я помчался на кладбище.

Уже в дверях вспомнил про жарившиеся котлеты, бегом вернулся, выключил газ, и помчался на улицу, прихватив несколько купюр, чтобы оплатить услуги извозчика. Спускаясь по лестнице, принялся набирать номер мобильного Оксаны, но та упорно не брала трубку. В полном отчаянии Клест в хорошем спринтерском стиле пересек двор и выскочил на проезжую часть, едва не угодив под колеса выдавшей вида "копейки".

— Тебе что, жить надоело?! — закричал через приспущенное стекло водитель — вислоусый старичок в очках.

— Отец, выручай, беда у меня. Срочно нужно на Ново-Восточное кладбище. Плачу по двойному тарифу, не обижу.

— Эх ты, какой шустрый... А может, у меня тоже дела?

— Я тебя умоляю, отец, дело очень серьезное! Речь о жизни и смерти.

— Ну ежели так, то ладно, садись. Повезло тебе, что я попался, а то торчал бы здесь еще незнамо сколько. Нынче боятся подсаживать, то и дело в лесу трупы водителей находят. Говорят, целая банда действует.

Уже на ходу пенсионер продолжал бурчать:

— Вроде молодой еще, а вон как на кладбище торопишься, во всех смыслах, сам под колеса летишь. Это мне туда в самый раз, восьмой десяток пошел. Кому мы нужны, старики? Пенсия — тьфу, название одно. Фантики, а не пенсия...

— Отец, а быстрее нельзя? Человек может погибнуть!

— На моей старушке много не выжмешь, и так уже на пределе.

Однако газу пенсионер все-таки прибавил, и "жигуленок", дребезжа всеми внутренностями, достиг небывалой для его возраста скорости под 80 километров в час.

— Вот здесь останови... Спасибо, отец, держи шгуку.

Алексей оказался один перед кладбищенскими воротами. Леонченко и его команды еще не было, значит, пока придется действовать одному. Интересно, где эта контора, которой якобы понадобилась реклама? Хотя, скорее всего, что никакой конторы и нет. Тогда зачем Зиновию нужно было назначать свидание Оксане именно здесь?

Алексей почувствовал приступ отчаяния. Что делать, куда бежать? Может, попробовать снова позвонить?

Набрав знакомый номер, он вновь принялся вслушиваться в длинные, тянущие из него душу гудки.

"Бессмысленно, она уже мертва", — твердил Клест-пессимист.

"Заткнись, ее еще можно спасти", — возражал Клест-оптимист.

— Ну же, пожалуйста, возьми трубку, — молил он, поднимая глаза к небу. — Господи, клянусь, я готов пожертвовать своей жизнью, только не позволь ему сделать это...

— Але, Лешка, это ты? Я ничего не понимаю. Где я нахожусь? Тут сплошная темнота, и дышать нечем...

От неожиданности он едва не выронил телефон. Голос Оксаны доносился глухо, с перебоями, словно между ними была толстая бетонная стена. Но он ее слышал, и в этот момент не было на свете человека счастливее его.

— Оксанка... — крикнул он, с облегчением вытирая тыльной стороной ладони потный лоб. — Любимая, ты жива! Где ты? Где тот человек, с которым ты должна была встретиться?

— Я и сама не пойму, где я. Такое ощущение, что... в гробу. Хотелось бы надеяться, что это не так, но почему-то именно такое у меня подозрение.

В ее голосе посылались нотки отчаяния. Казалось, еще немного, и она расплечется. В Алексее же в этот момент боролись сразу два чувства: радость оттого, что его любимая жива, и в то же время страх, ведь все это могло быть изощренной игрой Кукловода, который держит все ниточки в своих руках.

— В каком гробу?! Как ты могла там оказаться?

— А я откуда знаю!.. Господи, Лешка, вытащи меня отсюда, я тебя умоляю! У меня аккумулятор садится.

— Оксана, я тебя прошу, постарайся сохранять спокойствие. Если ты и правда находишься в замкнутом пространстве, то старайся реже дышать и меньше двигаться. Самое главное — не паниковать... Але, але!

В трубке забили гудки отбоя. Алексей попробовал еще раз набрать номер Оксаны, но милый женский голос сообщил, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

— Твою мать! Где ж мне искать-то ее?! И Витька, сволочь, все не едет.

Так, для начала не мешало бы и самому, кстати, успокоиться. И попробовать мыслить логически. По всему выходит, что Зиновий решил умертвить Оксану (слово-то какое — умертвить, подумал он), закопав ее живьем. Заманил девушку на кладбище и каким-то образом уложил в гроб. Наверное, усыпил или еще как-то отключил сознание несчастной, он же мастер в этом деле, дьявол его дерит. После чего гроб, скорее всего, закопал. Уверенный, что на кладбище среди тысяч могил ее найдут еще нескоро. Вот только допустил маленькую оплошность, уложив с Оксаной рядом еще и ее сумочку, в которой находился сотовый.

Сейчас главный вопрос: где он закопал Оксану? Вряд ли на старом участке, где и без того мертвец на мертвце, а свежий холмик будет выделяться на фоне ухоженных могил. Гораздо удобнее это сделать на новом участке. Хотя, подумал он, Зиновий, наверное, и не ставил перед собой задачи скрыть следы преступления навсегда. До этого — исключая разве что последний случай с Дроздовым — он, напротив, афишировал свои злодеяния.

Как бы там ни было, пока вариант с новым участком остается единственным, который еще выдерживает хоть какую-то критику. Собственно говоря, других вариантов и не было. Может, Леонченко что-то предложит, все ж таки следователь... Да где ж его носит, в конце-то концов!

Лопату он взял так у ничего и не понявшего сторожа. В это время на кладбище оставались только этот древний старик, запиравший ворота после семи вечера, и один древний охранник. Но тот как раз отправился проверять территорию.

— Отец, лопату верну, не беспокойся, — крикнул он открывшему рот ветерану, наверное, еще Второй мировой.

Где примерно находился новый участок, он знал. Туда и помчался, не чуя под собой ног.

Новый участок разрастался буквально на глазах. Это сколько же народу помирает в городе ежедневно?! Настоящий некрополь, город мертвых. Как-то он услышал выступление губернатора, так этот потомок аграриев хоть и косноязычно, но все-таки выразил озабоченность демографической проблемой региона. Призвал женщин рожать больше, а мужиков поспособствовать им в этом деле. Кстати, у самого-то была всего одна дочь, а у его заместителя — крупной, дородной тетки, также ратующей за "плодите и размножайтесь", и вовсе детей не было.

Впрочем, в данный момент Алексея этот вопрос мало интересовал. Он остановился посреди нового участка, переводя дыхание и оглядываясь. Холмики свежих могил высились, насколько хватало глаз. Какие-то уже обзавелись памятниками, а некоторые были увенчаны простенькими крестами. Под каким же из них лежит Оксана? Если вообще ее захоронение отмечено хоть чем-то.

Господи, да он просто не переживет, если с ней что-то случится... Нет, сначала он разберется с Зиновием, порвет его собственноручно, на мелкие кусочки, а потом уже только станет оплакивать любимую.

Подумал, что будет делать, если сейчас увидит братца. Побежит за ним, размахивая лопатой?

Клест достал сотовый, попробовал снова набрать номер Оксаны. Если она и впрямь где-то рядом, может быть, он сумеет к ней пробиться? Кто знает, вдруг ее севший аккумулятор немного подзарядился...

Длинные гудки, один за другим... Он собрался уже было отключаться, как вдруг гудки уступили место каким-то другим звукам. Это было что-то, больше похожее на шуршание фольги, чем на человеческий голос, но Алексею показалось, что он различает в этих звуках интонации своей любимой.

— Але, Оксана! Это я, Алексей, ответь, я тебя умоляю!..

В этот момент в трубке послышались гудки отбоя. В ярости Клест швырнул телефон на землю, и тот зарылся в вязкий глинозем. Обхватив голову руками, он уселся на ствол поваленного дерева. Что делать?! С каждой минутой у Оксаны все меньше воздуха. Господи, каково же ей там... Тут и нормальный человек рехнется, попав в такую западню. Если бы он мог поменяться с ней местами... Да, тогда-то уж у него точно не было бы шансов на спасение. Хотя... кто знает, на что была бы способна Оксана ради него! Он был уверен, что она по-настоящему любит, а любовь, как ни крути, способна творить чудеса. Но он в любом случае согласился бы отдать свою жизнь ради нее.

То, что она дочь человека, изнасиловавшего его мать, если и засело в голове Алексея, то

лишь в самом дальнем уголке сознания. В первую секунду, конечно же, это известие обрушилось на него словно удар дубины. Но, если пользоваться сталинской терминологией, которую они уже упоминали в разговоре с Леонченко, разве сын за отца в ответе? Да и, если честно, плевать он хотел на все эти условности. Он любит Оксану, а она любит его, и все остальное уже неважно.

Терзая себя подобного рода мыслями, он не заметил, как чья-то длинная на фоне почти уже зашедшего солнца тень приблизилась к нему сзади. Лишь только когда ладонь тихо коснулась его плеча, Клест вздрогнул от неожиданности. Он моментально вскочил, выставив перед собой лопату.

— Не пугайся, сынок, зла от меня ты не увидишь.

Перед ним стояла сгорбленная старушка, одетая в какие-то лохмотья. Она опиралась на отполированную временем суковатую палку. Несмотря на преклонный возраст, глаза ее вполне могли принадлежать женщине не старше сорока. Она смотрела на Алексея задумчиво и, как ему показалось, с тенью легкой грусти.

— Кто вы?

— Местные зовут меня Ефросиньей, но разве имеет мое имя сейчас значение? Во всяком случае, для тебя... Алексей.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— А тебе это важно? — вновь тихо ответила она вопросом на вопрос. — Мне кажется, тебя сейчас должно волновать совсем другое.

Она посмотрела в глаза собеседнику, и Алексею показалось, будто она своим взглядом вывернула его насквозь. До этого обычно он сканировал людей, правда, умерших, а на этот раз уже его личность препарировали. От сумасшедшего напряжения спина покрылась холодной испариной, капли неприятного пота текли вниз, под ремень сляпанных где-то в Китае или Вьетнаме джинсов.

— Она там. Иди прямо, и увидишь.

Старуха указала корявым пальцем в сторону березовой рощицы, на которую год за годом наступало кладбище. Ничего не говоря, едва не перепрыгивая через свежие могилы, Алексей все так же с лопатой наперевес кинулся в ту сторону. Путь до рощицы занял от силы пару минут. Лишь добравшись до первых деревьев, он вспомнил о загадочной старухе и оглянулся. Однако той уже не было на том месте, где они, хотя за этот отрезок времени, даже обладая резвостью двадцатилетней, она вряд ли успела бы скрыться из поля его зрения.

Ну да ладно, Бог с ней, с бабкой. Наверное, она просто обратила внимание, как Зиновий закапывал Оксану, и заметила это место. А потом увидела его, бегающего по кладбищу, и поняла, что (а вернее кого) он ищет. Почему же она тогда не обратилась сразу в милицию, не пошла к сторожу, во всяком случае? Кто знает, возможно, у нее не самые лучшие отношения с органами правопорядка. А он мог бы хотя бы как-то отблагодарить бабку, купюру ей сунуть, что ли...

Господи, о чем же он думает! Искать, искать нужно свежеуложенный холмик, под которым лежит (хотелось бы верить, что еще живая) его Оксанка.

Он окинул взглядом окрестности. Нужно было старуху с собой взять, она бы точно показала место. И в это момент он увидел... Огромная, иссиня-черная ворона топталась на едва заметном пригорке всего в нескольких метрах от него, что-то выковыривая из аккуратно уложенного пласта дерна.

— А ну пошла...

Он замахнулся на птицу, та с недовольным карканьем расправила оказавшиеся огромными крылья и взлетела на сук стоявшей неподалеку березы, откуда принялась с любопытством наблюдать за незваным гостем, потревожившим ее покой. Между тем Алексей уже расшвыривал в стороны комья земли. Глинозем в этом месте еще не успел слежаться, и дело продвигалось довольно споро.

— Сейчас, моя хорошая, сейчас, потерпи еще чуть-чуть, — хрипел он, выворачивая очередной ком земли.

Полметра, метр, полтора... Дьявол, на какой же глубине она лежит? А что, если он ошибся, и Оксана совсем не здесь...

Вскоре от черенка лопаты на ладонях появились мозоли. К тому же, работая в таком бешеном темпе, он уже начинал уставать. Сколько же еще копать, в самом деле?!

В этот момент лопата ударилась обо что-то твердое. Боясь поверить в удачу, он ударил снова, еще сильнее. И тут же ему показалось, что он услышал чей-то крик.

— Оксанка, я здесь. Мне еще немного осталось!

Алексей принялся бешено орудовать инструментом, сам себе удивляясь, откуда у него берутся силы. Через несколько минут он уже смог полностью откопать крышку гроба. Теперь он был уверен, что крик ему не послышался. Он даже вроде бы расслышал свое имя.

На его счастье, Зиновий не удосужился крепко заколотить гроб, воспользовавшись всего четырьмя гвоздями, вбитыми по углам. Те выходили из пазов легко, и отодрать крышку удалось без усилий.

— Лешка!

Оксана, всхлипывая, протянула к нему руки с ободранными в кровь ногтями. Он прижал ее к себе, глядя по волосам и успокаивая:

— Ну-ну, родная, все уже позади. Неужели я позволил бы какому-то ублюдку так поступить с тобой?!

— Лешка, ты не представляешь, что я пережила, пока лежала в этом проклятом гробу.

Они наконец-то выбрались из ямы наверх, и теперь она с ужасом глядела на сосновый ящик, который мог стать ее последним пристанищем. У девушки вот-вот могла начаться истерика, и Алексей решил сыграть на опережение:

— Милая, все позади, мы снова вместе, по-другому и не могло быть. Ну, посмотри мне в глаза. Ты у меня молодец, настоящий герой!

Оксана улыбнулась и прижалась к его плечу. Он стола, крепко обнимая любимую, и думая, что уже никогда нее отпустит ее от себя.

— Ты знаешь, — чуть погодя сказала Оксана, — я не столько за себя переживала, сколько за Митьку. Думала, кто ему заменит мать, если со мной что-нибудь случится... Господи, что же это за подонок, который решился на такое изуверство. Это ж только фашисты и бандеровцы людей живьем закапывали! Чем я провинилась?

Он немного отстранился и внимательно посмотрел в глаза:

— Поверь, я не хотел впутывать тебя в эту историю...

— Леша, что еще за история?

— Погоди, не перебивай... В общем, это разговор не на одну минуту. Едем сейчас ко мне, и я все тебе расскажу. А там решим, как нам быть дальше.

По пути к выходу с кладбища они увидели спешащих навстречу им людей. Впереди бежал Леонченко, чуть позади держались еще несколько человек, а замыкали процессию близнецы.

— Фу ты, слава Богу, вроде все живы, — выдохнул Виктор, подлетев к Алексею и Оксане. — Рассказывай, что здесь было.

— Да, Вить, вашей оперативности можно только позавидовать, — устало отмахнулся Клест. — А на счет того, что было... Давай утречком мы с Оксаной приедем к тебе, и там все обсудим. Да и товарищей из ФСБ заодно пригласим. Я не хочу оставлять Оксану одну, а она, сам видишь, в каком состоянии.

— Значит, Зиновий опять ушел... Ну, ничего, я сейчас вызову ребят из РОВД, на всякий случай мигом прочешут округу. Описание маньяка у них есть. А пока осмотрю место преступления. Показания, учитывая состояние девушки, сниму завтра. Вы как, будете сможете в прокуратуру приехать к полудню? Кстати, если немного задержитесь, то могу подвезти до дома, а то с транспортом в этих краях так поздно уже беда. Да и мне спокойнее будет.

— Вы мне лопату-то верните. Имущество ведь казенное.

Подоспевший сторож с самым решительным видом подступил к Алексею:

— Ежели каждый будет брать у меня инструмент, а потом не возвращать, то чего я начальству скажу? У меня и так зарплата меньше пенсии, а с нее еще и удерживать будут за лопаты...

— Не беспокойся, отец, вон твоя лопата, возле березки. Кстати, не знаешь бабушку с чудным именем Ефросинья?

— А что, повстречали никак? Бродит тут юродивая, с могилок покушать собирает, да и даст кто еды иногда — не откажется. Только денег не берет почему-то. Кто такая, откуда — никому не ведомо. Ну, я это, за лопатой побегу, а то сопрут еще, бомжей-то в округе немало шастает...

Проводив взглядом удаляющуюся спину резво затрусившего в сторону леса старичка, Алексей повернулся к Леонченко:

— Деда бы тоже надо допросить. Кстати, спасибо, что предложил подвезти... Оксану я не смогу сегодня оставить без присмотра, а у нее есть дома кое-какие дела. Так что мы отправимся к ней.

Оксана согласно закивала, по-прежнему не в силах отойти от Клеста больше чем на один шаг.

— Я хотел тебя еще о кое о чем попросить, Виктор. Установи дежурство за ее квартирой, ладно? Хочется видеть свою невесту живой и здоровой.

— После такого тебе по большому счету месяц как минимум нужно провести в санатории. Надеюсь, что нам все-таки удастся отдохнуть всем вместе: мне, тебе и Митьке. А сейчас отлежись пару деньков, приди в себя. На работу позвонишь, скажешь, что приболела, как-нибудь без тебя пару дней перебьются. А от врача отправимся к Леонченко, писать заявление, где изложишь все, что с тобой произошло. Надо же ему как-то оправдаться в глазах начальства за то, что оперативников на кладбище таскал.

За стеной, в соседней комнате, уже с час как тихо посапывал Митя. Оксана, долго скоблившая под струями душа себя с ног до головы, теперь, одетая в короткий цветастый халатик, лежала на кровати и молча смотрела в потолок, на котором высвечивался проецируемый светом уличного фонаря косой квадрат окна. Алексей сидел на краешке постели и слушал тихое дыхание. На лице любимой не отражались никакие эмоции, хотя он подозревал, что сейчас на самом деле творится в ее душе. Оксана узнала всю правду, включая рассказ об участии ее отца в изнасиловании его матери. На этом месте повествования девушка чуть отстранилась от него, словно не веря в то, что он рассказал, но вновь не издала даже звука.

Немного оживилась она при упоминании подаренной его матери Василием шумерской богини, и таинственной истории с вещими снами Татьяны. В глазах любимой появилось некое подобие любопытства, но не более того.

Когда он закончил, и вопросительно посмотрел на Оксану, словно ожидая от нее ответа, та по-прежнему молчала. Тогда он, пытаясь немного разрядить ситуацию, завел разговор о планах на завтра. Вновь никакой реакции.

— Зря я, наверное, тебе все рассказал, — пробормотал он, глядя в темный провал окна. — Представляю, что ты сейчас испытываешь.

И в этот момент она разрыдалась. Сначала это было слабое сопение, словно у Оксаны заложило нос, которое потом переросло в настоящие всхлипывания с подвыванием.

— Милая, ну не надо... — он склонился и погладил ее по голове. — Все будет хорошо, я не дам тебя в обиду...

— Да я... да я не поэтому плачу, — сквозь слезы простонала девушка. — Как он мог!

— Кто? Что мог?

— Да отец мой! Как он мог... твою мать...

— О, господи!

Он прижал ее к себе, с нежностью глядя по волосам.

— Ну ты-то, ты-то здесь при чем? Чего ты себя накручиваешь? Блин, я уже жалею, что рассказал тебе все это...

Оксана продолжала реветь, но слова Алексея все же возымели свое действие. Через пару минут завывания переросли в слабые всхлипывания, а вскоре и вовсе прекратились.

"Ну, слава тебе Господи, — с облегчением подумал Клест. — А то прямо детский сад какой-то".

— Я люблю тебя...

Ее рука скользнула вверх, глядя его по голове. Вот те раз, все закончилось признанием в

любви. Уже после, перед тем, как провалиться в объятия Морфея, ему пришло в голову, что Оксана вполне может оказаться сестрой Зиновия. Если, конечно, сперматозоиды ее отца породили это чудовище. Уже засыпая, он подумал, что когда Хорькова поймают, не мешало бы провести анализ ДНК. Хотя, если результат окажется положительным, это может очень сильно расстроить его любимую женщину...

Утром они отправились в прокуратуру. Ради них заранее предупрежденный по телефону Виктор отложил все дела, и когда Алексей с Оксаной появились на пороге, тут же поставил греться электрочайник. Пока тот закипал, девушка писала заявление. Все понимали, что это обычная рутинная проформа, но правила есть правила.

Алексей непроизвольно покосился в сторону окна. Пройдет не так много времени, и зеленые пока листья станут желтыми, а затем начнут падать под ноги прохожим. Листья — как человеческие жизни. Только одни сами падают от старости, от того, что срок пришел, а другие срывает чья-то шаловливая рука.

После чаепития, в котором приняли участие и молчаливые близнецы, Леонченко стал записывать показания Оксаны, которые затем поместил в уже довольно пухлую папку. На ее обложке шариковой ручкой был написан порядковый номер 1021 и два слова: "Зиновий Хорьков". Несмотря на век всеобщей компьютеризации, в органах правопорядка все еще соблюдались традиции. И если компьютерный файл благодаря вирусу или неосторожному движению "мышкой" мог неожиданно исчезнуть без всякой видимой причины, то показания на бумаге хранились в несгораемом сейфе.

Допрос, если дружескую беседу под протокол можно было так назвать, длился около полутора часов. Янис тоже что-то набивал в свой мини-планшет, Петерс просто слушал, не сводя с рассказчицы немигающего взгляда, отчего той было слегка не по себе. Оксана попыталась вспомнить все, что с ней произошло после того, как она приехала вчера на такси к семи вечера на Ново-Восточное кладбище. Она стояла у входа, оглядываясь по сторонам, и все же не заметила, как в начале восьмого откуда-то из-за ее спины вынырнул этот самый Иван Романов... Господи, и почему она сразу не насторожилась, когда он представился ей в первый раз?! Иван Федорович Романов... Псевдоним далеко не из лучших, может быть, из-за этой простоты она и поверила, что его именно так и зовут. Да и с какой стати ей было подозревать этого человека в чем-то нехорошем?

Как бы там ни было, Романов (он же Хорьков), почему-то в этот раз ей не понравился. Вроде бы был таким же обходительным, как и во время последней их встречи, но внутренне она чувствовала какую-то напряженность. Однако, будучи девушкой воспитанной, свои ощущения она оставила при себе.

Хорьков же, сказав, что его офис находится в районе нового участка кладбища, взял Оксану под руку и повел в сторону свежих захоронений. По мере того, как они все дальше удалялись от дороги в сторону леса, Оксана чувствовала все более нарастающее беспокойство.

— Что-то не видно вашего офиса, — сказала она, стараясь придать голосу доброжелательную окраску. Клиент как-никак, а с клиентами их научили обращаться вежливо.

— Да, мой офис не так-то легко найти, — усмехнулся Романов-Хорьков. — Но я и строил его с таким расчетом, чтобы лишние люди нас не тревожили.

Странно, подумала она, зачем тогда тебе реклама, если ты не хочешь, чтобы народ к тебе шел? Какая-то нестыковочка. Но опять... опять она промолчала.

Наконец они добрались до лесной опушки, и здесь Иван-Зиновий остановился.

— Вот мы и пришли.

Оксана недоуменно осмотрелась, пытаясь отыскать взглядом хоть какое-нибудь сооружение, однако не углядела даже самого захудалого сарая. Только почему-то упорно лезла в глаза свежевыкопанная, судя по всему, яма, недалеко от которой они остановились. Да еще в кустах, заваленный ветками, темнел некий продолговатый предмет, похожий на ящик.

— Простите, Иван Федорович, я что-то не...

В этот момент в руке Зиновия она увидела кусок материи. Оксана не успела ничего произнести, как Хорьков в мгновение ока прижал ладонь с тряпкой к ее лицу. Совершенно не ожидая нападения, девушка дернулась, пытаясь вырваться, но тут ее легкие наполнились эфирной субстанцией, а спустя несколько секунд сознание заволокла туманная дымка...

Пришла в себя Оксана уже в гробу. Правда, тогда она еще не знала, что это гроб, но, обследовав наощупь окружающее ее пространство, почти что уверилась в своих предположениях. Попыталась поднять крышку, упершись в нее ладонями и коленями, но из этого ничего не вышло. Тут же напомнила о себе клаустрофобия, Оксана в мгновение ока покрылась холодной испариной с головы до ног. Но, несмотря на свои страхи, больше всего она переживала за своего еще не родившегося ребенка.

А потом зазвонил телефон, про который она в панике совершенно забыла...

На этом месте Оксана не выдержала, захлюпала носом, и Алексею пришлось ее успокаивать. Выпив стакан воды, она собралась с духом и довела свой рассказ до конца. В принципе, рассказывать там уже было нечего, дальше показания давал Клест.

— Ну вот, протокол составлен, теперь просьба расписаться.

Леонченко дал свою ручку Оксане, потом под своим экземпляром расписался Алексей.

— Как я понимаю, Оксана в курсе того, что происходит? — спросил Виктор.

Она кивнула, а Клест только прокашлялся, прочищая горло.

— Я вот думаю, каким будет следующий шаг Хорькова? — продолжил Леонченко. — Он наверняка знает, что его попытка убить Оксану провалилась. Теперь он либо попробует снова ее убрать, либо плюнет и пойдет дальше. Ты сам-то как думаешь? И вы, господа чекисты, как на это дело смотрите?

— У нас есть мысли, — сказал Янис, переглянувшись с напарником. — Но мы пока предпочитаем оставить их при себе.

— Понятно... Ладно, обойдемся своими силами. Я так думаю, что Оксане нужно дышать, до времени затаиться, лечь на дно. В идеале — отправиться на Черное море, или лучше в Турцию на пару недель, пока мы тут ловим Хорькова. Все согласны с этим?

Близнецы снова переглянулись, и одновременно кивнули. Мысли они, что ли друг друга читают, подумал Алексей. Но с предложением следователя вынужден был согласиться. Действительно, ей нужно уехать подальше, чтобы Зиновий до нее не добрался.

Однако сама Оксана неожиданно проявила твердость:

— Почему это вы решаете за меня? Может, я никуда не хочу ехать? Может, у меня просто денег нет по Турциям разъезжать?

— Тогда могу предложить ведомственный санаторий, — развел руками Леонченко. — А что, по-моему, неплохой вариант. Природа замечательная, а вокруг охрана, как на зоне, хрен кто выйдет, и хрен кто войдет без пропуска...

— Для Зиновия это не проблема, если уж он из такой охраняемой психушки сделал

ноги. У меня еще один вариант есть.

Он оглянулся на Оксану, которая, как и Леонченко, вопросительно посмотрела на него.

— Ты же помнишь дачу Пашки Яковенко? Вот там тебя действительно вряд ли кто отыщет. Да и сам Пашка, наверное, не будет против, если ты поживешь на его даче пару недель. Заодно и приглядишь за домом. Как ты на это смотришь?

— Мне нравится твое предложение. Только я соглашусь на него при двух условиях.

— Каких?

— Первое: со мной едет Митя.

— Нет вопросов, — облегченно вздохнул Клест. — Естественно, я имел в виду и его тоже, когда говорил про дачу.

— А второе — ты тоже едешь с нами. Хотя бы на несколько дней, потому что я просто боюсь.

В этот момент она показалась Алексею такой беззащитной, что у него просто язык не повернулся ответить ей отказом. Клест посмотрел на Виктора, и тот согласно кивнул. Мол, езжай, чего уж там.

— Ну, раз не хотите ведомственный санаторий — дело ваше, — сказал Леонченко, когда они уже покидали кабинет. — Только я бы на вашем месте дачам не доверял, охрана есть охрана. А, кстати, где эта дача? Ну, чисто на всякий случай.

Пашка на звонок Клеста отреагировал одобрительно:

— Ну, брат, неужели я откажу тебе в такой маленькой просьбе? Вижу, отношения у вас с Оксаной на мази, вот и устройте себе маленький отпуск на природе... Берите, берите Митьку, ему свежий воздух только на пользу. Сами мы на даче появляемся нечасто, так что можете чувствовать себя спокойно. За ключами можешь заехать хоть сегодня, а Кузьмичу я позвоню, — чай, не просто так телефон сотовый ему оставил, — чтобы препятствий вам не чинил. И вообще, предупрежу старика, чтобы поменьше любопытствовал, чем вы занимаетесь на даче... Ладно, ладно, не прикидывайся матерью Терезой, чай, не философские беседы вести там будете с такой симпатичной девицей.

Яковенко расхохотался на том конце провода, а Алексей в ответ только хмыкнул. Может быть, они и правда едут туда не философские беседы вести, но об истинной цели их вынужденного затворничества на даче он предпочел умолчать. Но при этом все же попросил Пашку никому ни гу-гу. Даже супруге.

Оксана взяла на работе две недели отпуска за свой счет. Начальство было в курсе, что девушке пришлось пережить какое-то неприятное событие, но в подробности руководителей она не посвящала.

Выехали они на рассвете. Занятый своими мыслями, Алексей едва не забыл про Курта. Накидал ему засушенных насекомых и налил воды с запасом в невысокую плошку.

По пути раздался звонок от Егорова. Тот, узнав, что "Лето" еще не закончено, а художник к тому же уезжает из города на неопределенный срок, разразился истеричными криками, из которых Клест понял, что работать с ним — значит, себя не уважать. А ему, между прочим, уже угрожают. После чего Егоров отключился.

— Ну и хрен с тобой, — с облегчением сказал Алексей вполголоса, чтобы сидевшая сзади Оксана не услышала.

Кузьмич сначала напрягся, увидев незнакомые лица, затем вспомнил пашкиных гостей и про его вчерашний звонок. Даже козырнул, когда Клест передал ему несколько купюр от работодателя.

— Премного благодарны... Значит, вы поживете на дачке у Павла Евгеньевича? Если что — сразу меня кричите. Я тут все знаю, каждое утро в магазин за продуктами хожу, могу и вам заодно прикупить.

Поблагодарив отставного подполковника за заботу, Алексей с Оксаной принялись обживать дачу. Спальня находилась на втором этаже, белье было постелено чистое. В холодильнике нашли промерзшую пачкупельменей, в погребе — картошку и оставшуюся с прошлого года банку маринованных огурчиков. Кроме того, с собой у них были макароны, сахар, пара булок хлеба, чай, сыр, масло и колбаса. На несколько дней вроде бы должно хватить, да еще и продмаг не так далеко, можно и деда попросить купить еды, если что, а можно и самим прогуляться.

Что Оксана и сделала. Причем заявила, что за покупками ходит одна, а Митя останется с Алексеем. Из магазина она вернулась с двумя пакетами. Оказалось, что купила все недостающие компоненты для приготовления борща, которое станет на обед главным

блюдом, включая свежие свиные ребрышки. Она сразу взялась за стряпню, Митя тем временем возился со специально захваченным из дома конструктором, а Алексей решил прогуляться к роднику.

Соседи у Пашки по большей части были люди солидные. Некоторые особняки больше походили на замки, чем на дачи в обычном понимании совкового человека, и даже были оборудованы бассейнами. Понятно, что обремененные тугими кошельками люди приезжали сюда не копать картошку, а отдыхать.

Впрочем, кое-где еще оставались скромные домики любителей повозиться в земле, но поскольку район уже как бы считался элитным — таких дач становилось все меньше и меньше. Нувориши готовы были платить хорошие деньги за участки, и понятно, что для многих из потенциальных продавцов сумма в несколько тысяч долларов была не лишней.

Алексей прогулялся до родника, набрал воду в 5-литровую канистру из пластика. К даче Яковенко, как и ко многим был подведен водопровод, но вода из крана шла хлорированная. С канистрой не торопясь побрел обратно. Август выдался не очень жарким, но без дождей, так что гулять было одно удовольствие. Где-то в листве посвистывала какая-то птица, стрекотали кузнечики, и поневоле не хотелось думать о чем-то плохом. Хорошо бы взять мольберт, который он прихватил на всякий случай, найти местечко посимпатичнее, и провести пару часов на пленере. А Оксана и Митька пусть будут рядом.

Когда вернулся в дом, там уже был готов обед.

— У меня стряпней обычно сиделка занимается, — призналась улыбающаяся Оксана, — но сегодня я решила потряхнуть стариной. По-моему, получилось съедобно.

Алексей не удержался, зачерпнул вилкой салат, тут же отправив его в рот. Причмокнул и широко улыбнулся:

— Съедобно? Не то слово! Это просто божественно!

— Так, ну-ка мыть руки, и не забудь Митьку привести. Пусть тоже руки помоеет.

Она сказала это настолько обыденным тоном, словно Алексей проделывал это регулярно. Не в смысле мыл руки, а приводил больного аутизмом ребенка к обеденному столу.

Он понял, что это в каком-то смысле небольшой экзамен. Сможет он поладить с мальчишкой или нет, именно от этого зависело, как дальше будут развиваться их отношения с Оксаной. Ну что же, подумал он, уж с 6-летним пацаном я как-нибудь управлюсь. Пусть даже больным аутизмом. И решительно направился вверх, прихватив по пути большую коробку купленных еще накануне пазлов. Хотел вручить мальчонке вечером, но подумалось, что именно сейчас настал подходящий момент.

Однако Алексея ждал сюрприз, от которого он едва не потерял дар речи. Митя лежал на ковре, на животе, подперев кулачками румяные щечки, а перед ним, воинственно воздев вверх увенчанный жалом хвост, ползал скорпион.

— Ми... Митя, елы-палы, не шевелись, — прохрипел Клест, недоумевая, как Курт смог выбраться из аквариума. — Не бойся, я его сейчас уберу.

Вот только чем его убрать? Не голыми же руками, в самом деле... Пока Алексей осматривал комнату в поисках подходящей коробки, мальчик протянул руку и спокойно взял Курта на ладонь. После чего так же невозмутимо, да еще при этом и улыбаясь, протянул ядовитую тварь ее онемевшему от ужаса хозяину. Действуя скорее в прострации, нежели руководствуясь голосом разума, Клест подставил свою ладонь, и скорпион важно перебрался на нее с маленькой детской ладошки. После чего был аккуратно помещен обратно в

аквариум.

Только после этого Алексей позволил себе обессилено опуститься на пол, чувствуя, как бешено колотится сердце.

— Митя, ты так больше не делай, ладно? Это очень опасное существо, оно может ужалить...

— Нет, он хороший, — сказал мальчуган, окончательно добивая Алексея. — Мы с ним играли.

Клест хотел сказать, что не со всякими животными можно играть, есть среди них и опасные. Но, поглядев мальчонке в глаза, понял; у него свое осознание мира, не всегда совпадающее с общепринятым. И можно ли назвать случайностью то, что скорпион не ужалил ребенка, свято уверенного в безобидной природе членистоногого?

Впрочем, все эти экзерсисы сейчас были не к месту. Так же как не к месту показалась Алексею и коробка с пазлами, слишком уж детским подарком она выглядела на фоне того, что он сейчас видел.

— Мить, мама уже накрыла на стол. Нам нужно сейчас вымыть руки и идти обедать. Наверное, ты уже проголодался?

— Нет, я не голоден, — после небольшой паузы ровным голосом ответил мальчик. — Но мама хочет, чтобы я ел, мне нужно идти.

Он послушно взял за руку взрослого мужчину, и они спустились вниз.

— А у меня уже все готово, — весело защебетала Оксана, разливая по тарелкам наваристый борщ и подкладывая по ложечке сметаны. — Марш мыть руки, и за стол.

— А запах-то какой, а вкус... — закатывал через минуту глаза Алексей, демонстрируя тем самым, что не в силах передать своих чувств.

Борщ и впрямь был замечательным. Даже Митька, который, по словам своей матери, едок был не ахти какой, и тот съел почти все, что было у него в тарелке.

На второе Оксана состряпала картошку с тушенкой, запивали все это чаем с домашним пирогом, который испекла еще накануне дома Митина сиделка.

А вечером, когда мальчонка сладко сопел в своей комнате, Клест зажег по углам спальни свечи, потушил свет, и они отдались друг другу без остатка.

Чуть позже, когда, окончательно обессиленные, Алексей и Оксана лежали рядом, он тихо произнес:

— Оксан, я хочу тебе кое-что сказать.

Она повернулась к Алексею, оперлась на локоть и принялась ерошить волосы на его голове.

— Говори, я готова выслушать любую гадость.

— Ты обо мне плохого мнения, малыш. На самом деле у меня к тебе серьезное предложение. В общем...

Он запнулся, собираясь с духом, а затем выпалил:

— Выходи за меня замуж!

Оксана молча откинулась на подушку, и по ее реакции Алексей так и не понял, как она восприняла его заявление. Сердце учащенно билось в ожидании ответа, в такт частым каплям дождя, стучавшим о жестяной подоконник. Где-то громынуло, однако никакой вспышки перед этим Клест не увидел, а может, настолько был занят Оксаной, что просто не обратил внимания.

Может, зря он все же это сказал? Не поторопился? Кто знает, не выгорит ли он сейчас

в ее глазах пылким мальчишкой, потерявшим голову от близости красивой женщины...

— А как же Митя? — тихо произнесла Оксана.

— А что Митя?! Он будет для меня таким же сыном, как и для тебя.

Возникла секундная пауза.

— Ты хорошо подумал? Ведь это значит...

— Оксаночка, солнце мое, поверь, я очень долго над этим думал, едва ли не с того самого дня, как тебя увидел. Примерял ситуацию на себя и так, и этак, и в итоге понял, что ты для меня сейчас самое главное, что есть на свете. И надеюсь, таковой и останешься. Если, конечно, ты примешь мое предложение.

Она молча обдумывала сказанное им, кусая край простыни. В глазах Оксаны стояли слезы, но она сдержалась, не дала им воли. Все это время Алексей не знал, что делать. Начать ее утешать? А вдруг выйдет еще хуже?

Наконец повернула к нему бледное лицо:

— Леш, я не могу пока сказать ни "да", ни "нет". Мне еще нужно время, чтобы осмыслить свое... наше с Митей будущее, если я все же решусь принять твое предложение. К тому же, как ты знаешь, есть одна проблема, не решив которую, мы не можем думать о личной жизни.

— Ты о Зиновии? Черт, как же он мне надоел! Быстрее бы его поймали, что ли...

Не успел он договорить, как заверещал сотовый.

— О Боже! Кому еще нейдется в это время?!

Он протянул руку к тумбочке, глянул на высветившийся номер, но ряд цифр ни о чем ему не сказал.

— Я слушаю!

— Добрый вечер, Алексей Викторович, хотя не думаю, что он и в самом деле добрый...

— Кто это? — едва не крикнул в трубку Клест, ощущая, как нехорошее предчувствие тугими ремнями стягивает грудь. — В чем, собственно говоря, дело?

— Извините, сразу не представился. Оперуполномоченный Титов, Андрей Валентинович, — голос говорившего был сух, но в нем проскальзывали нотки сожаления. — Я вам звоню по поводу хорошо знакомого вам следователя прокуратуры Виктора Леонченко.

— Что с ним?!

— А что, вы думаете, с ним должно было что-то случиться?

— Не делайте из меня идиота, как вас там... Андрей Валентинович. Что с Виктором?

В трубке на несколько секунд воцарилась тишина, и в течение этих секунд Алексей все понял. Зиновий! Этот подонок сдержал обещание, сделал что-то с его другом. Глядя на Алексея, Оксана тоже догадалась, что стряслось нечто ужасное, и потому испуганно сжалась в комочек, обхватив ноги руками.

— Старший следователь областной прокуратуры Виктор Леонченко погиб при невыясненных обстоятельствах, — сказали в трубке. — Тело было обнаружено около часа назад в его же квартире. Большого я вам сказать не могу, это не телефонный разговор. Я позвонил вам, поскольку вы работали в паре. К тому же, я наслышан о ваших способностях, и думаю, что вы могли бы оказать помощь следствию...

Сначала внутри него всколыхнулся страх, но это было всего лишь мимолетное чувство, которое сменилось всепоглощающей яростью. Если бы его ненависть могла материализоваться, то в ту же секунду Хорьков оказался бы испепелен на месте. А затем его наполнила пустота, как бы парадоксально это ни звучало. Она вытеснила все остальные

чувства, а может, и поглотила их, подобно тому, как черная дыра поглощает свет.

— Алло, вы меня слышите?..

— Откуда у вас мой телефон? — устало спросил Клест.

— Я нашел его в записной книжке Леонченко. Она лежала на столе в зале, и была открыта как раз на этой странице. Где вы сейчас находитесь? Я могу выслать за вами машину...

— Хорошо, записывайте адрес...

— Я никуда тебя не отпущу, — вскинулась Оксана, но Алексей мрачно покачал головой, и она обреченно осела обратно на постель.

— Хорошо, машина уже выезжает. У вас будет примерно через минут сорок. А еще лучше, если вы выйдете к трассе, к повороту на коттеджный поселок. В общем, мы ждем вас, и ничего не трогаем.

— Все будет хорошо, милая. Просто мне нужно отлучиться на пару часов.

Алексей погладил Оксану по щеке, затем нежно прикоснулся губами к ее губам. Про Леонченко он решил пока не говорить, ни к чему нервировать девушку, которая и так только что пережила самый настоящий кошмар.

— Закрой за мной дверь и никому не открывай. Хотя я более чем уверен, что этот подонок никогда не найдет наше убежище.

— Хорошо, — преданно кивнула она. — Только прошу тебя, будь осторожнее. Помни, что есть на свете люди, для которых ты значишь очень много.

Служебная "десятка" прибыла через полчаса. Как и просил оперуполномоченный, Алексей вышел к трассе, и когда увидел машину с выключенной мигалкой на крыше — принялся махать рукой. Коротко поздоровался с водителем, сев на заднее сиденье. Всю дорогу думал о Викторе. Они ведь по-настоящему сдружились с ним за это время. Не закадычными друзьями стали, но все же между ними установилась некая связь,

Проезд Чернышевского, где жил следователь, водитель "десятки" отыскал быстро. Ловко припарковал машину во дворе, где уже стояла еще пара полицейских автомобилей. Проходя мимо сине-белой легковушки с мигалкой на крыше, увидел прилипшее к мокрому стеклу детское личико с большими глазами, которые были то ли заплаканными, то ли казались такими из-за дождя.

На лестничной площадке у приоткрытой двери квартиры Леонченко курил старший лейтенант. Увидев Клеста, тот напрягся, но когда Алексей представился, кивнул и пригласил его пройти в квартиру:

— Капитан Титов вас ждет.

Человек, сообщивший ему трагическую новость, сидел в зале у круглого стола, и что-то записывал себе в блокнот. При появлении Алексея поднялся, протянул сухую ладонь:

— Жаль, что раньше не доводилось встречаться, много о вас наслышан.

— Где... он?

Клесту было не до сантиментов, теперь, когда уже ничего нельзя было исправить, он обязан просто выполнить свою работу. Капитан кивнул в сторону спальни:

— Виктор там. Вижу, вам не по себе, оно и понятно, вы ведь с ним работали не один год, можно сказать, сдружились... Может, налить стопочку, для успокоения?

Титов сделал движение в сторону серванта, где стоял почти полный графин с водкой, но Клест замотал головой. В тот единственный раз, когда он наведился к Леонченко, Виктор налил ему как раз из этого графина, хотя Алексей сопротивлялся как мог, оправдываясь, что он в завязке.

— В милицию позвонила дочка Виктора, Елизавета. Набрать "02" ей посоветовал убийца отца, что кажется весьма странным. Когда мы приехали, она сидела на корточках возле покойного, гладила его по голове, а рядом лежала трубка радиотелефона. А когда мы хотели ее увести, сорвалась в истерику. Наш судмедэксперт Владимир Палыч сделал бедняжке укол, ей стало вроде полегче. Даже вспомнила домашний адрес, сейчас ее отвезут к матери.

— Как он умер? — перебил капитана Алексей.

— Палыч сказал, что быстро, практически сразу. Удар колющим предметом в сердце. Когда эксперт извлек из груди шило, крови почти не было, так, самая малость. Более всего удивительно то, что следователь даже не предпринял попытки сопротивления. И вообще непонятно, как убийца попал сюда, потому что следов взлома нет. Не исключено, что Виктор знал преступника, и сам его впустил. Это будем выяснять...

— Я сейчас все сам выясню.

— А, ну да, конечно. Вы, наверное, привыкли работать без посторонних, я позову Палыча.

Титов приоткрыл дверь спальни, негромко позвал судмедэксперта, и тот вышел, недовольно стягивая с рук тонкие резиновые перчатки. Ну что ж, он и правда предпочитает работать без посторонних глаз. Клест глубоко вздохнул, успокаивая бешено стучащее сердце, и перешагнул порог спальни...

Виктор сидел на стуле, руки его были стянуты за спинкой скотчем, а голова свесилась на грудь. Лицо следователя выглядело серьезным, на лбу пролегли складки, словно он хмурился. Повыше левой скулы синел кровоподтек, а на левой стороне майки, там, где находится главный человеческий орган, темнело небольшое пятно. У его ног лежал раскрытый чемоданчик судмедэксперта. Странно, но сейчас Клест чувствовал себя спокойно, автоматически отмечая каждую мелкую деталь. Муха, настойчиво кружащая вокруг дающей рассеянный свет люстры, лежавший на одеяле вчерашний номер "Спорт-Экспресса", фото дочери на прикроватной тумбочке (то же самое лицо, которое глядело на него из машины несколько минут назад, только здесь оно улыбалось), лежавшие рядом очки в тонкой оправе, которыми Виктор пользовался только при чтении...

Впрочем, все это сейчас было несущественно. Нужно было начинать сканирование. Однако Клест не спешил. Его снова тянуло к тумбочке, словно кто-то нашептывал ему в ухо, что там может быть нечто важное. Помедлив секунду, он выдвинул ящик... Там лежал, поблескивая вороненой сталью, пистолет. Странно, подумал Алексей, почему его не изъяли до сих пор? Может быть, просто не успели все осмотреть?

Чувствуя себя государственным преступником, он медленно протянул руку и взял "Макаров". Чувствовать холодное прикосновение смерти было и страшно, и заманчиво одновременно. Раньше ему доводилось пару раз стрелять из "Макарова", было это в ведомственном тире. Не сказать, что положил все в "десятку", но и в молоко ничего не улетело.

Он взвесил пистолет на ладони, а затем положил его во внутренний карман куртки. Нет, слишком заметно. Лучше заткнуть за пояс, сзади. Вот так лучше, и незаметно, и не мешает. А теперь можно заняться и Виктором.

Он сел на колени возле мертвого тела, сконцентрировался, и опустил ладонь на холодный лоб...

...Он читал газету, лежа на диване, закинув босые ноги на диванный валик. Но печатная информация совсем не задерживалась в его голове. Напротив, там роились мысли по делу, которое они распутывали вместе с Клестом. Как вычислить и предупредить следующий ход маньяка?

Нет, об этом нельзя думать постоянно! Нужно как-то отвлечься, мозги должны хотя бы вечером отдыхать. Может, телевизор поглядеть? Что там, интересно, по "Спорту" показывают... Он отложил книгу, стянул с носа очки, и в этот момент в дверь позвонили.

Кого это несет, интересно? На часах уже почти десять.

Натянув треники, Виктор двинулся в прихожую. Поглядел в глазок, и обомлел. На лестничной площадке стояла Лизка, и так жалобно смотрела, что защемило сердце.

— Господи, Лизок, — забормотал он, распахивая дверь, — что ты здесь делаешь одна...

Договорить он не успел, потому что в следующий миг что-то очень быстрое промелькнуло перед глазами, и страшный удар, пришедшийся чуть выше скулы, отбросил его вглубь прихожей. Чья-то темная тень заслонила дверной проем. Не успев опомниться от первого удара, он получил второй, на это раз носком ботинка в подбородок, и на этот раз провалился в глубокий нокаут.

Когда Виктор очнулся, то не сразу вспомнил, что с ним произошло. Но когда он увидел сидевшую рядом Лизу, а чуть в стороне смутно знакомого, одетого во все черное длинноволосого незнакомца, поигрывающего длинным шилом, то память услужливо напомнила ему все подробности произошедшего. Саднящая скула и пара выбитых нижних зубов также свидетельствовали, что его лицу пришлось испытать несколько неприятных мгновений. Виктор попытался вскочить со стула, однако тут же понял, что это ему вряд ли удастся — руки за спинкой были чем-то стянуты так туго и надежно, что не стоило и пытаться.

— А-а, очухался... Наконец-то, а то мы с Лизонькой уже заскучали, все гадаем, когда это наш папочка соизволит прийти в себя.

Незнакомец улыбнулся одними губами, подошел к его дочери и погладил ее по голове затянутой в черную перчатку рукой. Лиза сидела бледная, и на прикосновение длинноволосого никак не отреагировала.

— Подонок, не трогай мою дочь!

Он снова дернулся, и вновь никакого эффекта. А затем вспомнил, где мог видеть этого человека. На том самом портрете, который нарисовал Клест, изображая убийцу секретарши гадалки Линды. От этого ему стало совсем тошно, но он тут же вспомнил о дочери, которая так же находилась во власти безумца, и прорычал:

— Хорьков, тварь, если хоть один волос упадет...

— Замечательно, что ты понял, кто я такой, — улыбнулся Зиновий. — А твоей дочурке я не собираюсь пока делать ничего плохого. Заметь — пока... Потому что если ты не ответишь на мой вопрос, то несчастное дитя умрет у тебя на глазах. Так, солнышко?

Он прикоснулся к бледной щеке Лизы кончиком шила, и на этот раз она чуть заметно вздрогнула. А Леонченко вновь испытал прилив жгучей ненависти к этому... Нет, не человеку, скорее, к зверю в человеческом обличье.

— Чего ты хочешь? — спросил он, с трудом подавляя желание рвануться что есть сил, разрывая жилы на запястьях, и вцепиться зубами в горло ублюдку. Знал, что все равно ничего он ему сейчас сделать не сможет.

— Мне нужно знать, где сейчас мой ненаглядный братец и его подружка, с которой у меня осталось незаконченное дело. Хочу преподнести им небольшой сюрприз.

— А больше ты ничего не хочешь?

— Восхитись моей скромностью, но это единственное желание, от выполнения которого зависит, останется ли жива твоя дочь. О тебе, — добавил Зиновий, — речь не идет. Хотя, если ты будешь упорствовать, смерть твоя будет еще ужаснее, нежели кончина Лизоньки.

— А жаль будет ее убивать, — продолжал Хорьков, бросая взгляд в сторону девочки. —

Такая красавица растет, лет через десять удачно выйдет замуж, нарожает детишек... Но это, опять же, зависит от тебя, следовательно. Столь радужная перспектива может разбиться о суровые стены реальности.

Виктор до крови закусил губу, сдерживая стон. Вот уж никогда не думал, что окажется перед подобной дилеммой — предать друга, или спасти дочь. Хотя кто знает, можно ли верить этому отморозку на слово. Вполне вероятно, что он в любом случае расправится с Лизой. Но стать еще при этом и Иудой... Нет, он не сможет так поступить!

— Я тебе ничего не скажу, — прохрипел он, и сделал последнюю попытку спасти ситуацию. — Хорьков, тебя все равно поймают, за тобой идет настоящая охота, и гулять на свободе тебе осталось всего ничего. Неужели из-за каких-то идиотских принципов ты готов принести в жертву ни в чем не повинных людей, даже ребенка?

— А вот это уже не тебе решать, прокурор хренов! — с неожиданной злостью выкрикнул Зиновий. — Мои принципы тебя не касаются, это мое личное дело. Не суй свой нос в чужие дела. И если ты не понял, что я достигну своей цели во что бы то ни стало... Посмотрим, как ты запоешь через минуту.

Он повернулся к Лизе, резким движением срывая с нее розовое платишко. Девочка с полузадушенным вскриком попыталась прикрыть несформировавшуюся грудь своими худыми ручками, и эта ее незащищенность рванула сердце Леонченко железными когтями. Он крепко, до слез зажмурился, однако оглохнуть не мог при всем желании. А дочка кричала, вернее, тоненько визжала в одной тональности, и с каждой секундой решимость Виктора таяла на глазах.

— Хватит!

Крик тут же прекратился. Он заставил себя открыть глаза, но в сторону дочери старался не глядеть, пугаясь увидеть нечто, чего его униженный разум просто не выдержит.

— Что, созрел?

В поле зрения Леонченко появился поигрывающий шилом Зиновий. Он приблизил свое лицо к лицу пленника, и у того на мгновение мелькнула надежда, что удастся впиться зубами в сонную артерию врага. Но, словно уловив мысли Виктора, Хорьков тут же отстранился.

— Я скажу, где Клест... Но взамен ты должен гарантировать, что моя дочь останется живой.

— Можешь быть уверен, я и пальцем ее не трону, если, конечно, ты меня не обманешь. Тогда, ручаюсь, Лизоньке придется очень, очень плохо. Итак...

Боже, он никогда еще так себя не ненавидел. Даже тогда, когда в 10 классе на самом первом в жизни свидании он обпился пива, после чего его замутило, и он сбил под ноги своей пассии, первой красавицы школы, Ленки Кузьмичевой. И зачем он только спросил у Лешки, где находится эта треклятая дача какого-то Яковенко! Не знал бы — и выбирать не приходилось бы...

— Твою-то мать! — выдохнул Клест, выходя из транса. — Он отправился на дачу, ну, туда, откуда я приехал. А там Оксанка, Митя...

Вспомнив, что Оксана специально перед его отъездом включила свой телефон, он принялся тыкать в кнопки сотового. Успеть ее предупредить, пусть бегут сломя голову куда угодно, только бы подальше оттуда... Однако она почему-то не спешила брать телефон. А может, просто не могла взять трубку?!

— Что вы увидели? — встревожено заглянул ему в глаза вошедший в комнату капитан. — Толком можете объяснить?

— Объясню в машине, по дороге. У вас есть при себе оружие? Тогда садимся в машину, дорога каждая секунда.

Было видно, что старшему оперуполномоченному совсем не улыбается нестись куда-то среди ночи, да еще неизвестно, что там их ждет. Но сейчас он целиком полагался на знаменитого "Сканера".

— Может, все же посвятите меня в подробности происходящего? — спросил капитан, когда они уже выехали на трассу.

— Что?

Клест настолько был в своих мыслях, то и дело набирая сотовый Оксаны, что не сразу расслышал вопрос Титова.

— Что такого вы увидели, если сорвались, ничего не объяснив, да еще и меня с собой потащили? Может, стоило еще парочку сотрудников прихватить?

— Его нужно брать не количеством. Сейчас для нас главное — вопрос времени. Нужно успеть во что бы то ни стало, до того, как он что-нибудь сделает с ними... Он ведь специально заставил Лизу звонить в милицию. Словно знал, что вы обратите внимание на раскрытый блокнот, и на запись в нем, касающуюся меня... Кстати, где этот блокнот?

— Он у меня. Однако это вещдок, и...

— Раскройте его на месте записи. Пожалуйста.

Капитан, видимо, не ожидавший подобного тона от гражданского лица, обиженно засопел, но все же достал из кармана блокнот и раскрыл его на указанной странице.

— "Если со мной что-то случится — позвонить Алексею Клесту", — процитировал Алексей, немного сбавив скорость. — Еще и телефон мой сотовый указан. А почерк не Витькин, это я точно говорю.

— Вы точно в этом уверены? Что же, выходит, преступник знал, что мы вас вызовем... Послушайте, я ничего не понимаю, — пробурчал Титов. — Или вы сейчас же мне все расскажете, или я прикажу водителю остановить машину.

Неожиданный ультиматум немного привел Алексея в чувство. Действительно, нужно же посвятить полицейского хотя бы в часть истории с Зиновием, чтобы он получил какое-то представление об этом ужасном человеке.

На изложение краткой версии ушло минут десять. Закончил Клест описанием опасности, грозящей его девушке и ее ребенку. Про Митину болезнь он промолчал, ни к чему посторонним людям знать лишние подробности. К тому времени они уже въезжали на

территорию дачного поселка, и Алексей вглядывался в ночную темноту, сам толком не понимая, что он ожидал увидеть в рассеянном свете фар.

Дверь коттеджа была не заперта. Едва не сорвав ее с петель, Клест ворвался в ярко освещенную гостиную.

— Оксана, Митя!

Ответом ему было молчание. Только за спиной раздавалось сопение капитана, на всякий случай державшего наготове пистолет.

В течение последующих пяти минут Алексей осмотрел все закоулки дома. Вернувшись в гостиную, обессиленно опустился на стул, вцепившись пальцами в волосы:

— Нет, пусто... Он их забрал.

— Что ж, нужно поднимать все посты, вызывать...

— Что толку?! Поймите, это необычный человек, и ловить его нужно не обычными методами.

В этот момент взгляд Алексея привлек коричневый шнурок, торчавший из-под дивана, и показавшийся ему смутно знакомым. Ведомый шестым чувством, он наклонился и потянул за обмахрившийся конец шнурка, а через мгновение в его руках был маленький медный крестик. Ну вот и подтверждение тому, что здесь был Зиновий.

— Что это, улика? — спросил капитан.

— Нет, это крестик Оксаны, — сам не зная зачем соврал Алексей и сунул находку в карман.

Когда братец обнаружит пропажу (а он ее должен обнаружить), то резонно предположит, что обронил крестик на даче. Кто знает, вдруг этот крест настолько ему дорог, что он все бросит и примчится на место преступления?

А ведь эта вещь когда-то принадлежала моей матери, подумал Клест. Но она не донесла свой крест до конца пути, переложив его тяжесть на плечи рожденного неизвестно от кого сына. Может, эта ноша и оказалась непосильной для Зиновия, в результате чего тот и выбрал дорогу, которую сам же стал усеивать трупами...

Ладно, остановись, одернул сам себя Алексей. Сейчас не время отвлекаться на философские рассуждения. Нужно думать, как вызволить Оксану и Митю.

Однако в течение ближайшего часа, выкурив с десяток сигарет, он так ничего и не придумал. Воображение упорно рисовало жуткие картины, в которых сумасшедший родственник мучил мать и сына, и Клест не находил себе места, мечась из угла в угол. Голыми руками он порвал бы подонка на части, но как... как его поймать?!

То и дело поглядывавший на часы Титов время от времени покашливал и сочувственно следил за его переживаниями. Пока он ограничился лишь тем, что передал по рации команду ввести в действие план "Перехват", с указанием примет преступника. Но сам на это почему-то надеялся мало. Во-первых, до города отсюда не так уж и далеко, Зиновий вполне мог за это время затеряться в Приволжье. Или вообще уехать в противоположную сторону. Но там хотя бы на трассе посты ГИБДД, поэтому преступник вряд ли рискнет отправиться по ночной трассе с пленниками.

Наконец капитан не выдержал:

— Похоже, вам трудно сейчас мыслить логически, у меня тоже толком ничего не выстраивается. На меня вылилось слишком много информации за один раз. Давайте-ка действовать согласно заведенному порядку. Сейчас я вызываю наряд, криминалисты здесь все осмотрят, может, найдется какая-то зацепка. Я и сам пока поработаю, не сидеть же

сложна руки.

Через час у дачной калитки остановился очередной служебный автомобиль, из которого высыпали пятеро человек. Один принялся деловито исследовать как внутренности дома, так и подъезд к нему, особенно усердно изучая порядком размытые дождем следы шин. Второй прошел в дом, попросив никого ничего не трогать, натянул на руки тонкие резиновые перчатки и приступил к делу.

Алексей по-прежнему сидел, застыв в одной и той же позе, невидяще глядя в точку перед собой. Эта тварь решила разобраться с неоконченным делом. Но теперь одной девушки ему показалось мало? Неужели у него поднимется рука на ребенка? Сейчас Клест готов был отдать свою жизнь и за Оксану, и за Митьку, в одночасье ставших для него самыми родными и близкими людьми на земле. О том, что с ним может случиться, он боялся даже думать. Ведь он уже не мыслил без них своего будущего.

Но Хорькова жизнь сводного брата в такой ситуации не устроила бы. Он мечтал сделать Клесту больно, и не мог придумать ничего страшнее, чем лишиться его невесты и сына.

Между тем эксперты закончили свои дела, о чем и доложили оперуполномоченному. Тот повернулся к Клесту и развел руками:

— Ну что ж, Алексей Викторович, я, пожалуй, поеду с ребятами. Больше ничем помочь не могу. Будем ждать результатов экспертизы. Кстати, запишите номер моего сотового, если что — сразу звоните.

Проводив капитана с его подручными, он сел на диван, обхватив голову руками. Затем, не в силах сидеть без дела, подошел к окну. Снаружи уже начинало светлеть, звезды таяли в голубеющем небе, и только Венера по-прежнему сияла ярко и беззаботно.

Богиня любви, что же ты сделала со мной, думал он, за что мне такое наказание? Не встретил бы я тебя, Оксанка, и не мучился бы сейчас, не изводился.

Снова прошелся по комнате, остановился перед зеркалом. На него глядело незнакомое лицо, обросшее щетиной, с мешками под глазами и взглядом загнанного волка. А на висках уже засеребрились седые волоски. Пережив смерть друга и похищение любимых людей, за одну ночь он изменился неузнаваемо. И, возможно, навсегда.

Его страдания прервала резкая трель сотового телефона. Алексей посмотрел на панель, и в его душе что-то оборвалось: там высвечивался номер телефона Оксаны. Неужели... Нет, этого не может быть, они же точно в лапах Зиновия... С замиранием сердца он нажал зеленую кнопку и поднес трубку к уху.

— Алло...

— Здорово, Лешка! Как я рад снова слышать твой голос. Переживаешь, наверное, из-за бабы с пацаном, места себе не находишь...

— Что. Ты. Хочешь? — медленно, жестко выговаривая каждое слово, произнес Алексей.

У Клеста уже не было сил кричать, угрожать, молить о пощаде... Да и знал он, что все это бессмысленно. Его волновало только одно: живы Оксана с Митей, здоровы, или...

— Пока с ними все нормально, — словно прочитав его мысли, сказал Зиновий. — Я знаю, ты готов пойти на все ради их спасения. И я предлагаю тебе встретиться, чтобы обсудить кое-какие детали.

— Где и когда?

— Через час. Подъезжай к строящемуся гипермаркету на улице Баумана, недалеко от технологического института. Стой и жди, пока я не подам тебе сигнал. Какой — сразу поймешь. И помни, никакой самодеятельности. Как только заметишь что-то подозрительное —

можешь со своими любимыми попрощаться.

В трубке зазвучали гудки отбоя. Алексей механически сунул телефон в подсумок, несколько секунд молча смотрел перед собой, а затем с криком: "Су-у-ука!!!" впечатал кулак в стену.

Порыв ярости угас так же быстро, как и возник. Он взглянул на окровавленные костяшки пальцев, удивившись, что совсем не чувствует боли, вновь взял в руки телефон и стал вызывать такси.

У новостройки он был на двадцать минут раньше оговоренного срока. Алексей стоял, прислонившись к стене дома напротив, и смотрел на строящееся здание, поднимавшееся из-за глухого забора, пытаясь обнаружить следы присутствия Зиновия. Через несколько месяцев здесь будет сверкающий стеклом и сталью гипермаркет, раскинувшийся на нескольких сотнях гектаров, пока же о будущей красоте ничего не напоминало. Мрачное строение пиялилось наружу черными провалами окон, и где-то там сейчас находился человек, от которого зависела жизнь самых на этот момент близких ему людей.

Не раз и не два за это время Алексей порывался позвонить Титову, однако в последний момент сдерживался, веско предполагая, что Хорьков не так прост, и наверняка подстраховался на этот случай. И на кону стояла жизнь Оксаны и Мити, которыми он не мог рисковать.

Когда часовая стрелка подбиралась к половине пятого, Клест уже не находил себе места. Неужели обманул? Но тут ему показалось, что в одном из окон новостройки на мгновение вспыхнул свет. Он присмотрелся повнимательнее, и спустя несколько секунд вспышка повторилась. Кто-то явно сигнализировал ему при помощи фонарика.

Алексей выбрался из машины, от волнения даже забыв запереть дверцу. Мимо темного вагончика сторожа он шел крадучись, опасаясь из-за одного неосторожного движения провалить все дело. Первый этаж гипермаркета представлял собой огромную, залитую бетоном площадку размером в два футбольных поля.

На второй этаж вела широкая лестница в два пролета. Еще раз проверив, на месте ли пистолет, украденный из квартиры Леонченко, Клест решительно двинулся вверх.

Второй этаж представлял собой такого же размера территорию, правда, разбитую на три минифутбольных поля. Каждое было отделено одно от другого кирпичной, даже еще не оштукатуренной стеной.

Алексей миновал первый отсек, второй, дошел до дальней стены, заканчивавшейся огромным оконным прогалом. Наклонившись, посмотрел вниз. Из кучи строительного мусора, словно иглы гигантского дикобраза, торчали штыри арматуры. Сигнал ему посылали из окна, находящегося где-то в этом отсеке. Ну и где, где этот гребаный Зиновий!..

— Я рад, что ты не стал предпринимать неосторожных поступков. Теперь мы наконец-то сможем поговорить тет-а-тет, в спокойной, почти домашней обстановке.

Алексей резко обернулся, только в последний момент удержавшись от того, чтобы не выхватить спрятанный сзади под курткой "Макаров". Зиновий стоял от него в десятке метров, одетый в тот же длиннополый плащ, который был на нем, когда он под видом бомжа клячил у сводного бутылку. Руки Хорьков спрятал в карманы, и глядел он на Алексея с оттенком легкого любопытства, слегка наклонив голову влево.

Странно, но в этот момент Клест почему-то не испытывал к нему никаких чувств, кроме как ответного любопытства. Второй раз он видел этого человека, если его можно было так назвать, и только теперь он мог его разглядеть как следует, зная, кто перед ним. Собственно говоря, во внешности Кукловода ничего не изменилось, разве что добавилась длинная красная царапина на щеке. Те же темные, равнодушные глаза, тонкие губы, трехдневная

щетина, длинные, сальные волосы...

Так, рассматривая друг друга, они стояли то ли минуту, то ли час... Время для Алексея, казалось, перестало существовать. Из легкого транса его вывел клаксон проезжавшего неподалеку от новостройки автомобиля.

— Где они?

Зиновий криво улыбнулся, обнажив хорошие, ровные зубы. Наверное, пользуется услугами квалифицированного дантиста, совсем не в тему подумал Клест. Как-то не вызалось это достижение стоматологии с внешним видом Хорькова. Однако тем не менее...

Ну, да с его паранормальными способностями можно не только дантиста напрячь, но и людей покруче. Банкиров, например. Господи, неужели он не мог направить свой дар в другое русло, скажем, заняться собственным благосостоянием?! Купить виллу на Карибских островах, и проводить время в обществе красавиц с голливудской внешностью... До чего же нужно было озвереть, чтобы стать не человеком, а... Даже не волком, волки и то пускают кровь только по необходимости, когда жрать охота, или им угрожает опасность. А этот отморозок готов положить на алтарь своей мести души ни в чем не повинных людей. И сколько уже положил!

— Прежде чем мы начнем торг, я хочу показать тебе один свой шедевр.

Зиновий повернулся и, немного прихрамывая, прошел немного назад, а затем повернул направо, за одну из кирпичных перегородок. Алексей, чувствуя, как сердце начинает ускорять свой бег, двинулся следом, с трудом сдерживаясь, чтобы не воспользоваться тем, что противник повернулся к нему спиной, и не достать пистолет.

Между тем они оказались в нешироком, но длинном закутке. Хорьков включил карманный фонарик и направил луч желтоватого света на дальнюю стену. Алексей увидел чью-то обнаженную фигуру, как будто бы пришибленную к кирпичной кладке. Руки человека были раскинуты в стороны, голова свешивалась на грудь, а ноги даже не доставали до пола. Ладони и ступни бедняги были прибиты к стене, а из-под поблескивающих шляпок гвоздей пролегли темные дорожки засохшей крови. Грудь мертвеца также покрывала сеть кровавых дорожек.

Почему-то еще пахло фекалиями, но для новостроек это обычное дело. Наверняка здесь вечерами собирается молодежь, пивка попить да девок потискать. Вот и гадают, не отходя от кассы. Тем более что охраны почему-то нет, экономят что ли не ней...

— Не узнаешь? — спросил убийца, приближаясь к распятому и направляя луч фонаря тому прямо в лицо.

Клест сглотнул застрявший в горле комок с чувством одновременно и облегчения, и боли. С облегчением, потому что распятый не был ни Оксаной, ни Митей. Хотя для Мити, запоздало определил Алексей, он был явно великоват. А с болью, потому что узнал в несчастном Егорова.

— Его-то за что?

— Знаешь, мне очень хотелось заполучить твою картину, — с почти что натуральным вздохом сожаления произнес Зиновий. — Вернее, мне хотелось сделать еще одну попытку проникнуть в твой мозг при помощи разрисованного холста, установить психофизический контакт.

— То есть?..

— Ты наверняка не раз слышал образное выражение, будто настоящие писатели, поэты и художники вкладывают в свои произведения часть своей души. Но ведь это происходит на

самом деле, мой любимый братец! Рисую полотно, ты через кисть и краски отдаешь холсту часть своего энергетического потенциала... Умными словечками оперирую, небось удивил? Знаешь, в одном не очень замечательном месте, где я пребывал несколько лет, мне разрешали читать литературу, и не только об этом, так что не удивляйся моим познаниям. За эти годы я перечитал столько, сколько ты не прочел за всю свою жизнь... Так вот, попытки простого ментального контакта с тобой у меня не выходили. Почти не выходили. Помнишь нашу первую встречу в скверике? А затем еще и ночь в поезде? Тогда я смог пробиться в твой разум, когда он спал, но это был все же неполноценный контакт.

— И что дальше? Ты меня пригласил сюда выслушивать твои бредни?

— А мне очень, очень хотелось покопаться в твоих мозгах, понять, почему ты такой же, как я, и не такой, как все, — продолжал как ни в чем ни бывало Зиновий. — Один я представляю большую силу, но вдвоем мы завладели бы всем миром. Однако ни мне, ни тем более тебе этого не достичь. Я вынужден скрываться от спецслужб, вся моя жизнь — это прятки, которая может закончиться точным выстрелом снайпера или на хирургическом столе фээсбэшных вивисекторов. А ты слишком хорошо воспитан, чтобы использовать свой дар себе на пользу. С другой стороны, возможности моего дара гораздо выше, я могу управлять людьми, подчинять их своей воле, а ты — только читать воспоминания покойников.

— Я тебя понял, — сказал Алексей. — Но ты не объяснил, за что отдал жизнь мой товарищ.

— Такая уж у него судьба, — совершенно искренне вздохнул Хорьков, однако уже спустя мгновение на его губах появилась злорадная ухмылка. — Я рассчитывал честно купить картину при посредничестве этого человека, с деньгами у меня проблем нет. Но он плохо справился со своей работой, не смог заставить тебя дописать ее. А я устал ждать, и решил твоего продавца наказать. Впрочем, даже если бы мне и не удалось через картину узнать твой внутренний мир, я бы повесил ее на стену, смотрел на нее и думал о том, какие еще муки придумать для тебя?

Зиновий неожиданно выключил фонарик, и они моментально оказались в полной темноте. Лишь только где-то сзади светлел дверной проем, но этого света было недостаточно, чтобы Клест мог разглядеть своего недруга.

— Я привез его сюда вчера вечером, перед тем, как отправиться к твоему дружку Леонченко, — раздался из темноты голос. — Твой Егоров визжал, будто свинья, так что пришлось накачать его тем же препаратом, что и того бизнесмена, которому я отрезал гениталии. Правда, когда я заколачивал гвозди, у твоего друга опорожнился кишечник, и он едва не испортил мне туфли. Чувствуешь, как пованивает? Но я на него в обиде — все же столь важное событие в жизни человека случается не каждый день. Потом я стал рисовать на его коже ножом... Леша, мне кажется, что во мне пропадает художник! Хочешь оценить мое мастерство? Подходи ближе, я посвечу.

Снова вспыхнул фонарик, освещая кошмарную картину, достойную кисти Иеронима Босха. Теперь, приглядевшись, Клест сумел получше рассмотреть то, о чем говорил Хорьков. Грудь Егорова представляла собой кошмарное полотно, на котором среди потеков крови можно было разглядеть силуэт храма с тремя куполами, и витающих над ним двух карикатурных ангелов. Алексей непроизвольно вздрогнул, вспомнив свое "Лето", где был похожий сюжет, только вместо храма на его картине изображено дерево.

На лицо Клеста свет не падал, но Зиновий, наверное, уловил исходявшие от него

флюиды ненависти.

— Давай-ка, братец, выйдем отсюда, а то, я гляжу, на тебя не лучшим образом действует вид твоего бизнес-партнера.

Алексей молча развернулся, двинувшись к дверному проему. Преодолевая эти несколько метров, он ожидал чего угодно, вплоть до коварного удара ножом промеж лопаток, а может, и выстрела в затылок. Кто знает, что у этого ублюдка в кармане плаща...

Однако если Хорьков и собирался расправиться с братом, то явно не сейчас. Он с беспечным видом уселся на низкий подоконник, закинул ногу на ногу, обхватив ладонями колени и, довольно прищурившись, поглядел на Клеста:

— Видишь, какой я подонок? Сам понимаешь — убить человека для меня все равно, что муху прихлопнуть. А мог получиться нормальный член общества, не подбрось меня любимая мамочка в Дом малютки. Бог с ними, с уродами, которые ее изнасиловали, я бы даже это простил, если бы она признала меня своим сыном. Но она отреклась от меня! Ты не знаешь, что мне довелось испытать в детдоме, через какие унижения пришлось пройти...

— Почему же, знаю. Я ездил в Слободск, разговаривал с директором детского дома. Может быть, она была не в курсе всего, однако и услышанного оказалось достаточно, чтобы понять, как несладко тебе пришлось... Ладно, ты разобрался со своим обидчиком. Однако кто дал тебе право лишать жизни ни в чем не повинных людей?! — сдерживаясь из последних сил, чтобы не сорваться на крик, сказал Алексей. — В чем провинились дети тех, кто насиловал твою... нашу мать? Или ты таким образом компенсируешь свою полную несостоятельность как члена общества? А может быть, ты и вовсе импотент? История криминалистики подтверждает, что маньяками обычно становятся те, кто не может добиться успеха у женщин...

Зиновий смачно сплюнул на пол, и скривил тонкие, змеиные губы в ухмылке:

— Если ты хотел вывести меня из себя — то сильно просчитался. Я не собираюсь вдаваться в подробности своих половых функций, и не собираюсь рассказывать, сколько на самом деле было у меня женщин. Причем таких, что не чета твоей первой жене или этой... Оксане.

— Еще вопрос... Зачем нужно было так изгаляться над Рогозиным, его братом, зачем нужно было отрезать голову Дроздову? Или тоже тяга к искусству, как в случае с Егоровым?

Зиновий усмехнулся:

— Если ты думаешь, что я сейчас начну разглагольствовать, и таким образом ты сможешь потянуть время, то здесь Алексей Клест просчитался. Время работает не на тебя, мой милый родственничек. С каждой минутой у Оксаны и ее отпрыска остается все меньше времени. Так что я предлагаю тебе выбор: он или она.

— Что?!

— Выбирай; он или она. Сейчас они находятся в разных местах, и в ближайшие два часа их жизни ничего не угрожает. Однако, если не принять меры, то через эти самые два часа с хвостиком твоя любовница сторит, а ее больной сынок захлебнется... Нет, лично против них я ничего не имею, — махнул рукой Зиновий, заметив, как непроизвольно сжались кулаки Алексея. — Однако я дал себе слово, что сделаю все возможное, чтобы превратить твою жизнь в ад...

— Ублюдок!

— Тоже мне, открытие! Может быть, в глубоком детстве я и пытался воспитать в себе лучшие человеческие качества. Я читал книги, и представлял себя на месте благородных

героев. Капитан Немо, граф Монте-Кристо, Д'Артаньян... Однако со временем я понял, что реальная жизнь весьма далека от надуманных сюжетов и лубочных персонажей. Я пытался найти ответ в Библии, но и там меня ждало разочарование. Хотя, вероятно, что если бы я с самого детства воспитывался в церковном приюте, то вырос бы эдаким хромоногим добрячком, иисусиком, проповедующим любовь. Ударьте меня по левой щеке, а я подставлю правую!

— Однако жизнь не оставила мне выбора, — продолжал Зиновий, немного успокоившись. — Она меня била, и я понял, что выжить в наше время имеет шансы только человек, не знающий жалости. И стал воспитывать в себе жестокость... Впрочем, не думаю, что тебе будет интересно узнать, как я это делал. Наверное, тебя больше интересует, как спасти Оксану. Или Митю? Ты пришел к выводу, кто тебе дороже?

— Они оба мне дороги, если тебя это интересует. Я не собираюсь выбирать кого-то одного...

— Однако тебе придется сделать выбор. Именно в этом и заключается, если можно так выразиться, фишка. И учти, времени остается все меньше.

— Тварь!..

— Ой, сводный, я тебя умоляю... Давай не будем сейчас прибегать к подобного рода эпитетам! На словах ты можешь смешать меня с дерьмом, втоптать в пыль, скормить свиньям... — но это ничего не изменит. Я же только что исповедовался перед тобой, раскрыл, как говорится, душу... Хотя, что это я, ты же уверен, что души у меня нет. Но я до сих пор ношу крестик, который надела на меня наша мать перед тем, как отречься от собственного ребенка. И знаешь, этот символ христианства, к которому с некоторых пор я в общем-то отношусь равнодушно, он дороже мне всех людских жизней, которые я отобрал. Наверное, в этом есть какая-то детская непосредственность, алогизм, что ли, но, тем не менее, я несу свой крест по жизни, и он очень, очень тяжелый.

Алексей запустил руку в карман и выудил оттуда крестик.

— Не этот, случайно?

— Как он у тебя оказался? — глухо спросил Хорьков. Он сунул руку за пазуху и удостоверился, что интересующей его вещи там нет. — А-а, догадываюсь, я обронил его, когда вязал твою сучку. Уж больно она резвой оказалась, еще и щеку мне расцарапала. Надо было ее сразу грохнуть, но правила игры для меня важнее, чем личные мотивы...

— Правила игры? Для тебя это, значит, всего-навсего игра?! Десяток человеческих жизней...

— Давай без сентенций, сводный. Договорились? — скривился Зиновий. — А теперь твое слово: пацан или баба? Даю на размышления десять секунд, иначе не получишь никого. Один, два, три...

Алексей готов был в этот момент порвать Кукловоду зубами горло, вырвать его глаза из глазниц голыми пальцами. Как он может выбрать?! Конечно, Оксана для него значит куда больше, чем Митька. Но сама она никогда не простит ему, если он выберет ее, а не мальчика. Она же жизнь за сына отдаст не раздумывая, несмотря на то, что тот умственный инвалид и никогда не станет здоровым. Она просто проклянет Алексея, и их отношения на этом будут окончены. Что же делать?

В этот момент ему в голову пришла мысль, от которой Клесту стало легко и свободно. Господи, как же он сразу до этого не додумался?! Нужно всего-навсего направить ствол пистолета в лоб... нет, лучше в грудь брата, нажать на спусковой крючок — и проблема

будет решена. Покопавшись в памяти Зиновия, он узнает, где томятся Оксана и Митя, и как их можно вызволить. А там уже остается надеяться только на свою скорость.

Наверное, на лице Алексея что-то отразилось, потому что Зиновий остановил свой счет на девяти, пристально вглядываясь в глаза сводного. А тот спокойно достал "Макаров", снял его с предохранителя и медленно направил ствол точно в сердце Хорькова. Но тот почему-то перевел взгляд за спину Клеста, и тому на мгновение показалось, что сводный просто хочет обдурить его. Как же, ему нужно, чтобы я отвлекся, купился на его движение. Только он этого не получит.

А спустя еще один миг сильный удар по кисти выбил из его руки пистолет. От неожиданности Алексей на несколько секунд впал в ступор, и этого времени хватило, чтобы оружие переключилось в руки Петерса.

— Не нужно этого делать, — сказал прибалт с легким акцентом. — Вы же знаете, что он нужен нам живым.

Столько лет прожить в России и все равно не научиться чисто говорить на русском, отчего-то не к месту подумал Клест. Держась за ушибленную кисть, Алексей обернулся и увидел чуть позади второго близнеца. Тот держал в руке пистолет какой-то необычной модификации, с длинным, утолщенным стволом, похожим на глушитель, и выпирающим назад казенником.

— Как... откуда вы здесь?

— Вы сами привели нас сюда. Вернее, маячок, встроенный в ваш телефон.

Вот оно что... От этих чекистов нужно было ждать чего-то подобного. Использовали его, как посадную утку. Провели, как младенца. Ах, до чего обидно-то!

Но это не должно его остановить, жизнь Оксаны и Митьки висит на волоске, и если он сейчас не отсканирует Зиновия, то вряд ли это удастся сделать позже. К тому же и время идет, от первоначальных двух часов осталось уже чуть больше часа. Но что он может сделать против двух подготовленных фээсбэшников? Да и Кукловод не станет сидеть сложа руки. Пока он будет выяснять отношения с близнецами, Зиновий элементарно может улизнуть, и ищи его потом.

— Послушайте, — сказал он. — Вам нужен этот ублюдок, а мне нужны девушка и мальчик, которых он держит неизвестно где. Если ничего не предпринять, через час с небольшим они погибнут. У меня был единственный шанс узнать, где они — пристрелить Зиновия и тут же его просканировать.

— Мы понимаем, — негромко ответил Янис, подходя ближе. — Но у нас нет вариантов. Мы должны обездвигнуть клиента с помощью парализующей нервную систему иглы и в специальном контейнере, обитом изоляционным материалом, доставить его в лабораторию. И если вы будете нам мешать — придется вас ликвидировать. Так что отойдите лучше в сторону и не путайтесь под ногами. Близнюк ждет Кукловода живым.

Глядя на невозмутимого прибалта, Алексей едва сдерживался, чтобы не заехать тому по невозмутимой, самоуверенной физиономии. Ну уж нет! Никак нельзя допустить, чтобы эти два урода распорядились жизнями Оксаны и Мити по своему усмотрению. Пусть генерал и его близнецы-мутанты твердят о выгоде, которую могла бы получить страна от использования дара Зиновия. А он, Алексей Клест, обязан очистить землю от этого больного маньяка и спасти жизнь любимых людей. Достаточно было смертей, теперь должен умереть еще только один.

Он напрягся, прикидывая, как лучше отключить Яниса, поскольку тот со своим

необычным пистолетом выглядел более опасным соперником. Но в этот момент раздался голос Зиновия, чья фигура по-прежнему темнела на фоне оконного проема, за которым уже начинало светать.

— Как вы здорово все за меня решили. Слушать вас было просто одно удовольствие. Однако и у меня есть свое мнение. Маленькое, казалось бы, ничего не решающее, но все же мнение. А оно таково, что вашей поганой лаборатории я предпочту смерть. Вряд ли у меня еще выпадет шанс вырваться оттуда, на этот раз вы мне будете намного осторожнее, да и я устал от всего этого. Сейчас мне остается только сделать последний шаг. А с тобой, Леша, я не прощаюсь...

С этими словами Зиновий стал медленно заваливаться назад. Петерс ринулся вперед, пытаясь остановить падение Хорькова, но его пальцы схватили лишь воздух. В воздухе мелькнули ботинки Кукловода, а спустя секунду послышался глухой удар и вскрик. Все трое кинулись к окну.

Зиновий лежал лицом вверх, уставившись стекленевшими глазами в светлеющее небо. Из приоткрытого рта стекала струйка густой крови. А из груди самоубийцы торчали прутья арматуры, окрашенные в темный цвет.

— Нужно было сразу стрелять, — сказал Петерс Янису.

— Кто же знал... Вызываем машину, грузим тело. Представляю, что будет на разборе полетов.

Они развернулись и молча пошли прочь. А Алексей несколько секунд стоял неподвижно, от безысходности готовый кинуться следом за Зиновием на острые прутья. Но внезапно его лицо прояснилось, и он кинулся к лестнице. Через минуту Клест был возле пронзенного насквозь тела сводного.

— Сейчас, только собери волю в кулак, — говорил он себе, глядя на умирающего. — От этого зависит очень, очень многое.

Близнецы приближались не торопясь, не обращая внимания на его манипуляции. А Алексей закрыл глаза и медленно поднес руку ко лбу Зиновия. Он не заметил, как в этот момент дрогнули веки Кукловода, и легкая улыбка скользнула по тонким, синеющим губам...

...В его голове мельтешили неясные образы, несколько раз он даже мимолетно видел свое лицо. Оно было то блее мела, то багровое от едва сдерживаемой ярости.

Затем Клест усилием воли заставил обрывки памяти сводного сложиться в более-менее четкую картину. Пленка воспоминаний быстро перематывалась в обратную сторону. Одновременно он помнил, что там, в реальном мире, за его спиной стоят близнецы. Только бы они не помешали ему довести начатое дело до конца. Ага, вот оно, то, что надо...

Через минуту он вышел из транса. Его слегка покачивало, в глазах плавали разноцветные круги, но теперь Алексей четко знал, что нужно делать. Оттолкнув плечом одного из близнецов (кажется, это был Петерс), он бегом кинулся к "ГАЗели", которая на удивление оперативно подъехала по звонку кого-то из прибалтов.

За рулем сидел сержант — широко зевающий парень лет двадцати пяти. На принятие решения ушли мгновения.

— Живо, выметайся из-за руля!

— Не понял... — начал было водитель, но, увидев направленный себе в лоб ствол пистолета, медленно открыл дверцу и сполз на тротуар.

Не тратя времени на разъяснения, Алексей юркнул за руль, повернул ключ в замке зажигания и "ГАЗель" рванула с места в карьер, подняв задними колесами в воздух облачко пыли.

Отъезжая, он в зеркале заднего вида успел заметить Яниса с Петерсом, ошарашенно смотревших ему вслед. Первый раз хоть какие-то эмоции на их лицах.

Он до последнего выбирал между Оксаной и Митей. И лишь добравшись до развилки сделал окончательный выбор и свернул направо. Она его возненавидит после такого решения, но он ничего не мог с собой сделать. Тем более он питал надежду, что все же успеет совершить невозможное, спасти двух самых близких ему людей.

Только чудом гонка по просыпающегося Приволжску обошлась без происшествий, хотя на одном из участков дороги гаишник и попытался его тормознуть, взмахнув жезлом.

До западной окраины города Алексей добрался через двадцать минут. Завизжав тормозными колодками, "ГАЗель" замер перед двухэтажным, зияющим выбитыми окнами бараклом. Жильцов дома давно уже расселили, и он был предназначен на слом, однако равнять его с землей пока не спешили.

Клест рванул в сторону подвального пристроя, крыша которого косо спускалась до самой земли. С помощью предусмотрительно захваченной из полицейской машины монтировки он сорвал замок. Пощелкал выключателем, однако дом, похоже, был давно обесточен. Пришлось воспользоваться слабым фонариком, которым был снабжен его сотовый.

Ступеньки уходили вниз метра на три, после чего начинался ровный земляной пол. Стены подвала были обложены древним, красноватого оттенка кирпичом, и метра через три чередовались не менее древними дверями. Судя по всему, погреба были просторными, вмещавшими некогда всякую ненужную утварь и десятки банок с консервированными овощами. Сейчас же сверху свисали нити паутины, и чтобы не собрать их макушкой,

приходилось идти, вобрав голову в плечи.

Скучный луч фонарика метался впереди, едва освещая пол под ногами. Алексей молился про себя, чтобы аккумулятор в телефоне продержался как можно дальше.

Когда же кончится этот чертов коридор?! Он то и дело порывался крикнуть, позвать Оксану, однако, покопавшись в памяти Зиновия, помнил, что рот у нее заклеен скотчем, и ответить она ему не сможет.

Тем неожиданнее оказался для него раздавшийся из темноты слабый, чуть хриловатый окрик:

— Эй, кто там? Помогите пожалуйста!

Оксана! Голос, несомненно, принадлежал ей, в этом он не мог ошибиться.

— Это я, Алексей! Сейчас, милая, я уже рядом...

Он бросился вперед чуть ли не бегом, и через несколько секунд уперся в конец коридора. Как на картинке из сканировавшегося сознания Зиновия, Оксана была привязана к столбу цепями, а ее так же туго стянутые ноги по колено тонули в ветоши, пропитанной каким-то горючим составом. Здесь же стояла пластиковая канистра с легковоспламеняющимся веществом, к которой был примотан скотчем некий загадочного вида прибор с циферблатом. Этот ублюдок еще что-то соображал и в таких вопросах. Начитанный, сука!

— Алеша, Алешенька!.. — всхлипнула Оксана. — Любимый, я знала, что ты обязательно придешь... А где Митя, что с ним? Он увел Митеньку куда-то, что он с ним сделал?..

— Оксана, успокойся, с Митей все нормально, — стараясь говорить ровно, сказал Клест. — Сейчас я освобожу тебя, и мы отправимся за сыном.

Он не хотел рисковать, пытаясь обезвредить устройство с часовым механизмом. Из воспоминаний Хорькова он помнил, как ставилось устройство, но вот как его обезвреживать... Поэтому он вновь прибегнул к помощи монтировки, и через несколько минут Оксана оказалась на свободе. Первое, что она сделала, это кинулась к нему на шею и разрыдалась:

— Боже мой, Лешка, ты даже не представляешь, что мне пришлось пережить! Он избил меня, связал, и затолкал в машину. А Митю посадил впереди, рядом с собой. Еще сказал ему, что мы поехали кататься, а с мамой он просто играет... Господи, что же мы стоим? Ты сказал, что с Митей все в порядке...

— Да, успокойся, милая, с ним все в порядке. И мы сейчас поедem за ним. Бегом за мной!

Оксана, выглядевшая весьма жалко в рваном платье, домашних тапочках и с синяком на скуле, бросилась следом.

— Голову пригни на всякий случай, — крикнул Алексей, не оборачиваясь. — А тот тут или лбом во что-нибудь заедешь, или всю паутину соберешь.

Наконец они на свободе! "ГАЗель" по-прежнему стоит у входа. Клест выудил из кармана ключи зажигания, забрался на водительское сиденье, изнутри открыл пассажирскую дверь, и Оксана тут же оказалась рядом с ним.

— Куда мы едем?

— На улицу Фрунзе, отсюда минут пятнадцать ходу, — бросая взгляд на часы, сказал Клест. — У нас в запасе еще есть время. Не волнуйся, я знаю, что делаю.

Глаза Оксаны расширились, она вцепилась в руль Алексея, отчего руль дернулся, и

машина едва не влетела в фонарный столб.

— Ты что?!

— Что значит еще есть время? Что ты имел в виду?

— Да все будет нормально... Оксан, я сейчас не буду тебе ничего объяснять, просто доверься мне. Хорошо?

Оксана молча кивнула, хотя чувствовалось, что сдерживает она рвущиеся наружу с огромным трудом.

На этот раз им повезло куда меньше.

— Водитель автомашины "ГАЗель", немедленно остановитесь! — раздался откуда-то сзади искаженный громкоговорителем голос.

Несколько секунд Алексей мысленно пережевывал фразу, и только потом до него дошло, что это именно его транспортное средство имел в виду представитель ГИБДД огласивший округу усиленным через динамик голосом.

Похоже, давешний гаишник запомнил-таки номера машины Алексея, доложил куда следует, и теперь на угнанный у органов правопорядка автомобиль объявлена настоящая облава. И что прикажете делать? Тормозить, тратя драгоценные секунды на объяснения? Кто его будет слушать, сто процентов — заломят руки за спину, да еще и по физиономии настучат.

Как назло, и удостоверения с собой у него не было. Пока докажешь, кто ты и что ты, пока пропустят через базу данных... одним словом, пройдет столько времени, что про спасение ребенка можно уже будет и забыть.

Ну уж нет, врите, господа хорошие! Мы с вами обязательно пообщаемся, но только после того, как я сделаю все свои дела. Очень важные дела, на кону стоит жизнь ребенка, сына любимой мною женщины. А потому предлагаю устроить небольшое ралли по рассветным улицам Приволжска.

Клест утопил педаль газа до упора, одновременно перекидывая рычаг коробки скоростей с третьей в четвертую позицию. Мотор взревел, словно раненый зверь, и четырехколесное изделие волжского автозавода понеслось по трехрядной полосе, заставив опешившего водителя ехавшего параллельно "Опеля" испуганно притормозить. Висевшая в зеркале заднего обзора белая "десятка" с синей полосой на боку стала резко уменьшаться в размерах. Впрочем, продолжалось это недолго, вскоре преследователи стали хоть и медленно, но все же приближаться.

— Да вы какие настырные!

Клест резко вывернул руль, сворачивая на второстепенную дорогу. "Десятка" едва не пролетела поворот, вписавшись в него лишь в последний момент.

— Водитель "ГАЗели", немедленно остановитесь! — снова раздалось из динамиков. — Это приказ. Иначе мы будем вынуждены открыть огонь.

А ведь и правда откроют, подумал Алексей. Впрочем, сначала наверняка начнут стрелять по колесам, и вполне возможно, даже попадут. В любом случае, это грозит серьезной задержкой, теперь-то, после такой погони, оскорбленные в своих лучших чувствах менты не станут миндальничать, повяжут, как пить дать, а заодно, глядишь, и пару ребер сломают. Да-а, веселая перспектива.

Он покосился на Оксану. Та, казалось, впала в ступор, глядела остекленевшим взглядом прямо перед собой, лишь изредка помаргивая, когда машину подкидывало на кочках или заносило на особо крутых виражах.

Неожиданно пришедшая в голову мысль показалась ему на первый взгляд дикой. Однако еще через пару кварталов, когда раздался выстрел — хотелось надеяться что предупредительный в воздух — он понял, что это едва ли не единственно возможный в данной ситуации выход.

— Оксана, — громко сказал он, вписываясь в очередной поворот, — слушай меня внимательно. Оторваться от них нам, скорее всего, не удастся. Поэтому я сейчас остановлю машину, и разыграю небольшой спектакль. Твоя задача — мне подыгрывать. Другого выхода нет, иначе мы просто не успеем спасти Митю. Ты меня поняла?

Она кивнула, и в ее взгляде при упоминании сына промелькнуло что-то, отдаленно похожее на грусть.

"Ох, не нравится мне твое состояние, — подумал Алексей. — Но придется тебе помочь мне, иначе..."

Что будет тогда с мальчиком, если он не успеет, не хотелось даже думать.

Между тем раздался еще один выстрел, и пуля вдребезги разнесла зеркало заднего вида. Твою мать, снайперы, специально что ли целились...

Странно, что еще по колесам не стреляли. Однако это могло случиться в любой момент. Поэтому Алексей резко принял к обочине и дал по тормозам. Не теряя ни секунды, он опустил на дверце кнопку блокиратора, затем сунул руку за пояс, и вытащил принадлежавший когда-то его другу пистолет, а ствол приставил к затылку Оксаны.

— Любимая, помни, что этот спектакль спасет жизнь Митьке, — еще раз напомнил. — Сделай испуганные глаза, большего я от тебя пока не прошу.

Через несколько секунд рядом с "ГАЗелью" притормозила полицейская "десятка". Из машины выскочили двое в форме. Капитан — судя по всему главный в этой паре — держал в руке "Макаров" и отчаянно матерился. Сержант-водитель был вооружен АК-47 с откидным прикладом.

— А ну, мать твою, на выход, быстро! — прорычал капитан.

Однако Алексей и не думал выполнять приказ. Сообразив, что придется все делать самому, не доверяя даже молоденькому сержанту-водителю, капитан рванул на себя водительскую дверь "ГАЗели". Однако та оказалась закрыта на блокиратор. Немного приспустив со своей стороны окно, Алексей приставил ствол к голове опешившей девушки и спокойно сказал:

— Отойдите от машины, или я сейчас прострелю ей черепушку.

— Что? Ты что творишь?! Немедленно отпусти заложницу! — проблеял капитан, и его лицо из пунцового тут же стало серовато-землистым.

И в этот момент Оксана начал рыдать, по ее лицу текли самые что ни на есть натуральные слезы, а вдобавок еще раздалась и рыдания.

— Мне что, повторить для особо одаренных? У меня нет времени разговаривать с тобой разговоры. Ключ от замка зажигания своей машины мне быстро отдали, или считаю до трех и спускаю курок. Раз...

К счастью, капитан оказался понятливым. Начав снова багроветь, теперь уже от ярости, он кивнул сержанту, и тот бросил ключ в приспущенное водительское окошко.

— Вот и отлично. А теперь вынужден с вами попрощаться. Если мы еще и встретимся, то немного в другой обстановке.

— Это я тебе обещаю, тварь, — прошипел капитан. — Следующая встреча будет для тебя незабываемой.

Не тратя более времени на разговоры, Алексей дал по газам, оставив позади опешивших полисменов. Жаль, зеркало заднего вида оказалось разбито, нельзя было посмотреть на лица глядящих вслед гаишников.

"Да, представляю, какой теперь переполох поднимется, — подумал Алексей. — Не каждый день в нашем городе берут заложников".

— Солнышко, милая, успокойся, все будет нормально, — он положил ладонь на бедро еще всхлипывающей Оксаны. — Извини, что пришлось разыграть этот дешевый спектакль, но у нас не было другого выхода. И ты оказалась потрясающей актрисой.

Постепенно слезы на глазах девушки высохли, и она даже нашла в себе силы улыбнуться:

— Да какая я актриса... Мне на самом деле нужно было выплакаться, чтобы не сорваться в более серьезную истерику. И ты все правильно сделал, Леша. Нам сейчас в первую очередь нужно спасти Митю. И если понадобилось бы для этого стать настоящей заложницей, я и на это согласилась бы.

— Какая ты у меня молодец! — сказал он. — Ничего, осталось совсем немного, скоро будем на месте. У нас еще есть время, успеваем... Главное, верь мне, и все будет нормально.

Мимо по-прежнему проносились серые прямоугольники домов, в некоторых окнах уже горел свет. Встретился и любитель бега трусцой, семенивший по тротуару навстречу летевшим спасать жизнь маленького человечка двум людям. За которыми уже мчалась новая погоня из двух спецмашин — легковой "БМВ" с синей полосой на боку и небольшой крытый грузовичок ОМОНа. Но стрельбу больше не открывали, похоже, получили информацию с заложнице.

Наконец они миновали пригород, и через несколько минут машина подъехала к закрытым воротам садоводческого товарищества. Чуть в отдалении держались преследователи. Видно, была дана команда не провоцировать стрельбу, чтобы не пострадала заложница.

Бросая взгляды в сторону полицейских автомобилей, Алексей с Оксаной двинулись к воротам в виде арки, поверху которой шла надпись из облупившейся краски "Вишенка".

Забрехала собака, из приземистого деревянного домика появился, судя по всему, сторож — небритый мужчина лет пятидесяти. Выйдя через калитку, подошел к автомобилю и склонился к водительскому окну. На странный наряд Оксаны глянул с нескрываемым интересом.

— У вас какой участок? — хрипло спросил он, обдавая Клеста перегаром.

Вместо ответа Алексей сунул ему под нос ствол пистолета.

— Видал? При исполнении мы, на территорию нам надо. А теперь посмотри назад. Видишь ментовские тачки?

Сторож, прищурившись, посмотрел в ту сторону, где припарковались преследователи. Выражение на лице мужичка не изменилось, но интонация стала другой.

— Да мне что, езжайте, коли надо. Сейчас только ворота открою... А что случилось-то? Обокрали кого? Так я пару раз за нонешнюю ночь делал обход, все вроде спокойно было...

Алексей не стал отвечать, окутав сторожа облаком выхлопных газов. Зиновий ехал здесь поздно вечером, в рассветных лучах солнца все выглядело совсем по-другому. Оксана, должно быть, заметила тень растерянности на его лице, но по-прежнему молчала, лишь только ободряюще сжала его локоть.

Впереди показался дачный домик с флюгером на крыше в виде жестяного петуха. И он

тут же выудил из воспоминаний Хорькова, ставшими теперь его воспоминаниями, эту мелькнувшую ночью в неверном свете фар птицу. Именно здесь нужно повернуть направо, а затем налево, и через два проезда остановиться у недостроенной дачи.

Предчувствие его не обмануло. Вскоре показался дом без крыши, окруженный яблонями и зарослями малины и смородины. Собирать все это плодово-ягодное богатство, похоже, было некому, ягоды, налившиеся соком в июне-июле, сейчас висели скукоженными, потерявшими истинный цвет комочками. А вот яблоки, напротив, только вошли в силу, и первым неосознанным желанием Алексея было сорвать ярко-красный плод и надкусить, так, чтобы сок брызнул во все стороны...

Он потряс головой, прогоняя совсем неуместное в данный момент желание. Сейчас нужно думать о том, как спасти Митю, если, конечно, Зиновий правильно рассчитал время, и мальчик еще не захлебнулся.

Он бросил Оксане: "Идем" и, открыв закрытую на щеколду калитку, бегом рванул в сторону большого прямоугольного бака. Тот возвышался на четырех штырях, и походил на неведомое, безголовое существо, покрытое ржаво-рыжей шерстью. Из крана в емкость лилась тонкая струйка воды. Зиновий все правильно рассчитал; в это время на соседних участках еще никого не было, так что можно было не опасаться, что кто-то перекроет кран, и тем более, заглянет в бак.

— Где Митя? — крикнула Оксана, бежавшая где-то сзади.

— Я надеюсь, что он здесь, и что с ним все нормально, — не оборачиваясь, на ходу ответил Клест.

Он сразу закрутил кран, и только после этого заглянул в емкость. Несчастный мальчик, связанный по рукам и ногам, с залепленным скотчем ртом, сидел на дне бака, испуганно глядя наверх. Вода ему доходила уже до подбородка, и опоздай Алексей еще на несколько минут — все было бы кончено.

— Ну что там?! — отвлек его от предполагаемого развития событий взволнованный голос Оксаны.

— Жив, жив Митька! — не скрывая облегчения, ответил Алексей и, больше рассчитывая на интонацию, чем на смысл сказанного, сказал мальчишке. — Все уже позади, не бойся. Ты молодец, вел себя, как настоящий мужчина.

На то, чтобы извлечь Митю из бака и освободить от пут, ушли пара минут. Все это время Оксана крутилась рядом, чисто по-бабьи причитая и пытаясь хоть как-то помочь, а в итоге только мешая. Когда же мальчик был свободен, то произошло нечто, чего Клест никак не мог ожидать; Митя обвил Алексея руками за шею и произнес только одно, но перевернувшее все внутри него слово:

— Папа...

Алексей и Оксана так и застыли с раскрытыми от удивления ртами. Затем, когда до Клеста дошел смысл сказанного мальчиком, он, прочистив осипшее горло, пролепетал:

— Митя, ну-ка повтори, что ты сейчас сказал...

Однако, если тот и был в состоянии что-то повторить, то просто не успел этого сделать. Неведомая сила опрокинула Алексея навзничь, а последовавший затем удар в челюсть на какое-то мгновение едва не лишил его чувств. В следующий миг Клест все же успел откатиться в сторону, иначе тяжелый ботинок с высокой шнуровкой расплющил бы его лицо.

Похоже, их преследователи зря время не теряли. Приусадебный участок кишмя кишел представителями органов правопорядка, а самый рьяный из них едва не отправил Клеста в

нокаут. Второй уже прикрывал телом девушку и ребенка, готовый пустить пулю в любого, кто покусится на их жизни. Судя по всему, операция по освобождению заложницы вступила в решающую фазу.

— А ну отставить, мать вашу! Всем покинуть территорию!

Зычный командный голос принадлежал не кому иному, как невесть откуда явившемуся генералу Близнюку. Хотя, скорее всего, нашли его все по тому же маячку, прикрепленному к днищу его машины. Генерал, в отличие от их первой встречи теперь одетый в форму, расталкивал совсем не хилых спецназовцев в стороны, словно атомоход мелкие льдины. Чуть позади плелись давешние близнецы Янис и Петерс. Судя по понурым физиономиям прибалтов, после того, как они не сумели взять живым Зиновия, у них случился серьезный разговор с генералом.

Между тем, подойдя к троице, из-за которой все и заварилось, Степан Акимович покачал головой:

— Ну и видок у вас, ребята...

У Клеста, поднявшегося с земли и вытиравшего кровь из разбитой губы, после всех случившихся событий просто не было сил что-то ответить. Между тем Близнюк совсем уж по-отечески погладил мокрого Митю по голове, достал из кармана початый пакетик с орешками и зачем-то сунул его мальчику:

— На-ка, малец, погрызи, а то, поди, изголодался.

Алексей сам не знал, чего сейчас ждать от ребенка. Вдруг Митька возьмет, да и скажет: "Спасибо", тем самым разбивая в пух прах теорию о том, что аутизм неизлечим. Однако к мальчугану вернулось обычное для него, отсутствующее выражение, с которым он и взял протянутый ему пакетик.

— Да-а, ну и кашу вы заварили, — протянул между тем генерал. — Вся приволжская полиция и прокуратура на ушах стоит. Уже и в Москву кто-то звякнуть успел. Зачем террористом-то прикинулся?

Алексей сел на покосившуюся скамейку, генерал-майор примостился рядом, и выслушал краткий пересказ событий последних часов, начиная с того момента, как Зиновий покончил с собой, бросившись на штыри арматуры. Близнюк только покрывал, слушая невероятную историю. Когда же Клест закончил рассказ, положил ему на плечо свою широкую ладонь, и вполголоса произнес:

— Это ты правильно скумекал, что Хорькова нужно просканировать. И версия с захватом заложницы была единственно верной, иначе развели бы волокиту с выяснением личности, а пока все прояснилось бы — пацан бы точно утоп... Жаль, конечно, что не удалось Кукловода взять живым. А с другой стороны — слишком уж своенравный тип был, ни в какую не хотел работать на благо государства... Слушай, Алексей, а тебе с твоими способностями прямая дорога к нам, в столицу. Соглашайся! Оклад станешь получать не в пример той подачке, которой тебя местные органы прикармливают. Да и с жильем поможем.

— Спасибо за предложение, товарищ генерал-майор, но я пока все же не готов сразу так круто менять свою жизнь. В себя хоть дайте прийти.

— Ну, никто тебя и не торопит. Отдохни, подумай, а если что и надумаешь — звякни Тришину, он мне доложит. Договорились? Ну и отлично! Кстати, медицинская помощь нужна? А то спецбригаду вызовем, если что...

— Да не нужно, вроде все живы-здоровы, — ответил Алексей, оглядывая Оксану и

Митю, вяло отправляющего в рот орешки. Да уж, физически мальчонка-то здоров, а вот психически... Впрочем, это к сегодняшней истории отношения не имеет.

— Ладно, а домой на чем будете добираться? Понятно... Тришин, поди-ка сюда. Обеспечь товарищей транспортом, а то они без колес, не ждать же им пригородного автобуса.

После чего Близнюк откланялся и вместе с близнецами уселся в черный, тонированный джип. Следом за столичным генералом и остальные — кроме автомобиля Тришина — покинули место, где разыгрывалась финальная сцена то ли трагедии, то ли мелодрамы. Для непосвященных все это так и останется загадкой. Ведь практически никто из них не знал в лицо знаменитого "Сканера", хотя большинство наверняка про него слышали.

Проводив машины взглядом, Алексей повернулся к Оксане, которая все никак не могла оторваться от сына, тихо причитая и ощупывая того на предмет ран или ушибов. Подошел, присел рядом на корточки.

— Может, поедem домой? Есть что-то очень хочется.

Оксана улыбнулась, напоминая сейчас самую себя прежнюю, ту, которую он привык видеть.

— Знаешь, я тоже после всех этих переживаний голодная как волк. Вернее, волчица. Теленка съела бы. — Тут же в ее голос вернулись материнские нотки. — А Митьке, кстати, нужно одежду поменять, а то как бы не простыл.

На пути к машине Алексей не удержался, сорвал-таки с ветки большое, красное яблоко, и с наслаждением впился зубами в сочную мякоть.

Эпилог

Пожелтевшие листья лениво кружили над Ново-Восточным кладбищем, падая на ухоженные и не очень захоронения. Мужчина, молодая женщина и мальчик лет шести стояли перед розовой мраморной плитой, держась за руки. На лицах взрослых была легкая грусть, мальчик же равнодушно наблюдал за большой черной птицей, сидевшей на соседнем памятнике. Ворона косилась на пришельцев таким же темным глазом, прикидывая, оставят ли они ей что-нибудь поживиться. И немного опешила, когда ребенок неожиданно ей подмигнул.

Пронзительно каркнув, птица сорвалась с насиженного места, и взмыла в воздух. Мужчина посмотрел ей вслед, наморщив лоб. В этот момент его посетило чувство deja-vu. Он был здесь два месяца назад, спасая женщину, которая сейчас стояла рядом с ним. И так же каркала ворона, только в тот раз она, кажется, взлетела с могильного холмика, а не с надгробия. Всего месяц, а событий на целый год, если не на жизнь!

Дело о Зиновии Хорькове разбиралось на самом высоком уровне. Из-за своей специфичности широкой огласке оно не подлежало. Главное, чего, на взгляд Клеста, удалось добиться — это реабилитация Ольги Раевской и Вадима Анфиногенова. При освобождении про настоящего убийцу им ничего не сказали, объяснили закрытие дела недостаточностью улик.

Алексей и Оксана решили оформить свои отношения и жить вместе. Естественно, включая и Митю. Свои квартиры они продали месяц назад и приобрели двухэтажный коттедж в пригороде, рассудив, что ребенку будет полезен свежий воздух. Сейчас на втором

этаже дома, в спальне и детской, они сами заканчивали ремонт, поэтому всем троим временно приходилось жить в гостиной. Впрочем, это их ничуть не обременяло. Недаром в пословице говорится, что с милым и в шалаше рай.

А вот от Курта Алексей все же предпочел избавиться. Почему-то скорпион навевал на него мрачные воспоминания, и Клест счел за лучшее подарить членистоногое естественно-географическому факультету местного университета.

О предложении стать штатным сотрудником столичного ФСБ Алексей думал не раз. Но в итоге решил, что не стоит связывать свою жизнь с этим ведомством. А еще лучше было бы вообще завязать с работой на органы. Да, непатриотично, но слишком уже нервная работенка. Неудивительно, что после закрытия дела Зиновия Хорькова Клест всерьез задумался, стоит ли ему вообще иметь дело с силовыми структурами. Однако Оксана в откровенном разговоре сумела-таки убедить его, что зло нужно искоренять, а он, наделенный даром свыше, должен этому способствовать. Хотя недавно его попросили помочь в очередном деле, грозившем попасть в число "висяков". Алексей не отказал, помог, и преступница, отравившая любовника мышьяком, оказалась в СИЗО.

Виктора Леонченко со всеми почестями похоронили на Ново-Восточном, на новом участке, где не так давно Клест метался в поисках заживо закопанной Оксаны. Что же касается могилы матери, то Алексей все-таки установил новое надгробие.

Картину "Лето" он закончил, как только они перебрались в новый коттедж. На это хватило всего одного дня. И тут же забросил ее на антресоли, решив это полотно никому не показывать. Как в случае со скорпионом, картина навевала неприятные воспоминания.

— Хороший он все-таки человек был. Хоть и знала я его всего ничего.

Голос спутницы заставил его вернуться его из мира своих размышлений. Алексей вздохнул, посмотрел на букет ярко-алых роз в своей руке, и положил его на могилу.

— Ты уж прости меня, Витька, что из-за меня погиб, пусть земля тебе будет пухом, — сказал он, и обернулся к спутнице. — Ну что, пойдём потихоньку?

Та кивнула, они взяли мальчика за руки с двух сторон и медленно побрели к выходу с кладбища. Машина была припаркована недалеко от выхода, на охраняемой автостоянке. Усадив Оксану и Митю на заднее сиденье, Алексей, прежде чем сесть за руль, обернулся в сторону Ново-Восточного.

Сердце отчего-то сжало словно тисками, в горле подозрительно запершило. Захотелось взвыть волком, броситься на землю и царапать ее ногтями, превращаясь в первобытное существо...

Он потряс головой, прогоняя морок, и поспешил забраться в салон. Поворачивая ключ зажигания, кинул взгляд в салонное зеркальце. Оксана копалась в сумочке, что-то выискивая в ее недрах, а Митя грыз ногти...

Ногти, ногти... А ведь раньше за ним такой привычки не водилось.

В этот момент Алексей встретился с Митей взглядом, и почувствовал, как холодок медленно пополз по спине. Этот взгляд не мог принадлежать больному аутизмом ребенку, скорее, взрослому человеку, душа которого представляет собой бездонный черный колодец.

И вот тогда ему стало по-настоящему страшно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net